

Сельма Книга

СТЕНДАЛЬ

КРАСНОЕ И ЧЕРНОЕ

Стендаль (Мари-Анри Бейль)

Красное и черное

«Седьмая книга»

1830

Стендаль (Мари-Анри Бейль)

Красное и черное / Стендаль (Мари-Анри Бейль) — «Седьмая книга», 1830

Судьба каждого из нас всегда предлагает нам сделать выбор, который зачастую и является главным уроком в нашей истории на этой планете. Красное – это любовь, любовь, замешанная на неистовой страсти, это его Реналь. Черное – это гордость, гордыня и тщеславие, это его Матильда. Жюльен Сорель мечтал о славе, признании и власти, но нуждался только в любви. Две женщины – два отражения, две страсти героя, выбор только за ним...

© Стендаль (Мари-Анри Бейль), 1830

© Седьмая книга, 1830

Содержание

Часть первая	5
Глава 1. Маленький город	5
Глава 2. Мэр	8
Глава 3. Попечение о бедных	10
Глава 4. Отец и сын	13
Глава 5. Переговоры	16
Глава 6. Неприятность	21
Глава 7. Родственные души	26
Глава 8. Мелкие события	32
Глава 9. Вечер в деревне	37
Глава 10. Большое сердце и малое состояние	42
Глава 11. Вечер	44
Глава 12. Путешествие	47
Глава 13. Ажурные чулки	51
Глава 14. Английские ножницы	54
Глава 15. Пение петуха	56
Глава 16. Следующий день	59
Глава 17. Первый помощник мэра	62
Глава 18. Король в Верьере	65
Глава 19. Думы вызывают страдания	72
Глава 20. Анонимные письма	77
Глава 21. Диалог с хозяином	80
Конец ознакомительного фрагмента.	83

Стендаль

Красное и черное

Часть первая

Правда, горькая правда.

Дантон

Глава 1. Маленький город

Pur thousands together

Less bad

But the cage less gay.

Hobbes

Соберите вместе тысячи людей – оно как будто неплохо.

Но в клетке им будет не весело.

Гоббс.

Городок Верьер, пожалуй, можно назвать одним из самых живописных городов Франш-Конте. Белые домики с остроконечными красными черепичными крышами тянутся по склону холма, все контуры которого обозначены группами могучих каштанов. Река Ду протекает в нескольких сотнях шагов от городских укреплений, когда-то воздвигнутых испанцами, а теперь представляющих груды развалин.

С северной стороны Верьер защищен высокой горой, одним из отрогов Юры. Вершины Верьера покрываются снегом с первыми октябрьскими холодами. Поток, устремляющийся с гор, пересекает Верьер раньше своего впадения в Ду и приводит в движение множество лесопилен; это очень несложное ремесло, однако доставляет порядочный заработок большинству жителей – скорее крестьян, чем горожан. Впрочем, не лесопильни обогатили этот городок. Своим процветанием город обязан фабрике ситцев, называемых мюлузскими; только при ее посредстве, после падения Наполеона, жители отстроили заново фасады почти всех домов Верьера.

Лишь только вы въезжаете в город, вас оглушает грохот шумной и страшной на вид машины. Двадцать тяжелых молотов, опускаются с грохотом, от которого содрогается мостовая, поднимает колесо, приводимое в движение водой потока. Каждый из этих молотов производит ежедневно несколько тысяч гвоздей. Молоденькие хорошенькие девушки подставляют под удары огромных молотов крохотные кусочки железа, моментально превращаемые в гвозди. Это производство, столь грубое на вид, больше всего поражает путешественника, впервые проникшего в горы, отделяющие Францию от Гельветии. И если при входе в Верьер путешественник полюбопытствует: кому принадлежит эта великолепная фабрика гвоздей, оглушающая людей, идущих по Большой улице, – ему ответят с местным протяжным акцентом: «Э! она принадлежит господину мэру».

Если путешественник замешкается хоть ненадолго на Большой улице Верьера, которая подымается от берега реки до самой вершины холма, можно не сомневаться, что он встретит высокого человека с озабоченным и значительным выражением лица.

При виде его все тотчас приподнимают шляпы. У него седоватые волосы, одет он в серое. Он кавалер многих орденов: у него большой лоб, орлиный нос, вообще черты его достаточно

правильны: даже с первого взгляда кажется, что в этом лице достоинство сельского мэра соединено с некоторой привлекательностью, еще свойственной людям в возрасте от сорока восьми до пятидесяти лет. Но вскоре путешествующего парижанина неприятно удивит выражение самодовольства и тщеславия, за которым угадывается ограниченность и тупость. И наконец чувствуешь, что способности этого человека сводятся к умению заставлять выплачивать себе чрезвычайно аккуратно то, что ему должны, самому же платить как можно позже...

Таков мэр Верьера, господин де Реналь. Перейдя улицу важной поступью, он входит в мэрию и исчезает из глаз путника... Но, если тот продолжит свою прогулку, он увидит, поднявшись на сотню шагов, очень красивый дом и, сквозь примыкающую к нему железную решетку, великолепные сады. Выше линию горизонта образуют холмы Бургундии, которые будто специально созданы ради утех глаз. Этот вид заставляет путешественника позабыть об отравленной стяжательством атмосфере, которая начинает его душить.

Ему сообщают, что этот дом принадлежит господину де Реналю. Мэр Верьера обязан этой прекрасной каменной постройкой, отделка которой уже завершается, доходам со своей гвоздильной фабрики. Говорят, что господин де Реналь происходит из древнего испанского рода, будто бы поселившегося в этих краях еще задолго до завоевания их Людовиком XIV.

После 1815 года он стыдится того, что он промышленник: в 1815 году его избрали мэром Верьера. Каменные террасы, поддерживающие различные части этого великолепного сада, который спускается уступами к реке, также обязаны своим происхождением успехам господина де Реналья в железном производстве.

Не надейтесь встретить во Франции живописные сады, подобные тем, что окружают промышленные города Германии – Лейпциг, Франкфурт, Нюрнберг и прочие. Во Франш-Конте чем больше воздвигают зданий, чем больше обносят свои поместья каменными стенами, тем более приобретают уважение соседей. Сады господина де Реналья, обнесенные оградами, возбуждают восторг, ибо мэр приобрел за огромную цену клочки земли, которые они занимают. Например, лесопильня, странное положение которой на берегу Ду поразило вас при въезде в Верьер и на которой вы заметили имя *Сорель* гигантскими буквами на доске над крышей, занимала шесть лет тому назад место, где теперь возводят четвертую террасу садов господина де Реналья.

Несмотря на свою гордость, господину мэру пришлось-таки немало обхаживать этого старика Сореля, упрямого и тяжелого мужика; и немало пришлось ему отсчитать звонких червонцев, прежде чем он добился переноса лесопильни в другое место. Что же касается *общественного* ручья, приводившего в движение лесопильню, то господин де Реналь, пользуясь своими связями в Париже, добился того, что его отвели в новое русло. Это свидетельство расположения он получил после выборов в 1824 году.

Он уступил Сорелю четыре арпана за один, пятьюстами шагов ниже по берегу Ду. И хотя новое расположение было гораздо выгоднее для производства еловых досок, папаша Сорель, как его называют с тех пор, как он разбогател, сумел извлечь из нетерпеливости и мании *собственника*, обуявшей его соседа, кругленькую сумму в шесть тысяч франков.

Правда, эта сделка критиковалась местными умниками. Однажды, в воскресный день, четыре года тому назад, господин де Реналь, возвращаясь из церкви в costume мэра, увидел издали старика Сореля в окружении своих троих сыновей, смотревшего на него с усмешкой. Эта усмешка отметила роковой день в душе господина мэра, и с тех пор он думает, что мог бы совершить обмен на более выгодных условиях.

Чтобы добиться общественного уважения в Верьере, самое главное – это не принимать, занимаясь постройками, никаких планов, предлагаемых итальянскими каменщиками, переходящими весной через ущелья Юры по пути в Париж. Подобное новшество снискало бы неосмотрительному строителю вечную репутацию *сумасброда*, и он навсегда погиб бы в глазах умеренных и благоразумных людей – заправил мнений во Франш-Конте.

В сущности, эти благоразумные люди практикуют здесь самый несносный *деспотизм*; это скверное слово делает невыносимым пребывание в маленьких городках того, кто жил в большой республике, именуемой Парижем. Тирания мнений – и каких мнений! – так же нелепа во французской провинции, как и в Соединенных Штатах Америки.

Глава 2. Мэр

L'importance! Monsieur, n'est-ce-rien? Le respect des sots, l'ébahissement des enfants, l'envie des riches, le mépris du sage.

Vatave

Престиж! Как, сударь, вы думаете, это пустяки? Почет от дураков, глазающая в изумлении детвора, зависть богачей, презрение мудреца.

Барнав.

К счастью для репутации господина де Реналья как лица административного, городу потребовалось сооружение ограды для места общественного гуляния, расположенного вдоль холма в сотне футов над течением Ду. Именно своему удачному положению это место обязано тем, что оно представляет один из самых живописных видов во всей Франции. Но каждую весну дождевые потоки бороздили место гуляния и, прорывая углубления, делали затруднительными прогулки. Это неудобство, ощущаемое всеми, поставило господина де Реналья в счастливую необходимость увековечить свое правление возвышением стены в двадцать футов вышиной и в тридцать-сорок сажень длиной.

Парапет этой стены, ради которой господин де Реналь должен был совершить трижды путешествие в Париж, ибо предпоследний министр внутренних дел заявил себя смертельным врагом верьерского *променада*, возвышается теперь на четыре фута над уровнем земли. И словно в насмешку над всеми министрами, настоящими и бывшими, теперь его украшают плиты тесаного камня.

Сколько раз, вспоминая о балах недавно покинутого Парижа, облокотившись на эти огромные глыбы великолепного синевато-серого камня, я устремлял взор в долину Ду! Там, на левом берегу, извивались пять-шесть долин, в глубине которых взгляд различал изгибы ручейков. Падая с уступа на уступ каскадами, они вливаются наконец в реку. Солнце сильно палит в этих горах. Когда лучи его отвесны, мечты путника влечет к себе эта терраса великолепными платанами. Своею чудной синеватой зеленью и быстрым ростом они обязаны наносной земле, которой господин мэр обложил громадную террасу; ибо, несмотря на оппозицию муниципального совета, он расширил *променад* более чем на шесть футов (хотя он ультраконсерватор, а я – либерал, но я его за это хвалю), и потому, по мнению его и по мнению господина Вально, благоденствующего директора дома призрения Верьера, эта терраса может выдержать сравнение с известной террасой в Сен-Жермен-ан-Ле.

Что касается меня, то я нахожу только один недостаток в этом *Бульваре Верности*, – это официальное название красуется в пятнадцати-двадцати местах на мраморных досках, снискавших еще один лишний орден господину де Реналю, – то, в чем бы я мог упрекнуть *Бульвар Верности* — это варварский способ обрезки мощных платанов. Было бы гораздо отградней видеть их великолепно раскинувшимися на английский манер, однако они, к сожалению, походят своими круглыми и приплюснутыми верхушками на самые обыкновенные овощи. Но воля господина мэра деспотична, и два раза в год все деревья, принадлежащие общине, безжалостно уродуются. Местные либералы утверждают, конечно преувеличивая, что рука официального садовника приобрела еще большую суровость с тех пор, как господин викарий Малон возымел обыкновение завладевать продуктами стрижки.

Этот юный церковнослужитель был прислан из Безансона несколько лет тому назад, для наблюдения за аббатом Шеланом и несколькими окрестными священниками. Старик, отставной хирург итальянской армии, приютившийся в Верьере и бывший, по словам господина мэра,

и якобинцем, и бонапартистом, осмелился однажды пожаловаться ему на постоянное уродование прекрасных деревьев.

– Я люблю тень, – ответил господин де Реналь с тем оттенком высокомерия, который допустим в разговоре с отставным хирургом, кавалером ордена Почетного Легиона, – я люблю тень и велю подстригать *мои* деревья, чтобы получалась тень; я не понимаю, для чего еще пригодно дерево, если только оно *не приносит дохода*, подобно полезному орешнику.

Вот великие слова, имеющие решающее значение в Верьере, – приносить *доход*; в этих словах воплощен образ мыслей огромного большинства всех его обитателей.

Приносить доход — вот довод, решающий все в этом маленьком городе, показавшемся вам таким красивым. Чужестранец, прибывающий сюда, плененный красотой окружающих Верьер прохладных зеленеющих долин, воображает вначале, что его обитатели восприимчивы к *прекрасному*; они очень часто говорят о красоте своего края, нельзя отрицать, что они придают этому большое значение; но лишь потому, что эта красота привлекает иностранцев, деньги которых обогащают трактирщиков, а вследствие этого *приносят доход* городу.

В один прекрасный осенний день господин де Реналь прогуливался по *Бульвару Верности* под руку со своей женой. Слушая своего мужа, ораторствовавшего с важным видом, госпожа де Реналь беспокойно следила взглядом за движениями трех мальчуганов. Старший, которому было на вид лет одиннадцать, то и дело приближался к парпету и, казалось, собирался на него вскарабкаться. Но тотчас кроткий голос произносил имя Адольфа и ребенок отказывался от своего смелого намерения. Госпоже де Реналь на вид было лет тридцать, она была еще красива.

– Ему придется весьма раскаяться, этому парижскому господину, – говорил господин де Реналь с оскорбленным видом и с побледневшим более обычного лицом. – У меня ведь еще есть влиятельные друзья в Париже...

Но, хотя я намереваюсь беседовать с вами о провинции на двухстах страницах, я не буду настолько варваром, чтобы заставить вас выслушать скучнейший и меркантильнейший провинциальный диалог.

Этот «парижский господин», столь ненавистный верьерскому мэру, был не кто иной, как господин Аппер, который два дня тому назад каким-то образом проник не только в тюрьму и в городской дом призрения, но и в больницу, безвозмездно управляемую мэром и главнейшими местными собственниками.

– Но, – заметила робко госпожа де Реналь, – какой вред может причинить вам этот парижский господин, коль скоро вы управляете имуществом бедных с такой щепетильной добросовестностью?

– Он явился затем только, чтобы *навести критику* и потом пропечатать все это в либеральных газетишках.

– Вы же их никогда не читаете, мой друг.

– Но ведь мы слышим об этих якобинских статьях; все это нас отвлекает и *мешает нам делать добро* (Историческое выражение). Что касается меня – я никогда этого не прощу священнику.

Глава 3. Попечение о бедных

Un curé vertueux et sans intrigue est une Providence pour le village.

Fleury

*Добродетельный кюре, чуждый всяких происков,
поистине благодать божья для деревни.*

Флери

Следует сообщить читателю, что священник Верьера, восьмидесятилетний старик, обладавший, благодаря живительному горному воздуху, железным здоровьем и железным характером, имел право посещать во всякое время тюрьму, больницу и даже дом призрения. Так вот, ровно в шесть часов утра господин Аппер, с рекомендательным письмом к священнику, прибыл из Парижа в этот маленький любопытный город. И тотчас направился к дому священника.

Во время чтения письма, написанного ему маркизом де Ла Модем, пэром Франции, самым богатым местным землевладельцем, священник Шелан пребывал в задумчивости.

– Я стар и здесь меня любят, – сказал он, наконец, вполголоса, – они не осмелятся... – и устремил на приезжего из Парижа взгляд, в котором, несмотря на преклонный возраст, горел тот священный огонь, который возвещает об удовольствии совершить хороший, хотя и слегка опасный поступок.

– Отправимся вместе, сударь, но прошу вас, в присутствии тюремщика и в особенности смотрителей дома призрения, не выражайте вашего мнения относительно вещей, которые мы увидим.

Господин Аппер понял, что он имеет дело с благородным человеком; он последовал за почтенным священником, посетил тюрьму, больницу, дом призрения, задавал множество вопросов и, несмотря на странность ответов, не позволил себе выразить ни малейшего осуждения.

Осмотр длился несколько часов. Священник пригласил господина Аппера пообедать, но тот отказался под предлогом писания писем: он более не желал компрометировать своего великодушного спутника. Около трех часов пополудни эти господа отправились довершать осмотр дома призрения и затем снова возвратились к тюрьме. Там они встретили у дверей тюремщика, огромного человека ростом в шесть футов, с кривыми ногами; его гнусная физиономия от страха сделалась крайне отвратительной.

– Ах! сударь, – сказал он священнику, лишь только увидел его, – господин, который с вами, и есть господин Аппер?

– Ну так что ж? – сказал священник.

– А то, что со вчерашнего дня я имею самый точный приказ, присланный господином префектом с жандармом, скакавшим всю ночь, не допускать господина Аппера в тюрьму.

– Объявляю вам, господин Нуару, – сказал священник, – что путешественник, сопровождающий меня, – господин Аппер. Признаете ли вы, что я имею право посещать тюрьму во всякое время дня и ночи и приводить с собой кого я хочу?

– Да, господин священник, – ответил тюремщик тихо, опустив голову подобно бульдогу, который смиряется под угрозой палки. – Но, господин священник, у меня жена и дети, если узнают, что я его пустил, – меня уволят; а я только и живу на жалованье.

– Я тоже не хотел бы лишиться своего прихода, – возразил добрый священник взволнованным голосом.

– Вот уж сравнили! – возразил тюремщик с живостью. – Известно, господин священник, что у вас восемьсот ливров ренты.

Таковы были события, которые, комментируясь и искажаясь на множество ладов, волновали уже два дня обитателей Верьера. Теперь они послужили предметом беседы господина де Реналья с его женой. Утром в сопровождении господина Вально, директора дома призрения, господин де Реналь отправился к священнику, чтобы выразить ему свое живейшее неудовольствие. Господин Шелан покровителей не имел, и он хорошо почувствовал намек.

– Ну что ж, господа, я буду третьим восьмидесятилетним священником, которого сместят в этой округе. Я служу здесь пятьдесят шесть лет; я крестил почти всех жителей города, который был лишь поселком, когда я сюда приехал. Ежедневно я венчаю молодых людей, а когда-то венчал их дедов. Верьер – моя семья; но даже из страха потерять ее я не пойду на сделку с совестью и не изменю своему духовному наставнику; я сказал себе, увидав приезжего: «Этот человек из Парижа, быть может, и вправду либерал, но какой вред может он причинить нашим беднякам и нашим заключенным?»

Упреки господина де Реналья и в особенности господина Вально, директора дома призрения, становились все ожесточеннее.

– Ну что ж, господа, велите меня сместить, – воскликнул престарелый священник дрожащим голосом. – Я все равно останусь здесь жить. Сорок восемь лет тому назад мне досталась по наследству земля, приносящая восемьсот ливров, – я буду жить этим доходом. Я не имею побочных доходов на этом месте, господа, и, должно быть, потому я не пугаюсь, когда мне угрожают его потерей.

Господин де Реналь жил дружно со своей женой; но не найдя что ответить на робко повторяемый ему вопрос: «Какой вред этот парижский господин может причинить заключенным?» – он готов был окончательно рассердиться, как услышал ее крик. Второй из ее сыновей вскарабкался на парапет и побежал по нему, хотя стена террасы возвышалась более чем на двадцать футов над виноградником, находящимся по другую сторону. Боязнь, что сын испугается и упадет, мешала госпоже де Реналь позвать его. Наконец ребенок, радовавшийся своей удали, взглянул на мать и, увидев ее побледневшее лицо, прыгнул с парапета и побежал к ней. Его разбранили.

Это маленькое происшествие изменило ход беседы.

– Решительно я хочу взять к себе Сореля, сына лесопильщика, – сказал господин де Реналь. – Он будет присматривать за детьми, которые становятся не в меру резвыми. Это молодой священник, а потому и хороший латинист, он заставит детей учиться; священник говорит, что у него твердый характер. Я дам ему триста франков и содержание. Я несколько сомневался на счет его нравственности, ибо он был любимцем этого старого лекаря, кавалера Почетного Легиона, который, считая себя кузеном Сореля, поселился на хлебником у него в доме. Разумеется, этот человек мог быть тайным агентом либералов; он говорил, что горный воздух полезен для его астмы; но это, однако, не доказано. Он сопровождал *Боунапарте* во всех его походах в Италии и даже, говорят, подавал голос против империи когда-то. Этот либерал обучал латыни сына Сореля и оставил ему множество книг, которые привез с собою. Конечно, я никогда не мечтал пригласить сына плотника к нашим детям; но священник как раз накануне события, рассорившего нас навсегда, говорил мне, что этот Сорель изучает уже три года теологию, имея в виду поступить в семинарию; значит, он не либерал, и, кроме того, знает латынь.

– Это устраивает нас как нельзя лучше, – продолжал господин де Реналь, поглядывая на жену с видом дипломата. – Вально очень гордится своими двумя нормандскими кобылами, которых он купил для коляски. Но у него нет воспитателя для детей.

– Но он может перехватить у нас его.

– Так ты одобряешь мое намерение, – сказал господин де Реналь, награждая свою жену улыбкой за прекрасную идею, пришедшую ей в голову. – Ну, значит, решено.

– Ах, господи, милый друг, как ты торопишься с решениями.

– Это потому, что у меня есть характер, и священник в этом убедился. Не будем скрывать от себя – мы здесь окружены либералами. Все эти торгаши мне завидуют, я не сомневаюсь; некоторые из них уже разбогатели; так пускай они посмотрят, как дети господина де Реналья идут на прогулку в сопровождении *воспитателя*. Это внушит им почтение. Мой дед часто рассказывал нам, что в молодости у него был воспитатель. Он обойдется мне в сотню экю, но на это надо смотреть как на необходимый расход для поддержания нашего положения.

Это внезапно принятое решение заставило госпожу де Реналь задуматься. Она была высокая, хорошо сложенная женщина, «краса нашего края», – как говорят здесь. Ее отличали простосердечный вид, моложавая походка, и в глазах парижанина эта наивная грация, полная невинности и живости, таила бы, пожалуй, сладострастие... Но получи она такую репутацию, госпожа де Реналь была бы этим весьма сконфужена. И кокетство, и притворство равно были ей чужды. Господин Вально, богатый директор дома призрения, считался ее безуспешным вздыхателем, что высоко вознесло ее добродетель в глазах жителей города, ибо господин Вально, высокий мужчина, статный, с румяным лицом и густыми черными бакенбардами, представлял собой одно из тех наглых и шумливых существ, которых в провинции называют красавцами-мужчинами.

Госпожу де Реналь, особу застенчивую и, по-видимому, характера очень неровного, особенно раздражали постоянная подвижность и громовой голос господина Вально. Отвращение, которое она питала к тому, что в Верьере называется весельем, снискало ей репутацию гордячки, кичащейся своим происхождением. Об этом она, впрочем, мало думала, но была очень довольна тем, что обитатели города стали меньше ее посещать. Не будем скрывать, что она слыла дурочкою в глазах местных дам, ибо не лукавила в отношении своего мужа и не пользовалась случаем получить восхитительную шляпку из Парижа или Безансона. Она ничего не просила, лишь бы ей не мешали бродить по ее прекрасному саду.

Это была наивная душа, не помышлявшая никогда осуждать мужа или сознаться себе самой, что ей с ним скучно. Она полагала, хотя и не слишком об этом задумываясь, что между мужем и женою не может существовать лучших отношений. В особенности она любила слушать, как господин де Реналь строил проекты будущего их детей, одного из которых он предназначал к военной карьере, другого – к юридической, а третьего – к духовной. Вообще, она находила господина де Реналья гораздо менее скучным, чем всех прочих знакомых мужчин.

Мнение супруги имело основание. Мэр Верьера обязан был своею репутацией остряка и в особенности светского человека полдюжине анекдотов, унаследованных им от дяди. Старый капитан де Реналь служил до революции в отряде инфантерии герцога Орлеанского и был принят в Париже в доме наследного принца. Там он увидел госпожу де Монтессон, знаменитую госпожу де Жанлис, господина Дюкре, изобретателя из Пале-Рояля. Все эти личности весьма часто фигурировали в анекдотах господина де Реналья. Но с годами рассказывать столь деликатные вещи становилось ему все затруднительней, и с некоторых пор он стал вспоминать только в самых исключительных случаях анекдоты из жизни дома герцога Орлеанского. К тому же он был всегда весьма учтив, за исключением тех случаев, когда речь шла о деньгах, и потому не без основания считался самым большим аристократом в Верьере.

Глава 4. Отец и сын

E sara mia colpa, Le cosi?
Machiavelii

И моя ли эта вина, если это действительно так?
Макиавелли.

– У моей жены отличная голова! – говорил на следующий день в шесть часов утра верьерский мэр, направляясь к лесопильне папаша Сореля. – Хотя я сам завел этот разговор для поддержания авторитета, однако не подумал, что, если я не возьму этого аббатика Сореля, который, говорят, знает латынь, как ангел, директор дома призрения, с его беспокойным характером, может также возыметь эту идею и перехватить его у меня. С каким самодовольством он стал бы говорить о наставнике своих детей!.. Но не вздумает ли этот наставник, поступив ко мне, носить сутану?

Господин де Реналь погрузился в эти размышления, когда увидел издали крестьянина, почти шести футов ростом, который с раннего утра был поглощен измерением бревен, сложенных вдоль Ду, по дороге к базару. Крестьянин не обрадовался, увидав приближающегося господина мэра, ибо эти бревна заграждали дорогу и сложены были там, где не полагалось.

Папаша Сорель, ибо это был он, очень удивился и еще более обрадовался странному предложению, которое господин де Реналь сделал ему относительно его сына Жюльена. Тем не менее он выслушал его с печальным и равнодушным видом, которым так искусно маскируют свою хитрость обитатели этих гор. Рабы времен испанского владычества, они сохранили до сих пор эту черту египетского феллаха.

Ответ Сореля заключался прежде всего в долгом перечислении всех формул почтения, которые он знал наизусть. И в то время, как он повторял эти пустые слова с неловкой улыбкой, подчеркивавшей фальшивое, почти мошенническое выражение его лица, деятельный ум старого крестьянина старался угадать, какие причины могут заставить такого влиятельного человека брать к себе его негодного сына. Он был очень недоволен Жюльеном, а за него-то господин де Реналь и предлагал ему неожиданную сумму в триста франков ежегодно, с содержанием и даже с одеждою. Последнее условие, которое отец Сорель выдвинул в первую очередь, было, однако, принято господином де Реналем.

Это требование озадачило мэра. «Если Сорель не восхищен его предложением свыше меры, как должен, то ясно как божий день, – сказал он себе, – что ему сделано подобное предложение со стороны; и откуда же оно могло исходить, как не от Вально?» Напрасно господин де Реналь хотел заставить Сореля немедленно покончить с делом: хитрый старик упрямо воспротивился; он хотел, по его словам, посоветоваться с сыном, точно в провинции богатый отец когда-нибудь советуется – если только не ради проформы – с сыном, у которого ничего нет.

Водяная лесопилка помещается в сарае на берегу ручья. Крыша лежит на стропилах, опирающихся на четыре толстых деревянных столбах. В восьми или десяти футах над полом, посреди сарая, поднимается и опускается пила, а весьма простой механизм подталкивает к ней бревна. Ручей приводит в движение колесо, оно и управляет этим двойным механизмом, – тем, что поднимает и опускает пилу, и тем, что легонько подталкивает бревно к пиле, распиливающей его на доски.

Подойдя к своей мастерской, папаша Сорель начал громко звать Жюльена, но никто не отвечал. Он увидел только старших своих сыновей, похожих на великанов; вооруженные тяжелыми топорами, они обтесывали еловые стволы, прежде чем отнести их к пиле. Стараясь попасть точно на черную отметку, сделанную на деревьях, они обрубали взмахами топора

огромные щепы. Голоса отца они не слышали. Последний направился к сараю, но, войдя туда, он не увидел Жюльена на должном месте возле пилы. Тот сидел на одной из балок кровли, выше пятью-шестью футами. Вместо того чтобы внимательно следить за механизмом, Жюльен читал. Ничего не могло быть более ненавистного для старика Сореля; он еще, пожалуй, простил бы Жюльену его щуплое сложение, мало подходящее к физическому труду и так отличавшее его от старших братьев, но эта мания чтения была ему отвратительна: сам он не знал грамоты.

Тщетно окликнул он Жюльена два или три раза. Внимание, с которым молодой человек предавался чтению, более, чем шум пилы, мешало ему услышать грозный голос отца. Наконец, несмотря на свой возраст, старик проворно вскочил на бревно, лежавшее под пилою, и оттуда – на поперечную балку, подпиравшую крышу. От сильного удара книга, которую держал Жюльен, полетела в ручей; от второго, не менее сильного удара в голову он потерял равновесие. Он упал бы на двенадцать или пятнадцать футов вниз на рычаги машины, которые исковеркали бы его, если бы отец при падении не удержал его левой рукой.

– Ну что ж, лентяй! Так и будешь читать свои проклятые книги вместо того, чтобы наблюдать за пилой? Читай их на доброе здоровье вечером, когда теряешь время у кюре.

Жюльен, оглушенный затрешиной и окровавленный, направился к своему служебному посту возле пилы. Слезы выступили у него на глазах – не столько от физической боли, сколько от огорчения из-за потери книги, которую он обожал.

– Спускайся, скотина, я с тобой поговорю.

Шум машины снова помешал Жюльену услышать этот приказ. Его отец уже спустился вниз, не желая утруждать себя новым подъемом, схватил длинную жердь, служившую для сбивания орехов, и ударил ею сына по плечу. Лишь только Жюльен спустился на землю, как старик Сорель, грубо подгоняя его, толкнул по направлению к дому. «Бог знает, что он со мной сделает!» – сказал себе молодой человек. Проходя мимо, он с грустью поглядел на ручей, куда упала его книга; это была его любимая книга – «Мемориал Святой Елены».

Щеки его пылали, глаза были опущены. Это был юноша невысокого роста, лет восемнадцати-девятнадцати, на вид слабый; черты лица его были неправильны, но тонки; нос с горбинкою. Большие черные глаза, в спокойные минуты выражавшие вдумчивость и страстность, в этот момент пылали самой яростной ненавистью. Темно-каштановые волосы, росшие очень низко, суживали его лоб, что в минуты гнева придавало ему злое выражение. Среди бесчисленных разновидностей человеческих лиц, быть может, нет ни одного, которое бы отличалось такой разительной особенностью. Тонкая и стройная фигура его обнаруживала скорее легкомыслие, чем энергию. С детства его чрезвычайно задумчивый вид и сильная бледность внушили его отцу мысль, что он не жилец, а если и будет жить, то в тягость семье. Предмет насмешек всего дома, он ненавидел братьев и отца; по воскресеньям во время игр на площади его постоянно поколачивали.

Уже с год его смазливое лицо начинало привлекать молодых девушек... Презираемый всем светом как слабое существо, Жюльен обожал того старика-хирурга, который однажды осмелился сделать мэру замечание по поводу платанов.

Этот хирург иногда оплачивал папаше Сорелю рабочий день Жюльена и учил его латыни и истории, то есть тому, что знал сам – истории итальянского похода 1796 года. Умирая, он завещал ему свой крест Почетного Легиона, остатки пенсии, тридцать-сорок томов книг, самая драгоценная из которых только что полетела в *общественный ручей*, подведенный к лесопилке благодаря влиянию господина мэра.

Едва войдя в дом, Жюльен почувствовал на своем плече мощную руку отца; он задрожал в ожидании новых побоев.

– Отвечай мне правду, – услышал он над ухом грубый голос старого крестьянина, между тем как рука повернула его, подобно тому как детская рука поворачивает оловянного солда-

тика. Большие черные глаза Жюльена, полные слез, очутились против маленьких серых глаз старого плотника, которые словно старались заглянуть ему в душу.

Глава 5. Переговоры

Cunctando restituit rem.

Ennius

Медлительностью спас положение.

Энний.

– Отвечай мне, если можешь, без лжи, собачий *чтец*, откуда ты знаешь госпожу де Реналь? Когда ты с ней говорил?

– Я с нею никогда не говорил, – ответил Жюльеи, – я только видел эту даму в церкви.

– Но ты на нее глядел, бесстыдник?

– Никогда! Вы знаете, что в церкви я не вижу никого, кроме Бога, – лицемерно прибавил Жюльен, надеясь, что так он избежит тумачков.

– Но здесь что-нибудь да есть, – возразил хитрый крестьянин и на мгновение смолк. – Но от тебя ничего не добьешься, проклятый притворщик. Дело в том, что я скоро избавлюсь от тебя, и мое дело от этого только выиграет. Ты просил священника или кого другого, но он достал тебе отличное место. Собери свои пожитки, и я тебя отведу к господину де Реналю, где ты будешь наставником детей.

– Что я буду получать за это?

– Содержание, одежду и триста франков жалованья.

– Не хочу быть лакеем.

– Скотина, кто тебе говорит про лакея. Разве я захотел бы, чтобы мой сын был лакеем?

– А с кем я буду садиться за стол?

Этот вопрос смутил старика Сореля, он почувствовал, что может сказать чего не следует, разозлился на Жюльена, осыпал его бранью, обвиняя в чревоугодии, и пошел посоветоваться с другими сыновьями.

Жюльен вскоре увидел, как они совещаются, опираясь на свои топоры. Он долго смотрел на них, но, поскольку не мог догадаться о предмете разговора, пошел и спрятался за лесопилкой, чтобы его не могли найти. Ему хотелось подумать об этом неожиданном предложении, меняющем его судьбу, но чувствовал, что неспособен на благоразумие и стал мечтать о том, что увидит в прекрасном доме господина де Реналья.

«Лучше отказаться от всего этого, – сказал он себе, – чем позволить сажать себя за стол с прислугой. Отец захочет меня к этому принудить, нет, лучше умереть. Я скопил пятнадцать франков и восемь су и убегу сегодня ночью; через два дня окольными дорогами, где нечего опасаться жандармов, я дойду до Безансона; там поступлю в солдаты, а если понадобится, переберусь в Швейцарию. Но тогда прощай карьера, прощай прекрасное звание священника, открывающее дорогу ко всему».

Этот страх оказаться за одним столом с прислугой не был свойствен Жюльену; чтобы добиться положения, он пошел бы на испытания гораздо более тяжелые. Он почерпнул это отвращение в «Исповеди» Руссо. Это была единственная книга, по которой он представлял себе свет. «Журнал великой армии» и «Мемориал Святой Елены» дополняли его коран. Он готов был умереть за эти три сочинения. Никогда он не верил ничему другому. Храня заветы своего старого лекаря, он смотрел на все остальные книги, как на лживые, написанные плутами с меркантильными целями.

Обладая пламенной душой, Жюльен отличался также удивительной памятью, так часто сопровождающей глупость. Чтобы расположить к себе старого священника Шелана, от кото-

рого, как он видел, зависело его будущее, он выучил наизусть по-латыни Новый Завет; он знал также книгу о Папе де Местра, но не верил ни той, ни другой.

Словно по взаимному согласию, Сорель и его сын избегали в этот день разговора. Вечером Жюльен отправился к священнику на урок теологии, но не счел нужным говорить ему о странном предложении, сделанном его отцу. «Быть может, это какая-нибудь ловушка, – говорил он себе – нужно сделать вид, что я об этом позабыл».

На другой день, рано утром, господин де Реналь велел позвать старика Сореля, который, заставив себя прождать час или два, наконец явился, начав еще у дверей извиняться и раскланиваться. После долгих расспросов Сорель понял, что его сын будет обедать вместе с хозяевами дома, а в те дни, когда будут гости, – в отдельной комнате с детьми. Становясь все требовательнее по мере того, как он замечал, насколько господин мэр заинтересован в его сыне, но все еще удивленный и полный сомнений, Сорель пожелал видеть комнату, где поместят его сына. Это была большая комната, прилично обставленная, в которую уже переносили кровати троих мальчиков.

Это обстоятельство кое-что прояснило для старого крестьянина; он тотчас настойчиво попросил показать ему одежду, которую дадут его сыну. Господин де Реналь открыл конторку и вынул оттуда сто франков.

– Пусть ваш сын отправится с этими деньгами к суконщику господину Дюрану и закажет себе этот костюм.

– А если бы я взял его от вас, – сказал крестьянин, вдруг словно позабывший свой почтительный тон, – у него останется эта черная пара?

– Конечно.

– Ладно! – сказал Сорель, растягивая слова, – теперь нам остается условиться только насчет денег, которые вы ему будете платить.

– Как! – воскликнул господин де Реналь в негодовании. – Мы ведь вчера условились: я даю триста франков; полагаю, что этого достаточно, если не слишком много.

– Вы это предложили, я этого не отрицаю, – сказал старик Сорель, еще более растягивая слова; и в порыве вдохновения, способного удивить только тех, кто не знает крестьян Франш-Конте, прибавил, глядя в упор на господина де Реналья: – *мы найдем и получше, в другом месте.*

При этих словах лицо мэра исказилось. Впрочем, он быстро овладел собою и после искусного разговора в течение целых двух часов, где ни слова не было сказано зря, хитрость крестьянина восторжествовала над хитростью богача, который не нуждался в ней, чтобы жить. Все многочисленные пункты, определявшие новое существование Жюльена, были установлены с точностью; и не только его жалованье было определено в четыреста франков, но оно должно было уплачиваться вперед, первого числа каждого месяца.

– Итак, я ему выдам тридцать пять франков, – сказал господин де Реналь.

– Для круглого счета такой богатый и щедрый господин, как наш мэр, – сказал крестьянин *льстиво*, – не пожалеет тридцати шести франков.

– Хорошо, – сказал господин де Реналь. – Но на этом покончим.

Он был возмущен и вследствие этого принял твердый тон. Крестьянин увидел, что следует прекратить выпрашивание. Но тут господин де Реналь перешел в наступление. Он ни за что не согласился выдать деньги за первый месяц старику Сорелю, спешившему их получить за сына. Господин де Реналь подумал, что ему придется рассказать жене о роли, которую он играл во всех этих переговорах.

– Отдайте мне сто франков, которые я вам дал, – сказал он с досадой. – Господин Дюран мне кое-что должен. Я сам пойду с вашим сыном выбирать черное сукно.

После этого резкого выпада Сорель благоразумно вернулся к своему почтительному тону; и это заняло у него еще добрую четверть часа. Наконец, видя, что он окончательно ничего больше не добьется, он удалился. Его последний поклон сопровождался словами:

– Я тотчас пошлю сына в замок.

Так подчиненные господина мэра называли его дом, когда хотели ему угодить.

Вернувшись на лесопилку, Сорель напрасно искал своего сына. Опасаясь того, что может произойти, Жюльен ушел посреди ночи. Ему хотелось оставить в надежном месте свои книги и крест Почетного Легиона. Он снес все это к молодому лесоторговцу, своему другу Фуке, жившему на вершине горы над Верьером.

Когда он появился, отец сказал ему:

– Ах, проклятый ленивец, хватит ли у тебя совести перед Богом, чтобы заплатить мне за все, что я тратил на твое содержание столько лет! Бери свои лохмотья и убирайся к господину мэру.

Жюльен, удивленный, что его не поколотили, поспешил отправиться. Но, едва скрывшись из глаз своего грозного отца, он замедлил шаг. Он рассудил, что было бы неплохо зайти в церковь и подкрепиться в своем ханжестве.

Слово «ханжество» вас удивляет? Прежде чем дойти до этого, душа юного крестьянина должна была много претерпеть.

С раннего детства, когда он увидел драгунов шестого полка (Автор был подпоручиком шестого драгунского полка в 1800 году), в длинных белых плащах и касках с черными султанами, – они, возвращаясь из Италии, останавливались в Верьере и привязывали лошадей к решетке окна его отца, – с тех самых пор он стал восторженным поклонником военной службы. Позже он с увлечением слушал рассказы отставного лекаря о сражениях на мосту Лоди, в Арколе, в Риволи. Он подмечал пламенные взгляды, которые старец бросал на свой крест.

Но когда Жюльену было четырнадцать лет, в Верьере начали строить церковь, которую можно было назвать великолепной для столь маленького города. В особенности поразили Жюльена там четыре мраморные колонны; они прославились во всей округе из-за смертельной ненависти, возбужденной ими между мировым судьей и молодым викарием, присланным из Безансона и слывшим за соглядатая конгрегации. Мировой судья чуть не лишился из-за этого своего места, – по крайней мере, все так думали. Как он посмел вступить в разногласия со священником, который каждые две недели ездил в Безансон, где, как говорят, он имел дело с самим монсеньором епископом?

Тем временем мировой судья, отец многочисленного семейства, вынес несколько приговоров, показавшихся несправедливыми: все они были направлены против читающих «Constitutionnel». Правоверные торжествовали. Правда, что потерпевшим приходилось уплатить не более трех или пяти франков; но один из этих штрафов пришелся на долю гвоздаря, крестного отца Жюльена. Разгневавшись, он воскликнул: «Какая перемена! И сказать, что двадцать лет тому назад мировой судья считался честным человеком!» Отставной лекарь, друг Жюльена, был тогда уже в могиле.

Тогда вдруг Жюльен перестал говорить о Наполеоне; он объявил о своем намерении стать священником, и его постоянно можно было видеть на лесопилке его отца, занятого заучиванием наизусть латинской Библии, одолженной ему священником. Добрый старик, изумленный его успехами, по целым вечерам занимался с ним, толкуя ему теологию. Жюльен выказывал перед ним лишь самые благочестивые чувства. И кто бы мог угадать, что это женственное лицо, такое кроткое и бледное, скрывало непоколебимую решимость скорее подвергнуться тысяче смертей, чем не сделать карьеры?

Для Жюльена сделать карьеру означало, прежде всего, вырваться из Верьера; он ненавидел свою родину. Все, что он здесь видел, сковывало полет его воображения.

С детства он испытывал моменты экзальтации. Тогда он мечтал с восхищением о том, что однажды он будет представлен прекрасным парижским дамам и сумеет привлечь их внимание каким-нибудь блестящим поступком. Почему бы одна из них не могла полюбить его, подобно тому, как Бонапарта, который был тогда еще беден, полюбила блестящая госпожа де

Богарнэ? В течение многих лет не проходило, должно быть, и часа, когда бы Жюльен не говорил себе, что Бонапарт, неизвестный и бедный офицер, сделался властелином мира благодаря одной своей шпаге. И эта мысль утешала его в несчастях, казавшихся ему ужасными, и увеличивала радости, выпадавшие ему на долю.

Постройка церкви и приговоры мирового судьи точно вдруг открыли перед ним свет; мысль, которая пришла ему в голову, сделала его почти одержимым на несколько недель и наконец овладела им со всей властью первой идеи, которую страстная натура считает своим изобретением.

«Когда Бонапарт заставил говорить о себе, Франция опасалась вторжения иноземцев; военная доблесть была тогда необходима и в моде. Теперь сорокалетние священники получают сто тысяч франков жалованья, то есть в три раза больше, чем получали прославленные генералы Наполеона. Им нужны помощники... Вот этот мировой судья такой умный, до сих пор такой честный, уже на старости лет позорит себя из боязни не понравиться молодому тридцатилетнему викарию. Надо стать священником».

Однажды, в разгар своего нового увлечения, когда Жюльен уже два года изучал теологию, он выдал неожиданно для всех пламя, пожирившее его душу. Это случилось у господина Шелана; на обеде священников, которым добрый старик представил его как чудо знания, он вдруг начал горячо восхвалять Наполеона. Осознав ошибки, он привязал себе правую руку к груди, сказав, что вывихнул ее, переверачивая еловые бревна, и два месяца носил ее в этом неудобном положении. После этого телесного наказания он простил себя. Вот каков был этот восемнадцатилетний юноша, такой хрупкий на вид, что ему едва можно было дать семнадцать лет, входивший с маленьким свертком под мышкой в великолепную верьерскую церковь.

В церкви было темно и пустынно. По случаю праздника все окна здания были завешены пунцовой материей; получался эффект ослепительного света от солнечных лучей, проникавших внутрь... Жюльен затрепетал. Очутившись один в церкви, он уселся на самую красивую скамью. На ней находился герб господина де Реналья.

На скамье Жюльен заметил клочок печатной бумаги, положенный словно для прочтения. Он взглянул на него и увидел: «Описание казни и последних минут Луи Женреля, казненного в Безансоне, сего...»

Бумажка была разорвана. На обороте можно было прочесть два первых слова строки: «первый шаг».

– Кто мог положить эту бумажку сюда? – сказал Жюльен. – Несчастный! – прибавил он со вздохом, – его имя оканчивается как мое... – И он смял бумажку.

Когда Жюльен выходил, ему показалось, что он видит кровь возле кропильницы: это была пролитая святая вода: отблеск красных занавесей, закрывавших окна, делал ее похожей на кровь.

Наконец Жюльен устыдился своего тайного страха.

– Неужели я трус? – спросил он себя. – *К оружию!*

Это слово, так часто повторявшееся в рассказах о сражениях отставного лекаря, было для Жюльена символом героизма. Он встал и быстро направился к дому господина де Реналья.

Несмотря на свою решимость, лишь только он увидел этот дом в двадцати шагах, им овладела непобедимая робость. Железная решетка была открыта; она показалась ему великолепной. Надо было войти. Жюльен не был единственным, чье сердце сжималось при входе в этот дом.

Крайне застенчивая госпожа де Реналь смущалась при мысли, что этот чужой человек в силу своих обязанностей будет постоянно находиться между нею и детьми. Она привыкла, чтобы сыновья спали в ее комнате. Утром, увидав их кровати перенесенными в комнату, предназначенную для наставника, она пролила немало слез. И тщетно просила мужа, чтобы кровать Станислава-Ксавье, самого младшего, была снова перенесена в ее комнату.

Женская чувствительность была чрезвычайно развита в госпоже де Реналь. Она представила себе грубое, нечесаное существо, которое будет бранить ее детей исключительно потому, что он знает латынь – варварский язык, за который ее мальчуганов будут сечь.

Глава 6. Неприятность

Non so piu cosa son Cosa faccio.

Мозарт. Фигаро

Не знаю, что со мной и что я делаю.

Моцарт. Свадьба Фигаро.

Госпожа де Реналь, со свойственной ей грацией и живостью, проявившихся, если она не чувствовала на себе взглядов мужчин, спускалась из гостиной в сад, когда она заметила у входной двери молодого крестьянина, еще почти подростка, чрезвычайно бледного, с заплаканным лицом. Он был в чистой белой рубашке и держал под мышкой опрятную куртку из лиловой шерстяной материи.

Лицо этого юного крестьянина было так бело, глаза так кротки, что из-за романического воображения госпожи де Реналь сначала приняла его за молодую переодетую девушку, пришедшую с какой-нибудь просьбой к господину мэру. Ей стало жаль это бедное существо, стоявшее у входа, очевидно не решаясь дотронуться до звонка. Госпожа де Реналь подошла, на мгновение забыв о том огорчении, которое ей причинял приезд наставника. Жюльен, обернувшись к двери, не заметил ее приближения. Он вздрогнул, услышав вдруг у самого уха нежный голос:

– Что вам здесь нужно, дитя мое?

Жюльен быстро обернулся и, пораженный полным кротости взглядом госпожи де Реналь, несколько оправился от своего смущения. Затем, пораженный ее красотой, он позабыл все, – даже зачем он пришел сюда. Госпожа де Реналь повторила свой вопрос.

– Я пришел сюда в качестве наставника, сударыня, – сказал он ей наконец, смущенный своими слезами и стараясь их как-нибудь вытереть.

Госпожа де Реналь была изумлена; они стояли, глядя друг другу в глаза. Жюльен никогда не видал, чтобы так прекрасно одетое существо, и в особенности дама с таким ослепительным цветом лица, говорила бы с ним так любезно. Госпожа де Реналь смотрела на крупные слезы, катившиеся по бледным, а теперь порозовевшим щекам молодого крестьянина. Вскоре она начала смеяться с веселостью молодой девушки: она смеялась над самой собою, сама не веря своему счастью. Как, это и был воспитатель, которого она воображала себе в виде грязного обтрепанного священника, который будет бранить и бить ее детей.

– Как, сударь, – спросила она его наконец, – вы знаете латынь?

Слово «сударь» так удивило Жюльена, что он на мгновение задумался.

– Да, сударыня, – отвечал он робко.

Госпожа де Реналь была так счастлива, что решила спросить Жюльена:

– Вы не будете очень бранить этих бедных детей?

– Бранить их, – ответил удивленный Жюльен, – да за что же?

– Не правда ли, сударь, – прибавила она, немного помолчав, голосом, в котором заметно было возрастающее волнение, – вы будете с ними добры, обещайте мне это.

То, что его еще раз всерьез назвала сударем так прекрасно одетая дама, превосходило все ожидания Жюльена: строя в юности свои воздушные замки, он решил, что ни одна порядочная дама не удостоит его разговором, пока у него не будет красивого мундира. Госпожа де Реналь, со своей стороны, была совершенно поражена нежным цветом лица, большими черными глазами Жюльена и его красивыми волосами, вившимися более обыкновенного, ибо для освежения он окунул голову в общественный фонтан. К ее великой радости, она нашла, что воображаемый страшный наставник грубого и противного вида, которого она так боялась для детей,

походил больше на застенчивую молодую девушку. Для мирно настроенной души госпожи де Реналь контраст между ее опасениями и тем, что она видела, составлял большую неожиданность. Наконец она оправилась от своего изумления. И удивилась тому, что стоит у входа в дом с молодым человеком в простой рубашке и так близко от него.

– Идемте, сударь, – сказала она ему несколько смущенным тоном.

Еще никогда в жизни такое приятное чувство не волновало так глубоко госпожу де Реналь; никогда еще такое милое явление не сменяло таких тревожных опасений. Итак, ее милые мальчики, которых она так лелеяла, не попадут в лапы грязного и ворчливого священника. Войдя в переднюю, она обернулась к Жюльену, робко следовавшему за нею. Его удивление при виде столь прекрасного дома еще увеличивало его привлекательность в глазах госпожи де Реналь. Она не верила своим глазам; она воображала себе наставника всегда одетым в черное.

– Неужели это правда, сударь, – сказала она, снова останавливаясь и смертельно боясь ошибиться, она так обрадовалась, а вдруг это ошибка, – вы знаете латынь?

Эти слова задели гордость Жюльена и рассеяли очарование, в котором он пребывал целую четверть часа.

– Да, сударыня, – отвечал он, стараясь принять гордый вид, – я знаю латынь не хуже нашего священника, а в иных случаях он по своей доброте признает мои знания выше.

Госпоже де Реналь показалось, что Жюльен рассердился; он стоял в двух шагах от нее. Она подошла и сказала ему тихо:

– Не правда ли, в первые дни вы не станете сечь моих детей, даже если бы они и не знали уроков?

Этот нежный, почти умоляющий тон столь прекрасной дамы заставил Жюльена вдруг позабыть все, что касалось его репутации латиниста. Лицо госпожи де Реналь было так близко к его лицу, он ощущал аромат ее легких одеяний, что было совершенно необычно для молодого крестьянина. Жюльен страшно покраснел и сказал со вздохом еле слышно:

– Не бойтесь ничего, сударыня, я буду вас слушаться во всем.

Только в этот момент, когда беспокойство госпожи де Реналь за детей окончательно рассеялось, она вдруг поразились исключительной красоте Жюльена. Его женственные черты, застенчивый вид не показались смешными женщине, в свою очередь тоже чрезвычайно застенчивой. Мужественный вид, обычно считающийся свойством мужской красоты, испугал бы ее...

– Сколько вам лет, сударь? – спросила она у Жюльена.

– Скоро девятнадцать.

– Моему старшему сыну одиннадцать лет, – говорила госпожа де Реналь, совершенно успокоившись, – он будет почти товарищем для вас. Вы сможете его убеждать. Когда один раз отец вздумал его ударить, ребенок проболел целую неделю, хотя удар был пустяковый.

«Какая разница со мною, – подумал Жюльен. – Еще вчера отец отколотил меня. Какие счастливыцы эти богачи!»

Госпожа де Реналь уже начинала подмечать оттенки настроений в душе наставника; она приняла это облачко грусти за робость и захотела его ободрить.

– Как вас зовут, сударь? – спросила она его с таким милым выражением, что Жюльен весь затрепетал, не отдавая себе сам в том отчета.

– Меня зовут Жюльен Сорель, сударыня; я трепещу, входя впервые в жизни в чужой дом; я нуждаюсь в вашем покровительстве и в вашей снисходительности к тем промахам, которые могу сделать в первые дни. Я не был в колледже, я слишком для этого беден; я никогда ни с кем не разговаривал, кроме моего кузена, отставного хирурга, кавалера Почетного Легиона, и священника Шелана. Он может вам дать хороший отзыв обо мне. Мои братья всегда меня били; не верьте им, если они будут вам говорить обо мне дурно; простите мои промахи, – у меня нет дурных намерений.

Жюльен ободрился во время этой долгой речи; он рассматривал госпожу де Реналь. Таково действие истинного обаяния, когда оно естественно и когда особа, обладающая им, даже не думает о своей прелести... Жюльен, считавший себя знатоком женской красоты, готов был поклясться в этот момент, что ей не более двадцати лет. Ему вдруг пришла в голову дерзкая мысль поцеловать ей руку. Затем он испугался своей мысли, а минуту спустя говорил себе: «Было бы трусостью с моей стороны не выполнить того, что может мне оказаться полезным и смягчить презрение, которое эта прекрасная дама, наверное, чувствует к бедному работнику, едва оставившему пилу». Быть может, Жюльену придало храбрости название красивого малого, которое он слышал в свой адрес в течение полугода но воскресеньям от молодых девиц... Пока длилась эта внутренняя борьба, госпожа де Реналь обратилась к нему с несколькими наставлениями относительно того, как вести себя с детьми. Усилие, которое делал над собою Жюльен, заставило его снова побледнеть; он сказал с принужденным видом:

– Никогда, сударыня, я не стану бить ваших детей; клянусь вам в этом перед Богом. – Произнося эти слова, он осмелился взять руку госпожи де Реналь и поднести ее к своим губам. Ее удивил этот поступок, и, после минутного размышления, он показался ей дерзким. Так как было очень жарко, то ее обнаженные руки были прикрыты шалью, которая раскрылась, когда Жюльен поднес ее руку к губам. Через несколько мгновений она рассердилась на себя; ей показалось, что она недостаточно возмутилась...

Господин де Реналь, услышавший голоса, вышел из своего кабинета; с величественным и покровительственным видом, который он принимал при заключении браков в мэрии, он сказал Жюльену:

– Мне надо переговорить с вами прежде, чем дети увидят вас.

Он увел Жюльена в комнату и удержал жену, намеревавшуюся оставить их вдвоем. Затворив дверь, господин де Реналь важно уселся.

– Господин священник дал мне о вас хороший отзыв, – все будут обращаться здесь с вами почтительно, и если я останусь доволен, то помогу вам со временем устроиться... Я бы хотел, чтобы вы не виделись больше ни с вашими родными, ни с друзьями: их манеры не подходят для моих детей. Вот тридцать шесть франков за первый месяц, но я возьму с вас слово, что вы не дадите ни гроша из этих денег вашему отцу.

Господин де Реналь был зол на старика за то, что тот в этом деле перехитрил его.

– Теперь, *сударь*, ибо по моему приказу здесь все будут вас так называть, и вы узнаете, что значит пребывание в порядочном доме; теперь, сударь, не следует, чтобы дети видели вас в куртке. Прислуга видела его? – спросил де Реналь у жены.

– Нет, мой друг, – ответила она с видом глубокой задумчивости.

– Тем лучше. Наденьте это, – сказал он удивленному молодому человеку, подавая ему свой сюртук. – А теперь пойдем к суконщику господину Дюрану.

Более чем час спустя, когда господин де Реналь вернулся с новым наставником, одетым во все черное, он нашел свою жену сидящую на том же месте. Она почувствовала себя успокоенной в присутствии Жюльена; рассматривая его, она забыла свой прежний страх. Жюльен совсем не думал о ней; несмотря на его недоверие к жизни и к людям, его душа в этот момент была еще душой ребенка; ему казалось, что он прожил целые годы с той минуты, когда он, всего три часа назад, сидел в церкви. Он заметил холодный вид госпожи де Реналь и понял, что она рассердилась на то, что он осмелился поцеловать ее руку. Но горделивое чувство, возбуждаемое в нем новым платьем, непохожим на его обычные костюмы, до такой степени вывело его из себя, и он так старался скрыть свою радость, что его манеры сделались резки и нелепы. Госпожа де Реналь смотрела на него с удивлением.

– Вам следует быть более сдержанным, сударь, – сказал ему господин де Реналь, – если вы хотите, чтобы вас уважали мои дети и мои слуги.

– Сударь, – ответил Жюльен, – меня стесняет это новое платье; я, бедный крестьянин, до сих пор носил только куртки; если вы позволите, я пойду и побуду один в своей комнате.

– Как тебе кажется это новое приобретение? – спросил господин де Реналь у своей жены. Инстинктивно, почти бессознательно госпожа де Реналь не захотела сказать правду мужу.

– Я не в такой степени очарована этим мужланчиком; ваши любезности сделают из него наглеца, которого вам придется прогнать до конца месяца.

– Ну что ж! и прогоним; это обойдется в лишнюю сотню франков, а Верьер привыкнет видеть детей господина де Реналья с наставником. Эта цель не была бы достигнута, если бы я оставил Жюльена в его мужицком наряде. Если я его прогоню, я, конечно, оставлю у себя черную пару, которую я заказал у суконщика. У него останется то, что я нашел готового и во что я его одел.

Час, который Жюльен провел в своей комнате, показался мгновением госпоже де Реналь. Дети, оповещенные о прибытии нового наставника, осаждали мать вопросами. Наконец Жюльен вышел. Это был другой человек. Недостаточно было бы сказать, что он держался сдержанно; это была сама степенность. Его представили детям, и он обратился к ним тоном, удивившим самого господина де Реналья.

– Я приглашен сюда, господа, – закончил он свою речь, – чтобы заниматься с вами латынью. Вам известно, что значит отвечать урок. Вот Библия, – сказал он, показывая маленький томик в черном переплете. – Это история Господа нашего Иисуса Христа, – часть, называемая Новым Заветом. Я буду у вас часто спрашивать уроки, а вы можете сейчас спросить меня.

Адольф, старший из мальчиков, взял книгу.

– Откройте ее где придется, – продолжал Жюльен, – и скажите мне первое слово стиха. Я буду вам отвечать наизусть из священной книги, указывающей нам образцы поведения, пока вы меня не остановите.

Адольф открыл книгу, прочел слово, и Жюльен ответил всю страницу с такой легкостью, словно говорил на родном языке. Господин де Реналь торжествующе посмотрел на жену. Дети, видя удивление родителей, тарасили глаза. Слуга подошел к дверям гостиной; Жюльен продолжал говорить по-латыни. Слуга постоял неподвижно, затем исчез. Вскоре горничная и кухарка появились у двери; Адольф уже открывал книгу в восьми местах, а Жюльен все отвечал с той же легкостью.

– Ах, Господи! Что за милый священник, – сказала вслух кухарка, добродушная и набожная девушка.

Самолюбие господина де Реналья было затронуто; далекий от мысли экзаменовать наставника, он весь углубился в припоминание латинских слов. Наконец вспомнился один стих из Горация. Жюльен знал только одну Библию. Он заметил, нахмутив брови:

– Священный сан, к которому я себя предназначаю, воспрещает мне читать столь нечестивого поэта.

Господин де Реналь прочел немало стихов якобы Горация. Он объяснил детям, кто такой был Гораций; но дети, пораженные и восхищенные, не обращали внимания на его слова. Они смотрели на Жюльена.

Так как слуги все еще стояли у дверей, Жюльен счел нужным продолжить экзамен.

– Пусть, – сказал он самому младшему из детей, – Станислав-Ксавье тоже укажет мне место из священной книги.

Маленький Станислав с гордостью прочел с грехом пополам первое слово стиха, и Жюльен откатал всю страницу. Для полноты триумфа господина де Реналья в это самое время вошли господин Вально, обладатель прекрасных нормандских лошадей, и господин Шарко де Можирон, супрефект округа. Эта сцена утвердила за Жюльеном титул «сударь»; даже слуги не осмеливались называть его иначе:

Вечером весь Верьер хлынул к господину де Реналю, чтобы увидеть диковинку. Жюльен отвечал с мрачным видом, державшим всех на известном расстоянии. Его слава так быстро распространилась по городу, что через несколько дней господин де Реналь, из опасения, как бы его не перехватили у него, предложил ему подписать контракт на два года.

– Нет, сударь, – отвечал холодно Жюльен, – если вы вздумаете меня уволить, я должен буду уйти. Контракт, связывающий меня, но не обязательный для вас, не имеет для меня значения, я отказываюсь от него.

Жюльен так сумел себя поставить, что не прошло и месяца после его поступления в дом, как господин де Реналь сам начал относиться к нему с уважением. Священник был в ссоре с господами де Реналем и Вально, и никто не мог выдать прежнюю страсть Жюльена к Наполеону; сам же он говорил о нем с отвращением...

Глава 7. Родственные души

Ils ne savent toucher le coeur qu'en le froissant.
Un moderne

Они не способны тронуть сердце, не причинив ему боль.
Современный автор.

Дети обожали его, но он их не любил; мысли его были далеко. Все, что бы ни делали малыши, никогда не выводило его из себя. Холодный, справедливый, невозмутимый, он тем не менее был любим, ибо его приезд разогнал, в некотором роде, скуку в доме и он был хорошим наставником. Про себя он чувствовал лишь ненависть и отвращение к высшему обществу, куда был принят, правда на самый дальний конец стола, чем, быть может, и объяснялась эта ненависть. На нескольких званых обедах он едва мог сдержать свою ненависть ко всему, что его окружало. Однажды, в день святого Людовика, когда господин Вально ораторствовал у Реналей, Жюльен едва мог сдержаться; он убежал в сад под предлогом, что ему нужно взглянуть на детей. «Какие восхваления честности, – воскликнул он, – можно подумать, что это единственная добродетель; и, однако, какая почтительность, какое низкопоклонство перед человеком, который на глазах у всех удвоил и утроил свое состояние с тех пор, как печется об имуществе бедных! Я держал бы пари, что он извлекает выгоду из сумм, назначенных на подкидышей, нищета которых священнее нищеты всех остальных бедняков! Ах! что за чудовища, что за чудовища! Ведь и я тоже в некотором роде подкидыш, меня ненавидят отец, братья, вся семья».

За несколько дней до дня святого Людовика Жюльен, прогуливаясь в одиночестве со своим молитвенником в рощице, называемой Бельведером, возвышающейся над *Бульваром Верности*, вдруг увидел двух своих братьев, спускающихся по уединенной тропинке; он хотел избежать этой встречи, но не сумел. Зависть этих грубых мужланов была до такой степени возбуждена его прекрасной черной парой, его чрезвычайно опрятным видом, его искренним презрением к ним, что они исколотили его до бесчувствия и до крови. Госпожа де Реналь, прогуливаясь с господином Вально и супрефектом, случайно зашла в рощу; она увидела Жюльена распростертым на земле и подумала, что он мертв. Ее испуг был так велик, что внушил господину Вально ревность...

Впрочем, он взволновался слишком рано. Жюльен находил госпожу де Реналь красавицей, но в то же время ненавидел ее из-за этой красоты: ведь это было первым преткновением, которое чуть не повредило началу его карьеры. Он говорил с нею как можно меньше, чтобы заставить себя позабыть о восторге первого дня, когда он дошел до того, что поцеловал ей руку.

Элиза, горничная госпожи де Реналь, не замедлила влюбиться в молодого наставника; она часто говорила о нем своей госпоже. Любовь Элизы навлекла на Жюльена ненависть одного из лакеев. Однажды он услышал, как последний говорил Элизе: «Вы не хотите со мною разговаривать с тех пор, как этот сопливый учитель втерся в дом». Жюльен не заслужил такого определения; но, сознавая свою привлекательность, он еще усиленнее стал заниматься собою. Господин Вально также удвоил свою ненависть к нему. Он заявил публично, что такое кокетство не приличествует молодому аббату, тем более что Жюльен носил костюм, походивший на сутану.

Госпожа де Реналь заметила, что он стал чаще разговаривать с Элизой; оказалось, что эти разговоры вызывались скудостью весьма ограниченного гардероба Жюльена. У него было так мало белья, что он вынужден был отдавать его стирать на сторону, и для этих маленьких услуг Элиза была ему полезна. Эта крайняя бедность, о которой она не подозревала, растрогала госпожу де Реналь; ей захотелось сделать ему подарок, но она не осмелилась; эта внутрен-

няя борьба была для нее первым огорчением, которое ей причинил Жюльен. До сих пор имя Жюльена и чувство чистой духовной радости были для нее синонимами. Мучимая мыслью о бедности Жюльена, госпожа де Реналь предложила своему мужу подарить ему белья.

– Что за чепуха! – ответил он. – Как! делать подарки человеку, которым мы вполне довольны, который служит нам так хорошо? Это можно было бы допустить, если бы он пренебрегал своими обязанностями и нужно было бы подстрекнуть его усердие.

Госпожа де Реналь была оскорблена такой точкой зрения; она не придавала бы этому значения до появления Жюльена. И каждый раз, как она видела чрезвычайно опрятный, но очень простой костюм аббата, она не могла удержаться, чтобы не подумать: «Бедняга, как он справляется?»

Постепенно бедность Жюльена стала вызывать у нее жалость, а не оскорблять ее.

Госпожа де Реналь принадлежала к тем провинциальным дамам, которых легко счесть глупенькими на первых порах знакомства. У нее не было никакого жизненного опыта, и она не любила утруждать себя разговором. Одаренная нежной и гордой душой, она в своем стремлении к лучшему, свойственному всем людям, большею частью не обращала внимания на поступки грубых людей, в среде которых оказалась.

Она бы выделилась своим природным живым умом, если бы получила хоть малейшее образование; но, будучи богатой наследницей, она воспитывалась у монахинь, страстных поклонниц *Святого Сердца Иисуса*, плававших ненавистью к французам, противникам иезуитов. Госпожа де Реналь была настолько благоразумна, что вскоре позабыла, как абсурд, все, чему ее учили в монастыре; но она ничем этого не заменила и, в конце концов, ровно ничего не знала. Наследница большого состояния, она рано сделалась предметом лживых ухаживаний, и это, в сочетании с решительной склонностью к пламенной набожности, приучило ее жить сосредоточенной внутренней жизнью. При внешней уступчивости и как бы самоотречении, – что верьерские мужья ставили всегда в пример своим женам и что составляло гордость господина де Реналья, – она, в сущности, имела характер в высшей степени горделивый. Принцесса, прославленная своею гордостью, бесконечно больше уделяет внимания поступкам окружающих ее вельмож, чем эта женщина, внешне такая кроткая и скромная, обращала на слова и поступки своего мужа. До появления Жюльена она, в сущности, обращала внимание только на своих детей. Их болезни, их огорчения, их маленькие радости поглощали всю нежность ее души, до того обожавшей только Бога во время пребывания в Безансонском монастыре *Святого Сердца*.

Не достаивая высказать это кому-нибудь, она приходила в такое отчаяние от приступа лихорадки у одного из своих сыновей, как если бы ребенок уже умер. Взрыв грубого смеха, пожимание плечами, сопровождаемое каким-нибудь тривиальным афоризмом о сумасбродстве женщин, – так встречал муж ее излияния, когда в первые годы их совместной жизни ее влекла к нему потребность высказаться... Такого рода шуточки, в особенности если они относились к болезням детей, вонзались, как нож, в сердце госпожи де Реналь. И это ожидало ее взамен медоточивой лести иезуитского монастыря, где она провела молодость. Скорбь воспитала ее. Слишком гордая, чтобы говорить о своих горестях даже со своею приятельницей, госпожою Дервиль, она вообразила, что все мужчины подобны ее мужу, господину Вально и супрефекту Шарко де Можирону. Грубость, скотская нечувствительность ко всему, что не представляло денежного или служебного интереса, слепая ненависть ко всякому несогласному с ними мнению казались ей такими же естественными для мужчин, как ношение сапог и фетровых шляп.

В течение долгих лет госпожа де Реналь все еще не могла привыкнуть к этим преклонявшимся только перед деньгами людям, среди которых ей пришлось жить.

Этим объясняется успех молодого крестьянина Жюльена. Она нашла тихую радость, полную прелести новизны в сочувствии этой гордой и благородной душе. Госпожа де Реналь скоро простила ему его крайнее невежество, еще увеличивавшее его привлекательность, и грубость

манер, которую она старалась исправить. Она нашла, что его стоило слушать даже тогда, когда он говорил о самых обычных вещах, даже когда дело шло о несчастной собаке, задавленной мчавшейся телегой в то время, когда Жюльен переходил улицу. Вид страданий животного вызвал грубый смех ее мужа, между тем как она заметила нахмурившиеся прекрасные черные дуги бровей Жюльена. Ей стало казаться постепенно, что благородство, великодушие, гуманность были присущи только одному этому юному аббату. Она перенесла на него одного всю свою симпатию и даже восхищение, которое эти качества вызывают в благородных душах.

В Париже отношения Жюльена с госпожой де Реналь быстро определились бы; но в Париже любовь – порождение романов. Юный наставник и его застенчивая хозяйка нашли бы в трех-четырех романах и бульварных театрах разъяснение их отношений. Романы разъяснили бы им их роли, научили бы, как действовать; и рано или поздно, может быть без всякого удовольствия, может даже сопротивляясь, из тщеславия Жюльен последовал бы этим образцам.

В маленьком городе в Авейроне или в Пиренеях малейшее происшествие могло бы ускорить развязку благодаря жаркому климату. Под нашими более сумрачными небесами бедный молодой человек становится честолюбивым, потому, что чувствительное его сердце требует радостей, доставляемых деньгами: он ежедневно встречается с тридцатилетней женщиной, честной, занятой своими детьми, не следующей в своем поведении примеру романов. Все идет медленно, все совершается постепенно в провинции; все – ближе к природе.

Часто думая о бедности молодого наставника, госпожа де Реналь умилялась до слез. Жюльен застал ее однажды всю в слезах.

– Сударыня, у вас какое-нибудь несчастье?

– Нет, мой друг, – ответила она ему, – позовите детей и пойдем гулять.

Она взяла его под руку и оперлась на нее так, что это показалось Жюльену странным. В первый раз она назвала его своим другом.

К концу прогулки Жюльен заметил, что она сильно покраснела. Она замедлила шаг.

– Вам, вероятно, говорили, – сказала она, не глядя на него, – что я – единственная наследница очень богатой тетки, живущей в Безансоне. Она засыпает меня подарками... Мои сыновья делают успехи... настолько поразительные... что мне хотелось бы попросить вас принять маленький подарок в знак моей благодарности. Дело идет всего о нескольких луидорах, чтобы заказать вам белье. Но... – прибавила она, еще больше покраснев, и умолкла.

– Что такое, сударыня? – спросил Жюльен.

– Не стоит, – продолжала она, опустив голову, говорить об этом моему мужу.

– Я маленький человек, сударыня, но я не подлец, – возразил Жюльен, гневно сверкая глазами, и остановился, выпрямившись во весь рост, – вот о чем вы не подумали. Я был бы ниже всякого лакея, если бы стал скрывать от господина де Реналья что-либо касающееся *моих денег*.

Госпожа де Реналь была поражена.

– Господин мэр, – продолжал Жюльен, – вот уже пять раз с тех пор, как я служу у него, выдавал мне по тридцать шесть франков; я готов показать мою расходную книжку господину де Реналю и кому угодно, даже господину Вально, который меня ненавидит.

После этой отповеди госпожа де Реналь шла бледная и взволнованная, и прогулка окончилась в молчании – ни тот, ни другая не могли найти предлога для возобновления разговора. Любовь к госпоже де Реналь казалась все более и более невозможной гордому сердцу Жюльена; что касается ее, то она уважала его, восхищалась им, как он ее отчитал. Чтобы загладить невольное унижение, причиненное ему, она разрешила себе самую нежную о нем заботу. Новизна этих отношений составляла радость госпожи де Реналь в течение целой недели. В результате ей удалось смягчить отчасти гнев Жюльена, но он был далек от того, чтобы усмотреть в этом личную симпатию.

– Вот, – говорил он себе, – каковы богатые люди: сначала унижат, а потом стараются все загладить какими-нибудь уловками!

Сердце госпожи де Реналь было слишком переполнено чувствами и еще слишком невинно, чтобы, несмотря на свое решение, она не удержалась от того, чтобы рассказать мужу о предложении, сделанном ею Жюльену, и о том, как он его отверг.

– Как, – воскликнул господин де Реналь, задетый за живое, – как могли вы снести отказ от какого-то *слуги*?

Госпожа де Реналь, возмущенная этим словом, хотела возразить:

– Я говорю, сударыня, как говорил покойный принц де Конде, представляя своих камергеров своей молодой жене: «*Все эти люди – наши слуги*». Я читал вам это место из мемуаров де Безанваля. Это чрезвычайно важно для манеры обращения. Всякий не дворянин, живущий у нас и получающий жалованье, – ваш слуга. Я скажу два слова этому господину Жюльену и дам ему сто франков.

– Ах, мой друг, – сказала госпожа де Реналь вся трепеща, – по крайней мере, чтобы этого не видали слуги!

– Да, они могли бы позавидовать, и не без основания, – сказал ее муж, уходя и думая о величине суммы.

Госпожа де Реналь упала на стул, почти лишившись чувств от огорчения. Он унижит Жюльена, и по ее вине! Она почувствовала отвращение к своему мужу и закрыла лицо руками. И обещала себе никогда не делать ему никаких признаний.

Когда она увидела Жюльена, она вся затрепетала; горло ее так сжималось, что она не могла выговорить ни слова. В замешательстве она взяла его руки и сжала их.

– Ну что, мой друг, – проговорила она наконец, – довольны ли вы моим мужем?

– Как же мне быть им недовольным? – ответил Жюльен с горькою усмешкою, – он подарил мне сто франков.

Госпожа де Реналь посмотрела на него нерешительно.

– Дайте мне руку, – сказала она наконец с отважным выражением, которого Жюльен у нее никогда не замечал.

Она осмелилась пойти к верьерскому книгопродавцу, несмотря на его гнусную репутацию либерала. Там она выбрала на десять луидоров книг будто бы для своих сыновей. Но это были книги, которые, она знала, хотелось иметь Жюльену. Она пожелала, чтобы там же, в лавке, каждый из ее детей надписал доставшуюся ему книгу. Между тем как госпожа де Реналь радовалась, что нашла способ вознаградить Жюльена, последний был поражен количеством книг, которые он увидел у книгопродавца. Он никогда не решался заходить в это нечестивое место; он боялся его. Далекий от мысли угадать, что происходит в сердце госпожи де Реналь, он мечтал о том, как бы ему, изучающему теологию, достать некоторые из этих книг. Наконец ему пришла идея, что хитростью можно будет убедить господина де Реналья, что его сыновьям необходимо задавать сочинения из жизни знаменитых дворян, вышедших из провинции. После месяца стараний Жюльену удалось его намерение, и с таким успехом, что через некоторое время он отважился в разговоре с господином де Реналем намекнуть на вещь гораздо более тягостную для благородного мэра; дело шло о том, чтобы содействовать обогащению либерала, абонировавшись на чтение книг в его магазине. Господин де Реналь согласился, что благоразумно будет дать старшему сыну реальное представление о нескольких сочинениях, которые ему придется изучать в военной школе; но Жюльен видел, что мэр упорно не желает делать дальнейших шагов. Он подозревал какую-нибудь тайную причину, но не мог ее отгадать.

– Я подумал, сударь, – сказал Жюльен мэру однажды, – что было бы весьма неприлично, если бы славное дворянское имя Реналей появилось в грязной бухгалтерии книгопродавца. – Чело господина де Реналья прояснилось. – Было бы также предосудительно, – продолжал он более смиренным тоном, – для бедного студента богословия, если бы когда-нибудь узнали, что

мое имя находится в списке книгопродавца-библиотекаря. Либералы могут обвинить меня в том, что я брал самые позорные книги; кто знает, они, может быть, не остановятся перед тем, чтобы выписать названия самых гнусных книг под моим именем. – Но Жюльен зашел слишком далеко. Он увидал, что физиономия мэра снова выражала досаду и замешательство. Он умолк. «Теперь я его понимаю», – сказал он себе.

Несколько дней спустя старший из мальчиков спросил у Жюльена в присутствии господина де Реналья об одной из книг, объявленной в «Ежедневнике»:

– Чтобы избежать всякого повода к торжеству якобинцев, – сказал молодой наставник, – и в то же время дать мне возможность отвечать на вопросы господина Адольфа, можно было бы взять абонемент на имя одного из ваших лакеев.

– Это недурно придумано, – сказал господин де Реналь, по-видимому очень обрадованный.

– Во всяком случае, следует приказать, – сказал Жюльен с серьезным и почти жалким видом, появляющимся у некоторых людей, когда они видят успех своих долго лелеемых намерений, – следует приказать, чтобы лакей не смел брать никаких романов. Раз попав в дом, эти вредные книги могут развратить горничных госпожи де Реналь и самого лакея.

– Вы забываете еще политические памфлеты, – добавил господин де Реналь высокомерно. Он хотел скрыть восхищение, в которое он пришел от хитроумной полумеры, придуманной наставником его детей.

Жизнь Жюльена складывалась, таким образом, из целого ряда маленьких сделок; их успех занимал его гораздо больше, чем заметное предпочтение, которое ему было легко подметить в душе госпожи де Реналь.

Морально он чувствовал себя у верьерского мэра как и дома. Здесь так же, как на лесопилке своего отца, он глубоко презирал людей, с которыми жил, и чувствовал, что и они его ненавидят. Каждый день он убеждался по рассказам супрефекта, господина Вально и других друзей дома относительно вещей, происходивших у них на глазах, как мало их идеи согласовались с действительностью. Если какой-нибудь поступок возбуждал его восхищение, то непременно он вызывал порицание окружающих. Он постоянно повторял про себя: «Что за чудовища!» или «Что за болваны!» Самое забавное было то, что при его гордости он часто ничего решительно не понимал в разговоре.

В жизни он говорил искренно только с одним старым хирургом; все его сведения исчерпывались походами Бонапарта в Италию или хирургией. Его юношеской отваге нравились подробные рассказы о самых мучительных операциях; он говорил себе:

– Я бы и глазом не моргнул.

В первый же раз, когда госпожа де Реналь завела с ним разговор, не касавшийся воспитания детей, он стал говорить о хирургических операциях; она побледнела и попросила его перестать.

Кроме этого, Жюльен ничего не знал. Вследствие чего, когда ему приходилось оставаться вдвоем с госпожой де Реналь, воцарялось самое странное молчание. В гостиной, как бы смиренно он себя ни держал, она находила, что он превосходит умом всех, кто ее посещал. Оставаясь с ним на минуту одна, она замечала его видимое смущение. Это тревожило ее, ибо своим женским чутьем она угадывала, что это смущение проистекает далеко не из нежных чувств.

Неизвестно, вследствие какого представления, заимствованного из рассказов хирурга о высшем обществе, Жюльен чувствовал себя всегда словно виноватым, если разговор прекращался в присутствии женщины. Это ощущение становилось еще во сто раз тягостнее наедине с дамою... Его воображение, полное самых чрезмерных, самых сумасбродных понятий о том, что мужчина должен говорить наедине с женщиной, внушало ему в его замешательстве самые неприемлемые мысли. Душа его парила в небесах, а вместе с тем он не мог нарушить самого презренного молчания. Вследствие этого его суровый вид во время долгих прогулок с госпо-

жою де Реналь и ее детьми еще усиливался от жестоких мучений. Он безумно презирал себя. Если, на свое несчастье, он заставлял себя говорить, то говорил только самые смешные вещи. К довершению несчастья, он сознавал и даже преувеличивал свое нелепое положение; но он не видел выражения своих глаз, которые были так прекрасны и отражали такую пламенную душу, что, подобно хорошим актерам, зачастую придавали очаровательный смысл тому, в чем его вовсе не было. Госпожа де Реналь заметила, что наедине с нею ему случалось говорить хорошо, только когда, отвлеченный каким-нибудь непредвиденным обстоятельством, он не заботился о том, чтобы говорить комплименты. И так как друзья дома не баловали ее новыми блестящими идеями, она с восхищением ловила блески ума Жюльена.

Со времени падения Наполеона всякое подобие любезности было беспощадно изгнано из провинциальных нравов. Все боялись лишиться мест. Плуты искали поддержки в конгрегации; лицемерие торжествовало даже среди либералов. Скука возрастала. Оставалось только развлекаться чтением и сельским хозяйством.

Госпожа де Реналь, богатая наследница набожной тетки, вышедшая замуж в шестнадцать лет за знатного дворянина, никогда не видела и не испытывала в своей жизни ничего, что походило бы хоть сколько-нибудь на любовь. Только ее духовник, добрый священник Шелан, говорил с ней о любви по поводу ухаживаний господина Вально, причем он изображал ей любовь в таком отвратительном виде, что она представляла ее себе в виде самого гнусного разврата. Она смотрела как на исключение или как на что-то сверхъестественное на любовь, о которой читала в весьма ограниченном количестве романов, случайно попавшихся ей на глаза. Благодаря этому неведению госпожа де Реналь, вполне счастливая, постоянно занятая Жюльеном, была далека от того, чтобы в чем-то себя упрекать.

Глава 8. Мелкие события

*Then there were sighs, the deeper for suppression,
And stolen glances, sweeter for the theft,
And burning blushes, though for no transgression.*

Don Juan. C 1, st. 74

*И вдох тем глубже, чем вздохнуть боится,
Поймает взор и сладостно замрет,
И вспыхнет вся, хоть нечего стыдиться.*

Байрон. Дон Жуан, п. 1, ст. 74.

Ангельское настроение, которым госпожа де Реналь обязана была своему характеру и своему настоящему счастью, слегка омрачалось, когда она думала о своей горничной Элизе. Эта девица получила наследство и, отправившись исповедоваться к священнику Шелану, призналась ему в своем намерении выйти замуж за Жюльена. Священник искренно порадовался счастью своего друга; но велико было его изумление, когда Жюльен объявил ему с решительным видом, что предложение девицы Элизы ему не подходит.

– Остерегайтесь, дитя мое, того, что происходит в вашем сердце, – сказал священник, наморщив брови, – если вы отказываетесь по причине вашего призвания от такого более чем приличного состояния, то я приветствую вас. Я служу в Верьере уже пятьдесят шесть лет и, несмотря на это, по всей видимости, буду смещен. Это меня огорчает, хотя у меня есть восемьсот фунтов ренты. Я сообщаю вам эти подробности, чтобы вы не строили себе иллюзий насчет того, что вас ожидает в положении священника. Если же вы намерены угождать сильному миру, вы обречены на неминуемую гибель. Вы могли бы сделать карьеру, но для этого придется вредить обездоленным, льстить супрефекту, мэру, всем людям с положением, потакать их страстям; этот образ действий, называемый умением жить, быть может, для мирянина и совместим со спасением; но в нашем положении нужно выбирать; середины нет, – хотите преуспевать в этом мире или в другом. Ступайте, дорогой друг, подумайте и через три дня дайте мне окончательный ответ. С грустью замечаю я на дне вашей души мрачное пламя, не обещающее сдержанности и отречения от земных благ, необходимых священнослужителю; я ожидаю многого от вашего ума; но позвольте мне вам сказать, – прибавил добряк священник со слезами на глазах, – я трепещу за вас в положении священника.

Жюльену было стыдно за свое волнение; в первый раз в жизни он видел, что его любят; он плакал от умиления и отправился скрыть его в большой лес за Верьером.

«Что со мною? – спросил он себя наконец. – Я чувствую, что отдал бы сто раз жизнь за этого добряка священника, а между тем он только что убеждал меня, что я дурак. Мне нужнее всего провести его, а он видит мою душу. Скрытое пламя, о котором он говорил, это мое намерение сделать карьеру. Он считает меня недостойным звания священника и, как раз тогда, когда я воображал, что, жертвуя рентой в пятьдесят луидоров, я внушу ему самое высокое представление о моей набожности и моем призвании. В будущем, – продолжал Жюльен, – я буду рассчитывать только на те черты моего характера, которые удастся испытать. Кто сказал бы мне, что я буду, с восторгом проливать слезы? Что буду любить человека, который меня убеждает в том, что я дурак!»

Через три дня Жюльен придумал предлог, которым должен был воспользоваться с первого дня; это была клевета, но что из этого? Он признался священнику, что его отвратила от предполагаемого брака причина, которую он не может открыть, ибо она может повредить третьему лицу. Это бросало тень на Элизу. Господин Шелан нашел в его поведении какую-то

светскую пылкость, совсем не соответствующую тому, что должно было воодушевлять юного левита.

– Мой друг, – сказал он ему еще раз, – лучше быть хорошим зажиточным крестьянином, уважаемым и просвещенным, чем священником не по призванию.

Жюльен ответил очень красноречиво на эти новые увещания; он говорил словами юного, пылкого семинариста; но его тон и плохо скрываемое пламя, сверкавшее в его глазах, продолжали тревожить господина Шелана.

Не следует слишком дурно думать о Жюльене; он только тщательно подбирал лицемерные и осторожные слова. В его возрасте это еще не свидетельствует о дурном. Что касается тона и жестов, то ведь он жил среди простонародья и не видел великих образцов. Впоследствии, лишь только ему удалось приблизиться к таковым, он быстро приобрел изумительные жесты и не менее изумительные выражения.

Госпожа де Реналь была удивлена, что полученное ее горничной состояние не сделало ее более счастливой; она заметила, что та беспрестанно ходит к священнику и возвращается с заплаканными глазами; наконец Элиза рассказала ей о своем намерении.

Госпожа де Реналь словно сделалась больна; лихорадка лишила ее сна; она жила только тогда, когда видела свою горничную или Жюльена. Она не могла ни о чем думать, – только о них и о счастье, которое ожидает их в браке. Их убогое хозяйство, которое они должны были вести на пятьдесят луидоров ренты, рисовалось ей в самых пленительных красках. Жюльен может сделаться адвокатом в Брэ, в супрефектуре в двух лье от Верьера; в этом случае она будет его изредка видеть.

Госпожа де Реналь всерьез вообразила, что сходит с ума; она сообщила об этом мужу и наконец занемогла. В тот же вечер, когда ей прислуживала горничная, она заметила, что девушка плачет. В эту минуту она ненавидела Элизу и накричала на нее; она тотчас извинилась. Слезы Элизы еще усилились; она сказала, что, если барыня позволит, она поведает ей свое горе.

– Говорите, – сказала госпожа де Реналь.

– Ну так вот, барыня, он от меня отказывается; злые люди наговорили ему обо мне, а он поверил им.

– Кто от вас отказывается? – спросила госпожа де Реналь, еле дыша.

– Кто же, барыня, как не господин Жюльен? – продолжала горничная рыдая. – Господину священнику так и не удалось убедить его; а господин священник находит, что не следует отказываться от честной девушки только оттого, что она служит горничной. Ведь уж если пошло на то, отец господина Жюльена – простой плотник, да и сам он, чем занимался, прежде чем поступил к вам?

Госпожа де Реналь больше не слушала; чрезмерная радость почти лишила ее рассудка. Она заставила Элизу повторить несколько раз, что Жюльен окончательно отказался от брака, так что нет никакой надежды, заставить его изменить решение.

– Я попытаюсь еще в последний раз, – сказала госпожа де Реналь своей горничной, – и сама поговорю с Жюльеном.

На следующий день, после завтрака, госпожа де Реналь доставила себе восхитительное удовольствие ходатайствовать за свою соперницу и видеть, как рука и состояние Элизы отвергались непреклонно в течение целого часа.

Постепенно Жюльен исчерпал свои придуманные ответы и стал разумно возражать на увещания госпожи де Реналь. Она не смогла противостоять обуревавшему ее восторгу после стольких терзаний и отчаяния. Ей сделалось дурно. Когда она пришла в себя и очутилась в своей комнате, она выслала всех из комнаты. Она была чрезвычайно удивлена.

«Уж не влюблена ли я в Жюльена», – сказала она себе наконец.

Это открытие, которое в любой другой момент повергло бы ее в глубочайшее волнение и раскаяние, теперь показалось ей чем-то странным, безразличным. Ее душа, истощенная предыдущими испытаниями, не в состоянии была реагировать на страсть.

Госпожа де Реналь хотела поработать, но впала в глубокий сон; проснувшись, она не испугалась, как должна была испугаться. Она чувствовала себя слишком счастливою, чтобы видеть что-либо в дурном свете. Наивная и невинная, эта милая провинциалка никогда не уродовала своей души, выискивая какой-нибудь новый оттенок горя или радости. До появления Жюльена, всецело поглощенная домашней работой, которая выпадает вдали от Парижа на долю каждой хорошей матери семейства, госпожа де Реналь относилась к страстям так же, как мы относимся к лотерее: наверняка – *обман, счастье*, которого ищут одни безумцы.

Раздался звонок к обеду; госпожа де Реналь сильно покраснела, услышав голос Жюльена, ведшего детей. Научившись немножко притворяться, с тех пор как она влюбилась, она стала жаловаться на ужасную головную боль, чтобы объяснить свой необычный вид.

– Вот каковы женщины, – ответил ей господин де Реналь с громким смехом. – Вечно нужно что-нибудь исправлять в этих сложных организмах.

Хотя госпожа де Реналь и привыкла к такого рода шуткам, но этот тон ее покоробил. Чтобы отвлечься, она посмотрела на лицо Жюльена; и будь он самым безобразным мужчиной в мире, он бы понравился ей в этот момент.

Старательно подражавший аристократическому образу жизни, господин де Реналь с первыми весенними днями переселился в Вержи; это была деревушка, получившая известность после трагической истории Габриэли. В нескольких стах шагов от живописных развалин старинной готической церкви господин де Реналь имел старый замок с четырьмя башнями и сад, разбитый наподобие Тюильри, с множеством бордюров из букса и каштановыми аллеями, которые подрезают дважды в год. Соседнее поле, засаженное яблонями, служило местом для прогулок. Восемь или десять великолепных ореховых деревьев находились в конце фруктового сада; их пышная листва возвышалась почти на восемьдесят футов вышины.

– Каждое из этих проклятых ореховых деревьев, – говорил господин де Реналь, когда его жена восхищалась ими, – стоит мне пол-арпана жатвы: хлеб не может вызреть в их тени.

Деревня показалась госпоже де Реналь теперь в новом свете; ее восхищение было беспредельно. Воодушевлявшее ее чувство придавало ей рассудительности и решительность. Когда на следующий же день после переезда в Вержи господин де Реналь вернулся в город по делам мэрии, госпожа де Реналь наняла за свой счет работников. Жюльен подал ей мысль устроить песчаную дорожку среди фруктового сада и под ореховыми деревьями, где дети могли бы гулять с утра, не опасаясь замочить ноги росой. Не прошло и суток, как эту затею привели в исполнение. Госпожа де Реналь провела весь день очень весело, командуя рабочими, в обществе Жюльена.

Когда верьерский мэр возвратился из города, он был очень удивлен, найдя аллею готовой. Госпожа де Реналь также удивилась его приезду; она забыла о его существовании. Целых два месяца он потом говорил с насмешкой о смелости, с которою она предприняла, не посоветовавшись с ним, такую значительную работу, но госпожа де Реналь сделала ее на свой счет, и это его немного утешило.

Она проводила целые дни бегая с детьми по саду и гоняясь за бабочками. Смастерили большие сетки из светлого газа, при посредстве которых ловили бедных *чешуйчатокрылых*. Этому варварскому названию Жюльен научил госпожу де Реналь. Она выписала из Безансона прекрасный труд господина Годара, и Жюльен рассказывал о странных нравах этих насекомых.

Их безжалостно прикалывали булавками на большой картон, сооруженный также Жюльеном.

Наконец у госпожи де Реналь и Жюльена явился предмет для разговора, и он уже больше не подвергался ужасной пытке минутами молчания.

Они болтали беспрестанно, с огромным интересом, хотя всегда о вещах весьма невинных. Эта деятельная жизнь, полная веселья и занятий, нравилась всем, кроме Элизы, обремененной работою.

– Никогда во время карнавала, – говорила она, – даже когда в Верьере готовился бал, барыня не занималась столько своим туалетом; теперь она меняет платья по два или три раза в день.

Так как в наши намерения не входит никому льстить, то мы не скроем от читателя, что госпожа де Реналь, обладавшая изумительной кожей, нашла себе платьев с открытою шеей и руками... Она была очень хорошо сложена, и такая манера одеваться чрезвычайно шла к ней.

– Никогда вы еще не казались такой моложавой, – говорили ей ее верьерские друзья, приехавшие в Вержи пообедать.

Странная вещь, которой весьма немногие из нас поверят, – госпожа де Реналь так усиленно занималась собою без особо определенных намерений: она находила в этом удовольствие без всяких других помыслов; все время, когда она не охотилась за бабочками с Жюльеном и детьми, она занималась с Элизой шитьем платьев. Ее единственный выезд в Верьер был вызван желанием приобрести новые летние ткани, привезенные из Мюлуза.

Она привезла в Вержи свою молодую родственницу. После своего замужества госпожа де Реналь незаметно сблизилась с госпожою Дервиль, своей прежней подругой по монастырю.

Госпожа Дервиль много смеялась над тем, что она называла сумасбродными идеями своей кухни: «Самой бы мне никогда этого не пришло в голову», – говорила она. Этих неожиданных мыслей, называемых в Париже остротами, госпожа де Реналь стыдилась, словно глупостей, если говорили их при муже. Но присутствие госпожи Дервиль придавало ей мужества. Сначала она говорила ей их вполголоса; когда эти дамы долго находились вдвоем, ум госпожи де Реналь оживлялся, и долгое утро пролетало как мгновение, оставляя обеих подруг в чрезвычайно веселом настроении. Но в этот праздник рассудительная госпожа Дервиль нашла свою кухню гораздо менее веселою, хотя и более счастливою.

Жюльен, со своей стороны, жил в деревне как настоящий ребенок, гоняясь за бабочками с такою же радостью, как и его ученики. После стольких стеснений и дипломатических хитростей, один, вдали от мужских взглядов и инстинктивно нисколько не опасаясь госпожи де Реналь, он отдавался радостям жизни, столь живым в его годы, среди самой прекрасной горной природы.

С самого приезда госпожи Дервиль Жюльену показалось, что она отнеслась к нему дружески; он поспешил показать ей вид, который открывался в конце новой дорожки под большими орехами; в сущности, он был так же хорош, если не лучше, чем красивые виды Швейцарии и итальянских озер. Если взойти на косогор, начинавшийся через несколько шагов, открывались огромные пропасти, окаймленные дубовыми лесами, тянувшимися почти до реки. На вершину этих почти отвесных утесов Жюльен, счастливый и свободный, почти правитель дома, сопровождал обеих подруг, наслаждаясь их восхищением этими превосходными видами.

– Для меня это как музыка Моцарта, – говорила госпожа Дервиль.

Зависть братьев, присутствие грубого и деспотичного отца испортили в глазах Жюльена все места в окрестностях Верьера. В Вержи у него не было больше этих горьких воспоминаний; в первый раз в жизни он не был окружен врагами. Когда господин де Реналь бывал в городе, что случалось довольно часто, Жюльен осмеливался читать; вскоре вместо того, чтобы читать по ночам, да еще спрятав лампу под опрокинутым цветочным горшком, он стал предаваться сну; днем же, в промежутках между уроками детей, он приходил на эти скалы с книгою, единственным предметом его восхищения, и в ней он черпал все правила поведения. Там он находил сразу счастье, экстаз и утешение в минуты уныния.

Некоторые вещи, сказанные Наполеоном о женщинах, рассуждения о романах, бывших в моде во время его правления, в первый раз навели Жюльена на мысли, которые давно бы пришли в голову всякому другому юноше его возраста.

Наступила жара. Они обычно проводили вечера под огромной липой в нескольких шагах от дома. Там царствовал мрак. Однажды вечером Жюльен оживленно говорил, наслаждаясь удовольствием ораторствовать в присутствии красивых женщин, и, жестикулируя, он коснулся руки госпожи де Реналь, опиравшейся на спинку одного из крашеных стульев, обычно находящихся в садах.

Она быстро отдернула руку, но Жюльен подумал, что его долг – добиться того, чтобы руку, которой он касается, не отдергивали. Мысль о долге – о смешном и унижительном положении, которому он подвергнется, если это не удастся, – моментально омрачила его радостное настроение.

Глава 9. Вечер в деревне

La Didon de M. Guérin, esquisse charmante!
Strombeck

«Дидона» Герена – прелестный набросок!
Штрюмбек

Станным взглядом смотрел на другой день Жюльен на госпожу де Реналь; он изучал ее, словно врага, с которым ему придется сразиться. Этот взгляд, столь непохожий на вчерашний, заставил госпожу де Реналь потерять голову; она была к нему так добра, а он, кажется, сердится. Она не могла оторвать от него глаз.

Присутствие госпожи Дервиль позволяло Жюльену менее разговаривать и более отдаваться своим мыслям. Единственным его занятием в течение всего этого дня было чтение книги, вдохновлявшей и укреплявшей его душу.

Он сократил занятия детей и затем, встретившись с госпожою де Реналь, напомнившей ему о его честолюбивых замыслах, решил, что сегодня вечером он безусловно добьется того, чтобы она не отнимала своей руки у него.

На закате солнца, с приближением решительного момента сердце Жюльена странно забилося. Спустился вечер. Он заметил с радостью, облегчившей ему грудь, что ночь будет темная. Небо заволкли большие облака, гонимые теплым ветром; казалось, оно возвещало бурю. Подруги гуляли допоздна. Все их поведение казалось странным в этот вечер Жюльену. Они наслаждались этой теплой погодой, которая для некоторых нежных душ усиливает сладость любви.

Наконец сели – госпожа де Реналь рядом с Жюльеном, госпожа Дервиль возле своей подруги. Озабоченный своими намерениями, Жюльен не мог ни о чем говорить. Разговор не клеился.

«Неужели я буду так же дрожать и трусить при первой предстоящей мне дуэли?» – сказал себе Жюльен; он слишком недоверчиво относился и к себе, и к другим, чтобы не сознавать своего душевного состояния.

Он предпочел бы всевозможные опасности этой мучительной тоске. Как он желал, чтобы госпожу де Реналь позвали в дом из сада по какому-нибудь делу. Жюльен делал над собою такие усилия, что его голос заметно изменился; вскоре голос госпожи де Реналь также задрожал, но Жюльен не обратил на это внимания. Ужасная борьба между «долгом» и застенчивостью слишком поглощала его, чтобы он мог заметить что-либо другое. Без четверти девять пробило на часах замка, а он все еще не решался. Возмущенный своею трусостью, Жюльен сказал себе: «Как только часы пробьют десять, я исполню то, что в течение целого дня обещал себе сделать вечером, или же пойду к себе и пушу себе пулю в лоб».

В тот момент, когда чрезмерное волнение, ожидание и боязнь довели Жюльена до невменяемости, десять часов пробило на часах над его головою. Каждый удар этого рокового колокола отдавался в его груди, причиняя физическое страдание.

Наконец, когда замирал последний десятый удар, он протянул руку и взял руку госпожи де Реналь, которая ее тотчас отдернула. Жюльен, не зная сам, что делать, схватил ее снова. Несмотря на свое волнение, он был поражен ледяной холодностью взятой им руки; он сжал ее конвульсивно; слабым усилием попытались вновь отнять ее у него, но в конце концов он удержал ее.

Душа его утопала в блаженстве не потому, чтобы он любил госпожу де Реналь, а потому, что прекратились ужасные мучения. Для того чтобы госпожа Дервиль ничего не заметила, он

счел нужным заговорить; голос его звучал громко и звучно. Голос же госпожи де Реналь, напротив, обнаруживал такое волнение, что ее приятельница сочла ее больной и предложила идти домой. Жюльен почувствовал опасность момента: «Если госпожа де Реналь вернется домой, я снова впаду в ужасное состояние, в котором провел весь день. Я держал эту руку слишком недолго, для того чтобы считать это за приобретенную милость».

Когда госпожа Дервиль возобновила свое предложение идти домой, Жюльен с силою сжал руку, лежавшую в его руке.

Госпожа де Реналь, уже приподнявшаяся, снова села, сказав едва слышно:

– В самом деле, я чувствую себя нехорошо, но на воздухе мне лучше.

Эти слова закрепили блаженство Жюльена, совершенно утопавшего в нем: он начал говорить, позабыл о притворстве, показался слушающим его обеим приятельницам самым любезным человеком в мире. Однако в этом внезапно прорвавшемся красноречии было какое-то малодушие. Он смертельно боялся, как бы мадам Дервиль, утомленная поднявшимся ветром и надвигавшейся бурей, не захотела бы вернуться домой. Тогда он останется наедине с госпожой де Реналь. У него хватило безрассудного мужества на то, чтобы действовать, но он чувствовал, что не в состоянии сказать госпоже де Реналь ни одного слова. Как бы слабы ни были ее упреки, он будет разбит и потеряет все сделанные им завоевания.

К счастью для него, его восторженные и трогательные речи понравились в этот вечер госпоже Дервиль, нередко находившей его скучным и ненаходчивым. Что касается госпожи де Реналь, она ни о чем уже не думала, отдав свою руку Жюльену; она наслаждалась. Часы, проведенные под этой большой липой, посаженной, по местной легенде, Карлом Смелым, составили для нее целую эпоху блаженства. Она слушала с упоением шелест ветра в густой листве липы и шум дождя, начинавшего падать на нижние листья. Жюльен не заметил одного обстоятельства, которое окончательно успокоило бы его: госпожа де Реналь, вынужденная отнять у него руку, чтобы встать и помочь своей кухне поднять опрокинутую ветром цветочную вазу, едва снова усевшись, сама отдала ему свою руку, словно это было между ними условлено.

Уже давно пробил полночь; надо было покинуть сад – все разошлись. Госпожа де Реналь в упоении своего любовного восторга была настолько наивна, что не упрекала себя ни в чем. Счастье лишило ее сна. Жюльен заснул мертвым сном, смертельно уставший от борьбы, происходившей в течение всего дня между гордостью и застенчивостью его души.

На следующий день его разбудили в пять часов; госпожа де Реналь ужаснулась бы, если бы узнала, что он едва вспомнил о ней. Он исполнил свой долг, долг героя. Упоенный этим сознанием, он заперся на ключ в своей комнате и с новым удовольствием погрузился в чтение книги о подвигах своего героя.

Когда раздался звонок к завтраку, он уже забыл за чтением записок о великой армии свои завоевания вчерашнего дня. Спускаясь в зал, он сказал себе равнодушно: «Надо сказать этой женщине, что я ее люблю».

Но вместо взглядов, полных неги, которые он ожидал встретить, он нашел суровую физиономию господина де Реналья, приехавшего из Верьера два часа тому назад и весьма недовольного тем, что Жюльен провел целое утро не занимаясь с детьми. Ничего не могло быть отвратительнее этого наглого человека, когда он злился и старался это показать.

Каждое колкое слово мужа вонзалось, как нож, в сердце госпожи де Реналь. Что касается Жюльена, он был так погружен в величие вещей, развертывавшихся перед ним в течение нескольких часов, что едва мог снизойти до выслушивания колкостей, которые говорил ему господин де Реналь. Наконец он сказал довольно резко:

– Я был болен.

Тон этого ответа задел бы человека гораздо менее обидчивого, чем верьерский мэр; ему пришлось в голову немедленно прогнать Жюльена. Его удержало только принятое им правило никогда не торопиться в делах.

«Этот юный болван, – сказал он себе, – создал себе некоторую репутацию в моем доме; Вально тотчас возьмет его к себе, или он женится на Элизе, и в обоих случаях в глубине души может надо мною посмеяться».

Несмотря на благоразумие этих размышлений, недовольство господина де Реналь выразилось в ряде грубых замечаний, наконец озливших Жюльена. Госпожа де Реналь едва удерживала слезы. Лишь только кончился завтрак, она попросила Жюльена дать ей руку и пройти с нею; она дружески оперлась на него. На все, что говорила ему госпожа де Реналь, Жюльен только бормотал:

– *Вот каковы богатые люди!*

Господин де Реналь шел вблизи; его присутствие усиливало раздражение Жюльена. Он вдруг заметил, что госпожа де Реналь как-то особенно опирается на него; это показалось ему таким противным, что он оттолкнул ее и высвободил свою руку.

К счастью, господин де Реналь не видел этой новой дерзости; заметила это только госпожа Дервиль; ее подруга залилась слезами. В этот момент господин де Реналь начал бросать камни в молодую крестьянку, которая шла по запрещенной дорожке, пересекая фруктовый сад.

– Господин Жюльен, прошу вас, сдержитесь; вспомните, что мы все бываем раздражены, – проговорила быстро госпожа Дервиль.

Жюльен холодно посмотрел на нее взглядом, выражавшим величайшее презрение.

Этот взгляд удивил госпожу Дервиль и еще более поразил бы ее, если бы она отгадала его настоящее выражение; она прочла бы в нем смутную надежду на самую жестокую месть. Такие моменты унижения, без сомнения, порождали Робеспьеров.

– Ваш Жюльен очень зол, он меня пугает, – сказала тихо госпожа Дервиль своей подруге.

– Он имеет основание злиться, – ответила та ей. – После поразительных успехов, сделанных благодаря ему детьми, какое значение может иметь одно пропущенное утро; надо сознаться, что мужчины очень грубы.

В первый раз в своей жизни госпожа де Реналь почувствовала смутное желание отомстить своему мужу. Крайняя ненависть Жюльена к богатым готова была прорваться... К счастью, господин де Реналь позвал своего садовника и занялся с ним огораживанием запрещенной тропинки колючими прутьями. Жюльен не ответил ни словом на все любезности, предметом которых он оставался в продолжение прогулки. Едва господин де Реналь удалился, обе приятельницы, ссылаясь на усталость, попросили его взять их под руки.

Странный контраст представлял Жюльен, мрачный, решительный, надменно-бледный, и эти две женщины, взволнованные и раскрасневшиеся. Он презирал этих женщин со всеми их нежными чувствами.

«Как! – говорил он себе, – у меня нет даже пятисот франков ренты, чтобы закончить образование! Ах! как бы я его послал к черту!»

Поглощенный своими мрачными мыслями, он едва достаивал внимания комплименты двух подруг, казавшиеся ему пустыми, бессмысленными, ничтожными, – словом, – *бабыми*.

Говоря все, что ей придет в голову, стараясь поддержать разговор, госпожа де Реналь сказала, между прочим, что муж приехал из Верьера для покупки маисовой соломы у одного фермера. (В этой местности маисовой соломой набивают матрацы.)

– Мой муж не придет, – прибавила госпожа де Реналь. – Он займется с садовником и лакеем набивкою матрацев. Утром он заставил заново набить все матрацы на первом этаже, теперь он направился на второй этаж.

Жюльен побледнел; он бросил на госпожу де Реналь странный взгляд и, ускорив шаг, очутился с нею вдвоем. Госпожа Дервиль шла за ними.

– Спасите мне жизнь, – сказал Жюльен госпоже де Реналь. – Вы одна это можете; вам известно, что лакей меня ненавидит до смерти. Поройтесь так, чтобы он не заметил, в углу матраца, обращенном к окну. Вы найдете там маленькую коробочку черного картона.

– И в ней – портрет? – сказала госпожа де Реналь, едва стоя на ногах. Ее расстроенный вид обратил на себя внимание Жюльена, который тотчас этим воспользовался.

– У меня еще есть одна просьба к вам, сударыня: умоляю вас – не смотреть на этот портрет, это моя тайна.

– Тайна! – повторила госпожа де Реналь упавшим голосом.

Несмотря на воспитание среди людей, гордящихся только состоянием и чувствительных только к денежным интересам, она была сейчас великодушна, воодушевляемая любовью. Жестоко оскорбленная, госпожа де Реналь с самым преданным видом задала Жюльену несколько вопросов, необходимых для успешного выполнения его поручения.

– Итак, – сказала она, удаляясь, – маленькая круглая коробка, черная и глянцевиная?

– Да, сударыня, – отвечал Жюльен с тою резкостью, которую опасность придает мужчинам.

Она поднялась на второй этаж, бледная, словно шла на смерть. В довершение несчастья она почувствовала, что силы изменяют ей; но сознание необходимости оказать Жюльену услугу поддержало ее.

«Надо найти эту коробку», – сказала она себе, ускоряя шаг.

Она услышала разговор мужа с лакеем уже в комнате Жюльена. К счастью, они прошли в детскую. Она приподняла матрац и засунула руку в солому с такой силою, что поцарапала себе палец. Будучи очень чувствительной ко всякого рода боли, она едва заметила ее сейчас, ибо почти в ту же минуту нащупала лакированную коробочку. Схватив ее, она выбежала.

Едва избавилась она от страха быть застигнутою мужем, как ужас, внушаемый ей этой коробкой, вновь лишил ее сил.

«Значит, Жюльен влюблен, и я держу в руках портрет любимой им женщины!»

Усевшись на стул в коридоре, близ этой комнаты, госпожа де Реналь отдалась во власть мукам ревности. Ее полное неведение пригодило ей в этот момент; изумление смягчало скорбь. Вошел Жюльен и, схватив коробку, не говоря ни слова, даже не поблагодарив, побежал с нею в комнату, где тотчас развел огонь и моментально бросил ее туда. Он был бледен, подавлен; он преувеличивал степень опасности, которой избежал.

«Портрет Наполеона, – говорил он себе, качая головою, – у человека, так явно выражающего ненависть к узурпатору! Найденный господином де Реналем, таким ультраконсерватором и в таком раздражении! и в довершение неосторожности, на обратной стороне портрета строки, написанные моею рукою, не оставляющие никакого сомнения насчет моего чрезмерного восхищения! И каждая из этих восторженных строк помечена числом! последняя – позавчера... Вся моя репутация погибла бы, кончилась бы в один миг! – говорил себе Жюльен, глядя на горевшую коробку, – а моя репутация – все мое богатство, я живу только ею... что я терплю ради нее, великий Боже!»

Час спустя утомление и жалость к самому себе настроили его на более нежный лад. Встретив госпожу де Реналь, он взял ее руку и поцеловал с большей искренностью, чем когда-либо. Она покраснела от радости и тотчас оттолкнула Жюльена в гнев ревности. Гордость Жюльена, так недавно уязвленная, вновь заговорила в нем. Он увидел в госпоже де Реналь только богатую женщину; с презрением выпустил ее руку и удалился. В задумчивости направился он в сад; вскоре на губах его появилась горькая усмешка.

«Я прогуливаюсь здесь спокойно, словно человек, располагающий своим временем! Я не занимаюсь с детьми! и подвергаюсь унижительным упрекам господина де Реналья не без основания». – И он побежал в детскую.

Ласки младшего мальчика, которого он очень любил, немного смягчили его жгучую скорбь.

«Этот меня еще не презирает, – подумал Жюльен, но тотчас упрекнул себя за мягкосердие как за новую слабость. – Эти дети ласкают меня так же, как ласкали бы гончую собаку, купленную вчера».

Глава 10. Большое сердце и малое состояние

*But passion most dissembles, yet betrays.
Even by its darkness; as the blackest sky
Foretels the heaviest tempest.*

Don Juan. C 1, st. 73

*Таится страсть, но скрытностью угрюмой
Она сама свой пламень выдает.
Так черной мглой закрытый небосвод
Свирепую предсказывает бурю.*

Байрон. Дон Жуан, п. 1, ст. 73.

Господин де Реналь, обходивший все комнаты замка, вернулся в детскую со слугами, несшими матрацы. Внезапное появление этого человека было для Жюльена каплею, переполнившей чашу.

Бледный, мрачнее обыкновенного, он бросился к нему. Господин де Реналь остановился и взглянул на слуг.

– Сударь, – сказал ему Жюльен, – полагаете ли вы, что со всяким другим наставником ваши дети сделали бы такие же успехи, как со мною? Если вы ответите отрицательно, – продолжал Жюльен, не давая господину де Реналю времени ответить, – то, как же вы осмеливаетесь упрекать меня в том, что я пренебрегаю моими обязанностями?

Господин де Реналь, едва придя в себя от страха, заключил по странном тону молодого крестьянина, что он имеет какое-нибудь выгодное предложение и хочет от него уйти. Негодование Жюльена возрастало с каждым словом:

– Я смогу жить и без вас, сударь, – прибавил он.

– Мне, право, чрезвычайно досадно видеть вас в таком возбуждении, – ответил господин де Реналь слегка запинаясь.

Слуги находились в десяти шагах, занятые устройством постелей.

– Это совсем не то, что мне надо, сударь, – воскликнул Жюльен вне себя. – Вспомните, какие бесстыдные слова вы говорили мне, да еще при дамах!

Господин де Реналь не ясно понимал, чего от него требует Жюльен, и в душе его происходила тягостная борьба. Наконец Жюльен, дойдя до безумного исступления, воскликнул:

– Я знаю, сударь, куда я пойду от вас.

При этих словах господин де Реналь уже представил себе Жюльена в доме господина Вально.

– Ну что ж, сударь, – сказал он наконец, вздыхая с таким видом, точно призывал хирурга для мучительной операции. – Я уступаю вашим требованиям. Начиная с послезавтра, то есть с первого числа, я буду платить вам по пятьдесят франков в месяц.

Жюльен хотел расхохотаться, но остановился пораженный: весь его гнев пропал.

«Я недостаточно презирал это животное, – сказал он себе. – Вот самое большое извинение, которое может принести столь низкая душа».

Дети, слушавшие эту сцену раскрыв рот, побежали в сад сообщить матери, что господин Жюльен очень сердился, но будет теперь получать пятьдесят франков в месяц.

Жюльен пошел за ними по привычке, даже не взглянув на господина де Реналья, которого он оставил в величайшем раздражении.

«Этот господин Вально уже стоит мне сто шестьдесят восемь франков, – сказал себе мэр, – непременно надо будет ему сказать два словца относительно его поставок для подкидышей».

Через минуту Жюльен очутился лицом к лицу с господином де Реналем.

– Мне нужно поговорить с господином Шеланом; имею честь вас уведомить, что я отлучусь на несколько часов.

– О, любезный Жюльен, – сказал господин де Реналь с натянутым смехом, – отлучайтесь хоть на весь день, хоть на два дня, мой друг. Возьмите у садовника лошадь, чтобы доехать до Верьера.

«Он, конечно, – сказал себе господин де Реналь, – едет давать ответ Вально; он мне ничего не обещал, но надо дать остыть этой горячей голове».

Жюльен быстро исчез и пошел большим лесом, ведущим из Вержи в Верьер. Ему вовсе не хотелось тотчас являться к господину Шелану. Ему не хотелось вновь принуждать себя к лицемерию, ему надо было разобраться в своей душе и прислушаться к обуревавшим его чувствам.

«Я выиграл сражение, – сказал он себе, лишь только очутился в лесу, вдали от людских взглядов. – Итак, я выиграл сражение!..»

Эти слова представили ему все его положение в розовом свете и вернули ему некоторое спокойствие.

«Теперь я буду получать пятьдесят франков жалованья в месяц, значит, господин де Реналь очень испугался. Но чего же?»

Это размышление о том, что могло напугать счастливого и влиятельного человека, против которого час тому назад он был преисполнен гнева, вполне успокоило Жюльена. Он почти поддался очарованию восхитительного леса, по которому шел. Огромные глыбы скал когда-то свалились в глубину леса, оторвавшись от горы. Мощные вязы возвышались почти наравне с этими скалами, и тень их придавала чудесную прохладу тем местам, где в трех шагах невозможно было оставаться из-за палящих солнечных лучей.

Жюльен на минуту остановился в тени этих скал и затем продолжил путь в горы. Вскоре узенькая, едва заметная тропинка, по которой ходят пастухи, привела его на вершину огромного утеса, где он, наверное, уже не встретил бы человека. Это положение заставило его улыбнуться, оно как бы символизировало то положение, которое он так безумно желал занять в обществе. Чистый горный воздух настроил его спокойно и даже радостно. Верьерский мэр продолжал ему казаться олицетворением богатых и наглых людей всего мира, но Жюльен чувствовал, что его ненависть, несмотря на свою силу, не имела ничего личного. Если бы он перестал видеть господина де Реналья, он забыл бы о нем за неделю, – о нем, и о его замке, и о собаках, и о детях, обо всем семействе. «Не знаю, как я его заставил принести такую жертву. Как! более пятидесяти экю в год? Минуту раньше я избежал огромной опасности. Вот две победы в один день; вторая не заслужена, следовало бы разгадать ее причины. Но – до завтра все тягостные расследования!»

Жюльен, стоя на вершине утеса, смотрел на небо, пылавшее в лучах августовского солнца. Стрекозы распевали на лугу у подошвы утеса; когда они умолкли, вокруг него воцарилось безмолвие. У ног его виднелась окрестность на двадцать лье. Ястреб, слетевший со скал над его головою, описывал молчаливо огромные круги; Жюльен заметил его. Взгляд Жюльена машинально следил за хищником. Его поразили его спокойные и мощные движения; он завидовал этому одиночеству.

Такова была судьба Наполеона; быть может – со временем и его?

Глава 11. Вечер

*Yet Juli as very coldnes still waskind,
And tremulously gentle her small hand
Withdrew itself from his, but left behind
A little pressure, thrilling, and so bland
And slight, so very slight that to the mind,
Twas but a doubt.*

Don Juan, C 1, st. 71

*Была в ней даже холодность мила.
Вдруг вздрогнула хорошенькая ручка
И выскользнула из его руки,
Пожатьем нежным бегло подарив.
Столь незаметным, столь неуловимым,
Что он, вздохнув, подумал – быть не может.*

Байрон. Дон Жуан, п. 1, ст. 71.

Однако же, надо было показаться в Верьере. Выходя от священника, Жюльен удачно столкнулся с господином Вально, которому он не замедлил сообщить о прибавке жалованья.

Вернувшись в Вержи, Жюльен сошел в сад только глубоким вечером. Душа его была утомлена множеством сильных ощущений, волновавших его в течение дня. «Что я им скажу?» – думал он, с беспокойством вспомнив о дамах. Он был далек от того, чтобы осознать, что душа его была именно на уровне тех мелких событий, которые обычно поглощают все интересы женщин. Часто Жюльен бывал непонятен госпоже Дервиль и даже ее подруге и, в свою очередь, понимал только половину того, что они ему говорили. Таково было действие силы и, если я смею так выразиться, величия страстей, волновавших душу этого юного честолюбца. Ежедневно происходили бури в этом странном существе.

Входя вечером в сад, Жюльен был расположен поболтать с хорошенькими кузинами. Они ожидали его с нетерпением. Он занял свое обычное место рядом с госпожой де Реналь. Вскоре наступил полный мрак. Ему захотелось взять белую ручку, которую он уже давно видел близ себя на спинке стула. Сначала ему уступили, но затем отняли у него руку, выражая этим досаду. Жюльен готов был остановиться на этом и продолжал весело болтовню, но в это время он услышал шаги господина де Реналья.

У Жюльена еще звучали в ушах грубые слова этого утра. «Не лучше ли всего, – сказал он себе, – посмеяться над этим существом, так щедро одаренным судьбою, взяв в его присутствии руку его жены? Да, я это сделаю, – я, которому он выразил столько презрения».

С этого момента спокойствие, столь несвойственное характеру Жюльена, быстро улетучилось; он страстно захотел и уже не мог ни о чем другом думать, как о том, чтобы госпожа де Реналь дала ему снова руку.

Господин де Реналь с возмущением говорил о политике: два-три фабриканта в Верьере разбогатели больше его и собирались досадить ему на выборах. Госпожа Дервиль слушала его. Жюльен, раздраженный этими рассказами, придвинул свой стул к стулу госпожи де Реналь. Темнота скрывала все движения. Он осмелился положить свою руку очень близко к хорошенькой обнаженной ручке. Он был взволнован, мысли его мешались; он наклонился к прелестной ручке и дерзнул прикоснуться к ней губами.

Госпожа де Реналь вздрогнула. Муж ее был в четырех шагах; она поспешила дать Жюльену руку и в то же время слегка оттолкнула его. Тогда как господин де Реналь продолжал громить мошенников и богатеющих якобинцев, Жюльен осыпал протянутую ему руку страст-

ными, или, по крайней мере, казавшимися таковыми госпоже де Реналь, поцелуями. А между тем несчастная женщина в этот же роковой день держала в своих руках доказательство, что человек, которого она обожала, не смея сам в том признаться, любил другую! Пока Жюльена не было, она чувствовала себя такой безмерно несчастной, что должна была задуматься.

«Как! я – люблю? – спрашивала она себя. – Я влюблена? Я, замужняя женщина, могу влюбляться? Но, – говорила она себе, – я никогда не чувствовала к моему мужу этого безумного чувства, которое приковывает все мои мысли к Жюльену. В сущности, ведь это почти ребенок, преисполненный уважения ко мне! Это безумие пройдет. Какое дело моему мужу до чувств, которые я питаю к этому юноше? Господин де Реналь нашел бы скучными мои разговоры с Жюльеном. Он думает только о своих делах. Я ничего у него не отнимаю ради Жюльена».

Никакое лицемерие не омрачило чистоты этой наивной души, введенной в заблуждение никогда не испытанной страстью. Она была бессознательно обманута, а между тем ее природная добродетель была встревожена. Таковы были волновавшие ее сомнения, когда Жюльен появился в саду. Она услышала его голос; почти в ту же минуту она увидела, как он садится рядом с нею. Ее душа была словно подхвачена упоением счастья, которое в течение двух последних недель больше удивляло ее, чем прельщало. Все было для нее неожиданно. Однако спустя несколько минут она сказала себе: «Значит, достаточно Жюльену появиться, и я все ему прощаю?» – Она испугалась, и тогда-то она и отняла у него руку.

Страстные поцелуи, каких она еще никогда не испытала, заставили ее вдруг позабыть, что, быть может, он любит другую женщину. Вскоре он уже не казался ей виноватым. Мучительное страдание, рожденное подозрением, исчезло, а ощущение счастья, о котором она даже никогда не грезила, погрузили ее в любовный восторг и безумную веселость. Этот вечер казался очаровательным всем, кроме верьерского мэра, который не мог забыть своих разбогатевших фабрикантов. Жюльен уже не думал больше ни о своем мрачном честолюбии, ни о своих столь трудно осуществимых намерениях. В первый раз в жизни он поддался обаянию красоты. Впав в какую-то сладкую мечтательность, столь ему несвойственную, он нежно сжимал ручку, казавшуюся ему верхом изящества, и слушал шелест листьев липы, колыхаемых легким ночным ветерком, и лай собак, доносившийся с мельницы на берегу Ду.

Но это было ощущение только удовольствия, а не страсти. Вернувшись в свою комнату, он мечтал только об одном – снова приняться за свою любимую книгу в двадцать лет мысль о возможности покорить свет затмевает все остальное.

Однако вскоре он отложил книгу. Размышляя над победами Наполеона, он заметил что-то новое в себе «Да, я выиграл сражение, – сказал он, – надо этим вое пользоваться; надо сломить надменность этого чванливого дворянина, пока он отступает. Это вполне по-наполеоновски. Мне надо взять отпуск на три дня, чтоб повидаться с моим другом Фуке. Если господин де Реналь мне в этом откажет, я опять заставлю его торговаться, но он уступит».

Госпожа де Реналь не могла сомкнуть глаз. Ей казалось, что она не жила до сих пор. Она не могла ни о чем думать, как о блаженстве, которое испытала, когда Жюльен покрывал ее руку пылкими поцелуями.

Вдруг ей представилось ужасное слово: «адюльтер»! Все, что самый гнусный разврат может придать в виде чувственной любви, представилось ее воображению. Эти представления стремились омрачить нежный и дивный образ, – ее мечты о Жюльене и счастье любви. Будущее рисовалось ей в ужасных красках. Она видела себя всеми презираемой.

Эти мгновения были ужасны. Душа ее переживала неведомое. Накануне она вкусила неизведанное блаженство; теперь она вдруг погрузилась в ужасные муки. Она не имела никакого представления о подобных страданиях, они взволновали ее разум. Был момент, когда ей пришлось в голову сознаться мужу, что она боится полюбить Жюльена. Пришлось бы говорить о нем. К счастью, она вспомнила совет, данный когда-то ей теткой накануне ее свадьбы. Она

говорила ей об опасности признаний мужчин, который, в конце концов, все-таки ее господин. В полном отчаянии она ломала руки.

Воображение ее осаждали самые противоречивые и мучительные образы. То она боялась не быть любимой, то ужасная мысль о преступлении терзала ее, точно завтра ее выставят к позорному столбу на Верьерской площади с надписью, объявляющей всем об ее прелюбодеянии.

У госпожи де Реналь не было никакого жизненного опыта; даже в полном рассудке, она не находила никакой разницы между тем, чтобы сделаться предметом шумных выражений публичного презрения или считать себя виновною перед Богом.

Когда ужасная мысль об адюльтере и о позоре, который, по ее мнению, следует за этим преступлением, оставила ее в покое, и она начала думать о блаженстве жить с Жюльеном безгрешно, как было в прошлом, ее начала терзать другая ужасная мысль, – что Жюльен любит другую. Она еще видела, как он побледнел, боясь потерять портрет или скомпрометировать избранницу своего сердца, если кто-то увидит. В первый раз она видела выражение страха на этом спокойном и благородном лице. Никогда он не волновался так из-за нее или детей. Этот новый повод для мучений превысил меру страданий, отпущенную человеческой душе. Госпожа де Реналь невольно вскрикнула, и это разбудило горничную. Внезапно она увидела возле своей кровати свет и узнала Элизу.

– Это вас он любит? – воскликнула она точно в бреду.

Горничная, пораженная ужасным волнением, в котором находилась ее госпожа, к счастью, не придавала никакого значения этим странным словам. Госпожа де Реналь поняла всю свою неосторожность.

– У меня жар, – сказала она, – и, кажется, бред; останьтесь со мною.

Вынужденная овладеть собою, она окончательно пришла в себя и почувствовала себя менее несчастной; ум ее прояснился, оправившись от полусна. Чтобы избавиться от пристального взгляда горничной, она приказала ей читать газету и под монотонный голос девушки, читавшей нескончаемую статью «Ежедневника», госпожа де Реналь приняла добродетельное решение обращаться с Жюльеном при новой встрече как можно холоднее.

Глава 12. Путешествие

*On trouve à Paris gens élégants,
il peut y avoir en province des gens à caractère.*

Sieyes

*В Париже можно встретить хорошо одетых людей,
в провинции попадаются люди с характером.*

Сьейес

На следующий день, в пять часов утра, раньше, чем госпожа де Реналь вышла из своей спальни, Жюльен получил уже от ее мужа отпуск на три дня. Против своего ожидания, Жюльену вдруг захотелось увидеть ее; ему вспомнилась ее изящная рука. Он сошел в сад; госпожа де Реналь заставила себя долго ждать. Но если бы Жюльен любил, то увидал бы ее за полузакрытыми ставнями первого этажа, она стояла, прислонившись к окну. Она смотрела на него. Наконец, вопреки своим решениям, она сошла в сад. Обычная ее бледность сменилась ярким румянцем. Эта наивная женщина была, видимо, взволнована; какая-то принужденность и даже раздражение омрачили выражение невозмутимой ясности, как бы отринувшей все пошлые мирские заботы, выражение, придававшее такую прелесть этому очаровательному лицу.

Жюльен поспешил к ней приблизиться; он любовался ее прекрасными руками, видневшимися из-под поспешно наброшенной шали. Утренняя свежесть, казалось, еще увеличивала яркость ее лица, которому волнения ночи только придали большую выразительность. Эта скромная трогательная красота, притом такая одухотворенная, что не часто встречается среди низших классов, казалось, пробудила в Жюльене способность души, о которой он и не подозревал. В восхищении ее красотой, которую он пожирал глазами, Жюльен нисколько не думал о дружеском приеме, на который рассчитывал. Тем более он был удивлен подчеркнутой холодностью, в которой он усмотрел желание поставить его на место.

Счастливая улыбка замерла на его губах; он вспомнил о своем положении в обществе, в особенности в глазах богатой и знатной наследницы. Моментально с лица его исчезло все, кроме выражения высокомерия и злости на самого себя. Он страшно досадовал на то, что отложил свой отъезд на целый час ради такого унижительного приема.

«Только дурак, – говорил он себе, – может сердиться на других: камень падает вследствие своей тяжести. Неужели я навсегда останусь таким ребенком? Когда же наконец я приучусь давать этим людям ровно столько, сколько они мне платят? Если я хочу, чтобы они меня уважали и чтобы я уважал самого себя, надо им показать, что это моя бедность заставляет меня торговаться с их богатством, но что мое сердце неизмеримо выше их наглости, – так высоко, что его не могут задеть жалкие выражения их благосклонности или презрения».

В то время как эти чувства теснились в душе юного учителя, его подвижное лицо приняло выражение оскорбленной гордости и жестокости. Госпожа де Реналь окончательно смутилась. Добродетельная холодность, которую она старалась проявить при встрече с ним, уступила место выражению участия, – участия, усиленного удивлением при виде столь внезапной перемены. Пустые слова, которыми обмениваются утром насчет здоровья или погоды, вдруг замерли у обоих на устах. Жюльен, рассудок которого не был омрачен страстью, быстро нашел способ показать госпоже де Реналь, насколько он мало считал их отношения дружескими; он ничего не сказал ей о своем отъезде, поклонился и ушел.

Она еще смотрела ему вслед, пораженная мрачной надменностью его взгляда, столь приветливого накануне, когда ее старший сын, прибежавший из сада, сказал ей, обнимая ее:

– У нас каникулы – господин Жюльен уезжает в отпуск.

При этих словах госпожа де Реналь почувствовала смертельный холод; она была несчастлива в своей добродетели, но еще несчастнее в своей слабости.

Это новое событие заняло все ее воображение; она унеслась далеко от благоразумных решений, принятых ею в течение ужасной прошлой ночи. Теперь дело шло не о сопротивлении дорогому возлюбленному, но о возможности навсегда его лишиться.

К завтраку ей пришлось выйти. К довершению несчастья, господин де Реналь и госпожа Дервиль только и говорили, что об отъезде Жюльена. Верьерский мэр подметил что-то странное в его тоне, когда он просил об отпуске.

– У этого мужлана, наверное, имеются какие-нибудь предложения со стороны. Но от кого бы они ни исходили, хотя бы от господина Вально, всякий призадумается над суммой в шестьсот франков, которую придется ежегодно на него расходовать. Вчера в Верьере, вероятно, попросили три дня на размышление, – а сегодня утром, чтобы не быть вынужденным давать мне ответ, мальчик отправился в горы. Быть обязанным считаться с каким-то жалким работником, который еще и дерзит нам, – вот, однако, до чего мы дошли!

«Если мой муж, совершенно не подозревающий, как глубоко он оскорбил Жюльена, думает, что он уйдет от нас, то, что остается мне думать? – сказала себе госпожа де Реналь. – Ах! все кончено!»

Чтобы иметь возможность по крайней мере выплакаться на свободе и не отвечать на вопросы госпожи Дервиль, она сослалась на ужасную головную боль и легла в постель.

– Вот каковы женщины, – повторял господин де Реналь, – вечно что-то расстраивается в их сложном организме. – И ушел, посмеиваясь.

В то время как госпожа де Реналь терзалась муками жестокой страсти, так неожиданно охватившей ее, Жюльен весело совершал свой путь среди самых красивых видов, какие может представить горный пейзаж. Ему надо было пересечь большую цепь к северу от Вержи. Тропинка, по которой он шел, поднималась через большой буковый лес, образуя бесчисленные повороты на склоне высокой горы, замыкающей на севере долину Ду. Вскоре взгляды путника перенеслись с менее высоких холмов, по которым Ду течет на юг, на плодородные равнины Бургундии и Божолэ. Как ни была нечувствительна душа этого юного честолюбца к красотам природы, он не мог временами не останавливаться, чтобы взглядывать на эту внушительную, широкую панораму.

Наконец он достиг вершины высокой горы, возле которой начиналась дорога к уединенной долине, где жил Фуке, молодой лесоторговец, его друг. Жюльен не торопился увидеть ни его, ни вообще какое-либо человеческое существо. Притаившись, подобно хищной птице среди голых утесов, венчающих высокую гору, он мог издали заметить всякого приближающегося к нему человека. Он нашел маленький грот на склоне одной из почти вертикальных скал. Он направился туда и вскоре занял это убежище. «Здесь, – сказал он, сверкая радостно глазами, – люди не смогут причинить мне зла». Ему вздумалось изложить здесь письменно свои мысли, что было так опасно в другом месте... Квадратный камень заменил ему стол. Перо его летало – он не видел ничего вокруг. Наконец он заметил, что солнце садится за далекими горами Божолэ.

«Почему бы мне не переночевать здесь, – сказал он себе, – у меня есть хлеб, и я свободен!» При звуке этого великого слова душа его загорелась, притворство его не позволяло ему быть самим собою даже у Фуке. Подперши голову руками, Жюльен сидел в гроте такой счастливый, как еще никогда в жизни, отдавшись своим мечтам о счастье... свободы. Машинально он видел, как потухали один за другим все лучи сумерек. Среди наступившего мрака его душа предалась созерцанию того, что он рассчитывал когда-либо встретить в Париже. Прежде всего – женщину, гораздо более прекрасную, с более возвышенным умом, чем все, что он мог видеть в провинции. Он любил ее страстно, и его любили. Если он разлучался с нею на несколько минут, то только для того, чтобы приобрести славу и заслужить еще большую любовь.

Холодная ирония отрезвила бы в этом месте романа юношу, воспитанного среди печальной действительности парижского общества, хотя бы он и обладал воображением Жюльена; великие подвиги исчезли бы вместе с надеждою их совершить, уступая место столь известному правилу: когда ты покидаешь свою возлюбленную, то – увы! – рискуешь быть обманутым два-три раза в день. Молодой крестьянин, однако, не находил никаких препятствий к самым героическим подвигам, кроме недостатка случая.

Глубокая ночь сменила день, а ему оставалось еще два лье до деревушки, где жил Фуке. Но прежде чем покинуть грот, Жюльен зажег огонь и тщательно сжег все, что написал.

Он очень удивил своего друга, постучавшись к нему в час ночи. Он застал Фуке погруженным в свои счета. Это был высокий молодой человек, довольно нескладный, с грубыми чертами лица, предлинным носом, но чрезвычайно добродушный при своей отталкивающей внешности.

– Ты, должно быть, разругался со своим господином де Реналем, что явился так неожиданно?

Жюльен рассказал ему, как находил нужным, события вчерашнего дня.

– Оставайся со мною, – сказал ему Фуке, – я вижу, что ты знаешь господина де Реналея, господина Вально, супрефекта Можерона, священника Шелана; ты понял все тонкости характеров этих господ; теперь ты можешь присутствовать на торгах. Ты знаешь арифметику лучше меня, ты будешь вести мои счета; я много зарабатываю своей торговлей. Невозможно все делать самому, да и боюсь налететь на мошенника, если возьму компаньона, это мешает мне совершать превосходные сделки. Менее месяца тому назад я дал заработать шесть тысяч франков Мишо де Сент-Аману, которого не видел шесть лет и случайно встретил на торгах в Понтарлье. Отчего бы не заработать тебе эти шесть тысяч франков или, по крайней мере, хоть три? Ибо, если бы в этот день ты был со мною, я бы накинул на эту порубку и никто бы за мной не угнался. Будь моим компаньоном.

Это предложение раздосадовало Жюльена; оно нарушало его безумные мечты; во время ужина, который друзья приготавливали сами, подобно героям Гомера, ибо Фуке жил один, он показал свои счета Жюльену и доказывал ему, сколько выгод представляет его торговля лесом. У Фуке было самое высокое мнение об уме и характере Жюльена.

Наконец, очутившись один в своей комнатухе из еловых бревен, Жюльен сказал себе: «Правда, я могу здесь заработать несколько тысяч франков, а затем поступить в солдаты или в священники, смотря по тому, что тогда будет в моде во Франции. Сбережения, которые у меня будут к тому времени, устранят все мелкие затруднения. В этих горах я устранил бы свое невежество относительно многих вещей, занимающих светских людей. Но Фуке не хочет жениться, хотя и говорит, что одиночество делает его несчастным. Очевидно, беря компаньона без всяких вкладов в дело, он питает надежду, что этот компаньон никогда его не оставит. Неужели я обману своего друга?» – воскликнул Жюльен с негодованием. Он, считавший лицемерие и холодность обычными средствами спасения, на этот раз не мог вынести мысли о малейшем неделикатности по отношению к любившему его человеку.

Внезапно Жюльен обрадовался; он нашел предлог для отказа. «Как! потерять семь или восемь лет! ведь мне тогда будет двадцать восемь! Да в этом возрасте Бонапарт уже совершил свои самые великие подвиги! Кто поручится, что я сохраню священный пламя, которое прославляет людей, приводит к славе, если буду бегать по торгам и искать расположения разных плутов?»

На следующее утро Жюльен хладнокровно объявил добряку Фуке, считавшему это дело уже решенным, что его призвание к священному служению церкви не позволяет ему согласиться. Фуке очень удивился.

– Подумай, – говорил он ему, – я принимаю тебя в компаньоны или, лучше сказать, даю тебе четыре тысячи франков в год! А ты хочешь вернуться к своему господину де Реналю,

презирающему тебя, как грязь своих сапог! Когда у тебя будет двести луидоров в кармане, кто тебе помешает поступить в семинарию! Я тебе скажу больше, я беру на себя доставить тебе лучший приход в округе, ибо, – прибавил Фуке, понизив голос, – я поставляю дрова г... г... г... Я им поставляю лучший дуб, за который они мне платят, как за сосну, но лучше поместить деньги невозможно.

Ничто не могло поколебать намерения Жюльена. В конце концов Фуке начал считать его слегка помешанным. На третий день рано утром Жюльен простился со своим другом, желая провести день среди утесов в горах. Он отыскал свой грот, но спокойствие покинуло его; предложения друга нарушили его душевный мир. Подобно Геркулесу, он очутился, но не между пороками и добродетелью, а между посредственностью и связанным с нею благополучием и всеми героическими мечтами своей юности. «Значит, у меня нет настоящей твердости характера, – говорил он себе; и это сомнение больше всего мучило его. – Значит, я не из того теста, из которого рождаются великие люди, если боюсь, что восемь лет, потраченных на зарабатывание денег, отнимут у меня ту великую энергию, которая заставляет творить необычайное».

Глава 13. Ажурные чулки

Un roman, c'est un miroir qu'on promène le long d'un chemin...
Saint-Real

Роман – это зеркало, с которым идешь по большой дороге.
Сен-Реаль

Когда показались живописные развалины старинной церкви Вержи, Жюльен вспомнил, что с третьего дня он ни разу не подумал о госпоже де Реналь. «В день отъезда эта женщина напомнила мне о бесконечно разделяющем нас расстоянии; она обошлась со мной, как с сыном ремесленника. Без сомнения, она хотела выразить этим свое раскаяние в том, что накануне предоставила мне руку... А как хороша эта ручка! Что за очарование! Какое благородство светится во взгляде этой женщины!»

Возможность разбогатеть при помощи Фуке придала некоторое легкомыслие рассуждениям Жюльена; их уже не омрачало так часто раздражение и осознание своей бедности и ничтожества в глазах света. Теперь он мог судить как бы с некоторой высоты о крайней бедности и недостатке, который он все еще называл богатством. Он еще не смотрел на свое положение философски, но был достаточно проницателен, чтобы почувствовать себя другим после этого маленького путешествия в горы.

Он был поражен тем чрезвычайным волнением, с которым госпожа де Реналь выслушала его рассказ о путешествии, которое он ей описал по ее просьбе.

Фуке неудачно влюблялся, собирался жениться; его долгие признания на этот счет составляли предмет разговора обоих друзей. Слишком рано предавшись любовным утехам, Фуке заметил, что любят не его одного. Все эти рассказы удивили Жюльена; он узнал много нового. Его уединенная жизнь, полная мечтательности и недоверия, отдала его от всякого жизненного опыта.

Во время его отсутствия госпожа де Реналь не жила, а невыносимо мучилась; она не на шутку разболелась.

– В особенности, – сказала ей госпожа Дервиль, увидав возвратившегося Жюльена, – в твоём состоянии ты должна остерегаться и не ходить вечером в сад, сырость повредит тебе.

Госпожа Дервиль с удивлением заметила, что ее подруга, постоянно навлекавшая на себя неудовольствие господина де Реналья своей чересчур простой манерой одеваться, начала носить прозрачные чулки и очаровательные туфельки, присланные из Парижа. В течение трех дней единственное развлечение госпожи де Реналь заключалось в том, что она кроила и торопила Элизу шить ей летнее платье из красивой, легкой, очень модной материи. Платье было готово спустя несколько минут по прибытии Жюльена; госпожа де Реналь его тотчас надела. Ее приятельница уже больше не сомневалась... «Несчастливая; она любит его!» – сказала себе госпожа Дервиль. И поняла все странные признаки ее болезни.

Она смотрела на нее, когда та говорила с Жюльеном. Лицо ее поминутно то краснело, то бледнело. Тревога выражалась в глазах, прикованных к глазам молодого наставника. Госпожа де Реналь ждала каждую минуту, что он начнет объясняться и сообщит, оставляет ли он их дом или остается. Жюльен, разумеется, ничего не говорил об этом, да и не думал. После ужасной внутренней борьбы госпожа де Реналь наконец решила спросить его дрожащим голосом, в котором отражалась вся ее страсть:

– Намерены ли вы покинуть ваших учеников, чтобы устроиться в другом месте?

Жюльен был поражен трепетным голосом и взглядом госпожи де Реналь. «Эта женщина меня любит, – сказал он себе, – но, оправившись от этой мимолетной слабости, в которой она

раскается, лишь только перестанет опасаться моего отъезда, к ней снова вернется ее высокомерие». Этот взгляд на положение вещей мелькнул в голове Жюльена быстро, словно молния; он отвечал нерешительно:

– Мне будет очень жаль расстаться с такими милыми детьми из *порядочной* семьи, но, может быть, придется... Существуют обязанности ведь и по отношению к самому себе...

Произнеся слово *порядочные* (этот термин Жюльен усвоил себе еще очень недавно), он почувствовал зашевелившуюся в душе глубокую антипатию.

«В глазах этой женщины я, – подумал он, – непорядочного происхождения».

Госпожа де Реналь, слушая его, любовалась его умом, его красотой, сердце ее сжималось при мысли о возможности отъезда, на который он намекнул. Все ее верьерские друзья, приезжавшие пообедать в Вержи во время отсутствия Жюльена, словно сговорились расхваливать на все лады удивительного человека, которого посчастливилось откопать ее мужу. Собственно, в успехах детей никто ничего не понимал. Знание наизусть Библии, да еще по-латыни, так поразило обитателей Верьера, что этого восхищения могло хватить на целый век.

Жюльен не говорил ни с кем и ничего об этом не знал. Если бы госпожа де Реналь умела владеть собой, она бы поздравила его с приобретенной им репутацией, и гордость Жюльена была бы удовлетворена; он сделался бы с нею кроток и любезен, тем более что ее новое платье казалось ему очаровательным. Госпожа де Реналь, в свою очередь довольная своим нарядным платьем и тем, что говорил ей о нем Жюльен, захотела пройти по саду; вскоре она призналась, что не в состоянии идти. Она взяла руку путешественника, но, вместо того чтобы поддержать ее, прикосновение руки окончательно лишило ее сил.

Было темно; едва успели они сесть, как Жюльен, пользуясь своей прежней привилегией, осмелился приблизить губы к руке прекрасной соседки и взять ее за руку. Он вспоминал, как смело вел себя Фуке со своими возлюбленными, и не думал о госпоже де Реналь; слово *порядочный* все еще тяготело над его душой. Рука ответила ему пожатием, но это несколько его не порадовало. Он был далек от того, чтобы гордиться, или хотя бы испытывать признательность ей за чувство, которое она выражала в этот вечер так очевидно, и даже ее красота, изящество почти не трогали его. Душевная чистота, отсутствие всяких злобных чувств, без сомнения, сохраняют молодость. В большинстве случаев у хорошеньких женщин скорее всего стареет лицо.

Жюльен оставался угрюмым весь вечер; до сих пор его гнев вызывали только случайности общественного устройства; с тех пор как Фуке предложил ему низкое средство достичь благополучия, он начал досадовать на самого себя. Поглощенный своими мыслями, хотя и обращая время от времени к дамам, Жюльен наконец, сам того не замечая, выпустил руку госпожи де Реналь. Это глубоко потрясло душу несчастной женщины; в этом она увидела проявление своей судьбы.

Если бы она была уверена в привязанности Жюльена, быть может, ее добродетель сумела бы оказать ему сопротивление. Но, опасаясь потерять его навсегда, она до того дошла в своей страсти, что сама взяла руку Жюльена, которую он рассеянно положил на спинку стула. Этот поступок словно пробудил юного честолюбца. Ему захотелось, чтобы его увидели сейчас все эти спесивые, знатные люди, которые за столом, где он сидел на самом краю с детьми, смотрели на него со снисходительной усмешкой. «Эта женщина не может меня презирать; в таком случае, – сказал он себе, – я должен поддаться чарам ее красоты; я обязан перед самим собою сделаться ее возлюбленным». Подобная мысль не пришла бы ему в голову до того, как он наслушался наивных рассказов своего друга.

Внезапное решение, принятое им, приятно рассеяло его мысли. Он сказал себе: «Я должен обладать одною из этих двух женщин» – и заметил, что, пожалуй, было бы интереснее ухаживать за госпожою Дервиль, не потому, что она казалась ему привлекательнее, но потому,

что она видела его всегда в качестве уважаемого наставника, а не простым плотником с шерстяной курткой под мышкой, каким он явился к госпоже де Реналь.

Но госпожа де Реналь особенно любила представлять его себе именно юным рабочим, который краснел до корней волос, стоя у входа в дом и не решаясь позвонить.

Продолжая рассматривать свое положение, Жюльен понял, что о победе над госпожою Дервиль не стоит и думать, ибо, несомненно, она заметила склонность, которую госпожа де Реналь проявляла к нему. Пришлось вернуться к мысли о последней: «Что я знаю о характере этой женщины? – спросил себя Жюльен. – Только одно: до моего путешествия я брал у нее руку, и она ее отнимала; теперь я отнимаю свою руку, а она берет ее и пожимает. Прекрасный случай отплатить ей за все ее презрение ко мне. Бог весть, сколько у нее было возлюбленных! Быть может, она склоняется в мою сторону только из-за легкости встреч».

Увы! в этом беда чрезмерной цивилизации. В двадцать лет душа юноши, хоть сколько-нибудь образованного, уже страшно далека от непосредственности, без которой любовь часто представляется одною из самых докучных обязанностей.

«Я потому еще должен добиться успеха у этой женщины, – продолжало нашептывать тщеславие Жюльена, – что, если когда-либо сделаю карьеру, и кто-нибудь упрекнет меня за низкое ремесло наставника, я могу дать понять, что любовь толкнула меня на это».

Жюльен снова отдалил свою руку от руки госпожи де Реналь, затем опять взял ее руку и сжал ее. Когда около полуночи они входили в дом, госпожа де Реналь спросила его тихо:

– Вы оставите нас, уедете?

Жюльен отвечал со вздохом:

– Мне надо уехать, ибо я люблю вас страстно; это грех... – да еще какой грех для молодого священника.

Госпожа де Реналь оперлась на его руку в таком самозабвении, что коснулась щекой пылающей щеки Жюльена.

Ночь эти два существа провели совершенно по-разному. Госпожа де Реналь отдалась восторгу самого возвышенного духовного наслаждения. Молодая кокетливая девушка, влюбляющаяся рано, привыкает к волнениям любви; в возрасте, когда наступает настоящая страсть, ей уже не хватает прелести новизны... Но так как госпожа де Реналь никогда не читала романов, то все оттенки счастья были для нее новы. Ее не омрачала никакая печальная истина, ни даже призрак будущего... Ей казалось, что и через десять лет она будет так же счастлива, как сейчас. Мысль о добродетели и верности, в которой она поклялась господину де Реналю, мучившая ее несколько дней тому назад, теперь тщетно старалась ею овладеть; она отделялась от нее, как от докучного гостя. «Жюльен никогда ничего от меня не добьется, – думала госпожа де Реналь, – мы всегда будем жить так же, как живем теперь. Он будет моим другом».

Глава 14. Английские ножницы

*Une jeune fille de seize ans avait
un teint de roze, et elle mettait du rouée...
Шестнадцатилетняя девушка,
щечки как розаны – и все-таки румянится.*

Поллатори

Что касается Жюльена, предложение Фуке действительно лишило его всякой радости; он не мог ни на чем остановиться.

«Увы! Быть может, у меня не хватает характера; я был бы плохим воином у Наполеона. По крайней мере, – прибавил он, – маленькая интрижка с хозяйкою дома хоть немножко меня развлечет».

К счастью для него, даже в этом незначительном инциденте состояние его души мало соответствовало его развязной манере говорить. Госпожа де Реналь напугала его своим прекрасным платьем. Это платье казалось Жюльену каким-то преддверием Парижа. Его гордость не хотела отнестись ничего на счет случайности и вдохновения минуты. Основываясь на признаниях Фуке и тому немногому, что он читал о любви в Библии, он составил себе весьма подробный план кампании. Так как он был чрезвычайно взволнован, почти того не сознавая, он записал этот план на бумаге.

На другой день утром госпожа де Реналь на минуту очутилась с ним в гостиной наедине.

– У вас нет никакого другого имени, кроме Жюльена? – спросила она его.

На этот столь соблазнительный вопрос наш герой не знал, что ответить. Это обстоятельство не предвиделось в его плане. Не будь у него этого дурацкого плана, живой ум Жюльена выручил бы его, – неожиданность только увеличивала его остроумие.

Он не нашелся, отчего его замешательство только возросло. Госпожа де Реналь, впрочем, скоро простила его. Она увидела в этом проявление очаровательного простодушия. А именно простодушия недоставало этому человеку, которого все находили таким умным.

– Твой юный наставник внушает мне большое недоверие, – говорила ей иногда госпожа Дервиль. – Я нахожу, что у него всегда что-то на уме и поступает он всегда с расчетом. Это расчетливый тихоня.

Жюльен чувствовал себя униженным оттого, что не нашелся, как ответить госпоже де Реналь.

«Такой человек, как он, обязан исправить этот промах!» И, улучив момент, когда переходили из одной комнаты в другую, он счел своим долгом поцеловать госпожу де Реналь.

Ничто не могло быть менее уместным, менее приятным и для него, и для нее и более неосторожным. Их едва не заметили. Госпожа де Реналь сочла его сумасшедшим. Она была напугана и возмущена. Эта глупая выходка напомнила ей господина Вально.

«Что бы случилось со мною, если бы я осталась с ним наедине?» Вся ее добродетель вернулась к ней, ибо любовь омрачилась.

Она постаралась так устроить, чтобы постоянно при ней оставался кто-нибудь из детей.

День тянулся скучно для Жюльена. Он провел его стараясь осуществить, и весьма неуклюже, свой план оболъщения. Каждый раз, как он смотрел на госпожу де Реналь, его взгляд был многозначителен; однако он не был настолько глуп, чтобы не заметить, что ему совершенно не удавалось быть любезным, а еще менее – оболъстительным.

Госпожа де Реналь не могла прийти в себя от изумления, увидав его таким неловким и вместе с тем таким дерзким. «Это любовная застенчивость умного человека! – сказала она

себе наконец с неизъяснимой радостью. – Возможно ли, что он никогда не был любим моей соперницею?»

После завтрака госпожа де Реналь отправилась в гостиную – принять господина Шарко де Можирона, супрефекта в Брэ. Она вышивала что-то на пльцах. Госпожа Дервиль сидела рядом с нею. В таком положении, среди белого дня, наш герой нашел уместным придвинуть свой сапог и пожать хорошенькую ножку госпожи де Реналь, ажурные чулочки и парижские туфельки которой заметно привлекали взоры галантного супрефекта. Госпожа де Реналь безумно испугалась; она уронила ножницы, моток шерсти, иголки, и движение Жюльена могло сойти за неловкую попытку помешать падению ножниц, соскользнувших на его глазах. К счастью, маленькие стальные ножницы сломались, и госпожа де Реналь не поскупилась на сожаления по поводу того, что Жюльен не оказался ближе к ней.

– Вы заметили прежде меня их падение, вы могли их удержать, вместо того ваше усердие повело только к тому, что вы меня сильно толкнули ногою.

Все это обмануло супрефекта, но не госпожу Дервиль. «У этого милого юноши весьма глупые замашки!» – подумала она. Провинциальная мораль не прощает подобных промахов. Госпожа де Реналь улучила момент и шепнула Жюльену:

– Будьте осторожны, я вам это приказываю.

Жюльен сознавал свою неловкость; ему стало досадно. Он долго раздумывал, следует ли ему рассердиться на слова: «я вам это приказываю». Он был настолько глуп, что подумал: «Она могла бы мне сказать: „я приказываю“; если бы дело шло о чем-нибудь касающемся воспитания детей; но, отвечая на мою любовь, она должна была предполагать равенство отношений». Любить нельзя без равенства; и он напрягал весь свой ум, стараясь припомнить общие места о равенстве. Он повторял со злостью стих Корнеля, которому его научила несколько дней тому назад госпожа Дервиль:

. L'amour
Fait les égalités et ne les cherche pas.

Жюльен, упорствуя в своей роли Дон-Жуана, несмотря на то, что никогда не имел возлюбленной, вел себя весь день невероятно глупо. У него явилась только одна разумная мысль; он так надоел самому себе, и так ему надоела госпожа де Реналь, что с ужасом думал о приближении вечера, когда ему придется сидеть рядом с нею во мраке сада. Он заявил господину де Реналю, что отправится в Верьер повидаться со священником, и, уйдя тотчас после обеда, вернулся только к ночи.

В Верьере Жюльен застал господина Шелана занятым переездом: его наконец сместили, викарий Малон занял его место. Жюльен помог доброму священнику, и ему пришлось в голову написать Фуке, что непреодолимое влечение к духовному сану помешало ему принять сначала его любезное предложение, но что он только что был свидетелем такого примера несправедливости, что, пожалуй, для спасения души будет более выгодно не вступать в священнослужители. Жюльен пришел в восторг от своей хитрости – извлечь пользу из смещения верьерского священника для того, чтобы оставить себе лазейку и заняться торговлей, если прискорбное благоразумие одержит в нем верх над героизмом.

Глава 15. Пение петуха

*Amour en latin faict amor;
Or donc provient d'amour la mort.
Et, par avant, soulcy qui mord.
Deuil, plours, pièges, forfaitz, remord.*

Blason d'Amour

*Любовь – амор по-латыни;
От любви бывает мор,
Море слез, тоски пустыня,
Мрак, морока и позор.*

Гербовник любви

Если бы Жюльен обладал хоть небольшой долей хитрости, которую он в себе напрасно предполагал, он мог бы поздравить себя на следующий день с эффектом, произведенным его путешествием в Верьер. Его отсутствие заставило позабыть все его промахи. Весь этот день он был довольно угрюм; к вечеру у него явилась нелепая мысль, и он сообщил ее госпоже де Реналь с редкой отвагой.

Едва они уселись в саду, как, не дожидаясь наступления темноты, Жюльен приблизил губы к уху госпожи де Реналь и, рискуя ее страшно скомпрометировать, прошептал:

– Сударыня, сегодня ночью в два часа я приду к вам в комнату, мне нужно вам что-то сказать.

Жюльен боялся, что она согласится; роль обольстителя была ему так тягостна, что он – если бы это только было возможно – заперся бы на несколько дней в своей комнате, чтобы не видеть этих дам. Он понимал, что своим невозможным поведением вчера он испортил все прекрасные завоевания предшествующего дня, и теперь не знал, что ему делать.

Госпожа де Реналь ответила с неподдельным возмущением, нисколько не преувеличенным, на дерзкое заявление, которое Жюльен осмелился ей сделать. Ему почудилось презрение в ее лаконическом ответе. В этом ответе, произнесенном очень тихо, он различил, однако, слова: «*Это еще что такое?*»? Под предлогом, будто ему надо что-то сказать детям, Жюльен отправился в их комнату и, вернувшись, сел возле госпожи Дервиль, далеко от госпожи де Реналь. Таким образом он отнял у себя всякую возможность взять ее руку. Разговор принял серьезный оборот, и Жюльен поддерживал его с честью, подыскивая ответы в моменты молчания. «Как это я не могу придумать способа, – думал он, – чтобы заставить госпожу де Реналь снова выказывать мне недвусмысленное расположение, заставившее меня три дня тому назад поверить ее любви!»

Жюльен был чрезвычайно смущен почти безнадежным положением своих дел. Однако успех затруднил бы его еще в большей степени.

Когда около полуночи все разошлись, его мрачное настроение заставило его заподозрить, что госпожа Дервиль питает к нему презрение, да и госпожа де Реналь, вероятно, не лучшего о нем мнения.

Сильно раздосадованный и униженный, Жюльен не мог заснуть. Но он был далек от мысли бросить всякое притворство, весь свой план и жить изо дня в день возле госпожи де Реналь, довольствуясь, как дитя, счастьем, которое приносит каждый новый день.

Он ломал себе голову, придумывая искусные маневры; через минуту он уже находил их нелепыми; словом, он был очень несчастен, когда услышал, как на стенных часах пробило два часа.

Звук часов пробудил его, подобно тому, как пение петуха заставило очнуться святого Петра. Он почувствовал, что наступила самая тягостная минута. Он не думал о своем дерзком предложении с той минуты, как его сделал; ведь его так плохо приняли!

«Я сказал ей, что приду в два часа, – подумал он, вставая. – Я могу быть неопытен и груб, как и подобает сыну крестьянина, госпожа Дервиль достаточно давала мне это понять, но, по крайней мере, я не покажу себя трусом».

Жюльен имел право восхищаться своим мужеством: никогда еще он не подвергал себя более тягостному принуждению. Открывая дверь, он так дрожал, что колени его подгибались, и он вынужден был прислониться к стене.

Он был без сапог. Подойдя к двери господина де Реналь, он услышал его храпение. Это повергло его в отчаяние. Значит, не оставалось никакого предлога, чтобы не идти к ней. Но, великий Боже! что он там будет делать? У него не было никакого плана, да если бы и был таковой, крайнее волнение помешало бы ему его выполнить.

Наконец, страдая в тысячу раз больше, чем если бы его вели на казнь, он вошел в маленький коридор, ведущий к комнате госпожи де Реналь. Он открыл дверь дрожащею рукою, страшно при этом на шумев.

В комнате был свет: близ камина горел ночник; Жюльен не ожидал этого нового несчастья. Увидя его входящим, госпожа де Реналь поспешно вскочила с постели.

– Несчастный! – воскликнула она.

Произошло смятение. Жюльен забыл свои тщеславные планы и вернулся к своей естественной роли; ему показалось самым большим несчастьем не понравиться столь очаровательной женщине. Он ответил на ее упреки тем, что бросился к ее ногам и обнял ее колени. Она упрекала его чрезвычайно сурово, и в ответ на это он залился слезами.

Когда через несколько часов Жюльен вышел из комнаты госпожи де Реналь, можно было сказать, как пишут в романах, что ему не оставалось ничего больше желать. Действительно, любовь, которую он себе внушил, и неожиданное впечатление, произведенное на него чарами красоты, принесли ему победу, к которой не привела бы никогда его неуклюжая хитрость.

Но в самые сладкие минуты он поддался снова своей нелепой гордости и снова пытался играть роль человека, привыкшего побеждать женщин: он делал невероятные усилия, чтобы испортить все, что было в нем привлекательного. Вместо того чтобы прислушиваться к вызванным им самим восторгам и к раскаянию, еще увеличивавшему их силу, он ни на мгновение не выпускал идею *долга* из головы. Он боялся, что будет безумно раскаиваться и навсегда останется смешным, если отклонится от идеала, которому намеревался следовать. Словом, то, что делало из Жюльена существо высшее, как раз и мешало ему наслаждаться случайным счастьем. Так шестнадцатилетняя девушка с очаровательным цветом лица, румянится, отправляясь на бал.

Смертельно напуганная появлением Жюльена, госпожа де Реналь вскоре предалась самой жестокой тревоге. Слезы и отчаяние Жюльена ее чрезвычайно взволновали.

Даже когда ей уже не в чем было отказывать, она отталкивала Жюльена от себя с неподдельным негодованием, а затем бросалась сама в его объятия. Во всем ее поведении не заметно было никакого плана. Она считала себя безвозвратно потерянной и старалась избавиться от зрелища ада, осыпая Жюльена самыми безумными ласками. Словом, счастье нашего героя было бы полно, тем более что в женщине, которую он обладал, он нашел пламенную страстность, если бы он умел этим наслаждаться. Жюльен ушел, а она все еще переживала страстное волнение и терзалась муками раскаяния.

«Боже мой! быть счастливым, быть любимым, но это – только то?» – такова была первая мысль Жюльена по возвращении его в комнату. Он находился в том состоянии удивления и беспокойства, которое охватывает душу, получившую то, к чему она долго стремилась. Она привыкла желать – и вот не знает больше, чего ей желать, и в то же время не обладает еще вос-

поминаниями. Подобно солдату после смотра, Жюльен внимательно припомнил все подробности своего поведения: «Не допустил ли я чего-нибудь из того, что должен? Хорошо ли я сыграл свою роль?»

И какую роль! Роль человека, привыкшего блистать среди женщин.

Глава 16. Следующий день

*He turn'd his lip to hers, and with his hand,
Gall'd hack the tangles of her wandering hair.*
Don Juan. C. 1, st. 170

*К ее устам прищип он, прядь волос
Рукою бережной с чела ее откинул.*
Байрон. Дон Жуан, п. 1, ст. 170

К счастью для славы Жюльена, госпожа де Реналь была слишком взволнована, слишком изумлена, чтобы заметить глупость человека, который в один момент сделался для нее всем на свете.

Прозя его уйти на рассвете, она сказала:

– О Господи! если мой муж услышал шум, я погибла.

Жюльен, у которого хватало времени на составление фраз, припомнил следующую:

– Вам было бы жаль жизни?

– Ах! в этот момент очень! но никогда не пожалела бы о том, что узнала вас.

Жюльен нашел приличествующим выйти от нее нарочно засветло и без всякой осторожности.

Постоянное внимание, с которым он относился ко всем своим поступкам в своем безумном желании показаться опытным человеком, имело лишь одну выгоду: когда он снова увидел госпожу де Реналь за завтраком, поведение его было образцом осторожности.

Что касается ее, она не могла на него смотреть не краснея до корней волос, но и не могла отвести от него глаз ни на мгновение; она сама замечала свое волнение и, стараясь скрыть его, смущалась еще больше. Жюльен только раз поднял на нее глаза. Сначала госпожа де Реналь восхитилась его осторожностью. Но вскоре, заметив, что этот единственный взгляд больше не повторяется, она встревожилась; «Разве он больше меня не любит? – сказала она себе. – Увы! – я слишком стара для него; я на десять лет старше».

Переходя из столовой в сад, она пожала руку Жюльену. Изумленный этим необыкновенным выражением любви, он поглядел на нее страстно, ибо она показалась ему очень хорошенькой за завтраком; и хотя он опускал глаза, но думал все время обо всех ее прелестях. Этот взгляд утешил госпожу де Реналь; он не уничтожил ее тревог, но эти тревоги почти заглушили ее раскаяние по отношению к мужу.

За завтраком этот муж не заметил ничего; не то было с госпожою Дервиль; ей показалось, что госпожа де Реналь готова сдаться. В продолжение всего дня ее непоколебимая дружба побуждала ее не скупиться на намеки, обрисовывавшие ее подруге в самых отталкивающих красках опасности, которым она подвергается.

Госпожа де Реналь сгорала от нетерпения очутиться наедине с Жюльеном; ей хотелось спросить его, любит ли он ее еще. Несмотря на неистощимую кротость своего характера, она несколько раз едва не дала понять своей подруге, как та ей докучает.

Вечером в саду госпожа Дервиль устроилась так, что поместилась между госпожою де Реналь и Жюльеном. Госпожа де Реналь, мечтавшая о восхитительном наслаждении – пожать руку Жюльена и поднести ее к губам, не могла ему сказать даже слова.

Эта помеха усилила ее волнение. Одна мысль терзала ее. Она так упрекала Жюльена за неосторожный приход прошлой ночью, что боялась, как бы он не отказался теперь от мысли прийти. Она ушла из сада рано и расположилась в своей комнате. Но, не сдержав своего нетерпения, она пошла послушать к двери Жюльена. Несмотря на неуверенность и на пожиравшую

ее страсть, она не осмелилась войти. Этот поступок казался ей последнею низостью, ибо дает пищу для провинциальных острот.

Слуги еще не улеглись. Осторожность заставила ее вернуться к себе. Два часа ожидания показали ей двумя веками терзаний.

Но Жюльен был слишком верен тому, что он называл долгом, чтобы не исполнить в точности всего им намеченного.

Когда пробил час, он тихонько выскользнул из своей комнаты и, убедившись, что хозяин дома крепко спит, явился к госпоже де Реналь. На этот раз он чувствовал себя счастливее у своей возлюбленной, ибо менее неотступно думал о своей роли. У него оказались глаза, чтобы видеть, и уши, чтобы слышать. То, что госпожа Реналь говорила ему о своем возрасте, придало ему некоторую уверенность.

– Увы! я десятью годами старше вас! как вы можете меня любить? – повторяла она ему без всякого умысла, только потому, что эта мысль ее терзала.

Жюльен не понимал ее горя, но видел, что оно искренне, и почти забыл свой страх показаться смешным.

Нелепая мысль, что на него будут смотреть свысока по причине его низкого происхождения, тоже исчезла. По мере того, как пылкость Жюльена ободряла его робкую возлюбленную, она становилась способной наслаждаться счастьем и судить о своем любовнике. К счастью, в этот день он почти не принимал того притворного вида, который накануне превратил их свидание в его победу, но не в упоение. Если бы она заметила его старание играть роль, это печальное открытие навсегда лишило бы ее всякой радости. Она бы увидела в этом только печальное следствие неравенства их лет.

Хотя госпожа де Реналь никогда не размышляла над теориями любви, но разница лет, после разницы состояний, служила постоянно общим местом для провинциальных острот, лишь только дело касалось любви.

Через несколько дней Жюльен, со свойственной его возрасту пламенностью, был безумно влюблен.

«Нужно сознаться, – говорил он себе, – что она добра, как ангел, а красивее быть невозможно».

Он почти позабыл о своем намерении играть роль. В минуту забвения он ей признался во всех своих тревогах. Это признание довело внутреннюю им страсть до апогея. «Значит, у меня не было соперницы», – говорила себе госпожа де Реналь в восхищении. Она решилась спросить его о портрете, столь интересовавшем ее, Жюльен поклялся ей, что это был портрет мужчины.

Когда у госпожи де Реналь оставалось достаточно хладнокровия, чтобы размышлять, она не могла прийти в себя от изумления, что существует подобное счастье и что никогда она о нем не подозревала.

«Ах! – думала она, – если бы я познакомилась с Жюльеном десять лет тому назад, когда я еще считалась хорошенькою».

Жюльен был очень далек от этих мыслей. Его любовь была все же тщеславна; его радовало, что он, злосчастный и презираемый бедняк, обладает такой красавицей. Его обожание, его восторги при виде ее прелестей наконец немного успокоили ее насчет разницы лет. Если бы она обладала хоть немного той опытностью, которая присуща всякой тридцатилетней женщине в более цивилизованной среде, она бы опасалась за продолжительность любви, казалось основанной только на неожиданности и восторженном самолюбии.

Когда Жюльен забывал о своем честолюбии, он восторгался даже шляпками, даже платьями госпожи де Реналь. Он не мог вдоволь насладиться их благоуханием. Он открывал ее зеркальный шкаф и целыми часами любовался красотой и порядком всего в нем находившегося. Его возлюбленная, прислонясь к нему, смотрела на него; а он рассматривал ее драгоценности, ее наряды, наполнявшие накануне ее свадьбы свадебную корзину.

«И я могла бы выйти за такого человека! – думала иногда госпожа де Реналь. – Что за пламенная душа! что за восхитительная жизнь была бы с ним!»

Что касается Жюльена, никогда он еще не находился так близко от этих грозных доспехов женского вооружения. «Невозможно, – думал он, – чтобы в Париже могло существовать что-либо прекраснее!» В такие минуты он не находил никаких возражений своему счастью. Часто искреннее восхищение и восторги его возлюбленной заставляли его забывать глупую теорию, сделавшую его таким неловким и почти смешным в первые моменты их сближения. Бывали минуты, когда, несмотря на свою привычку лицемерить, он находил необычайную усладу, признаваясь восхищавшейся им знатной даме в своем незнании множества житейских правил. Госпожа де Реналь в свою очередь находила необычайное наслаждение обучать множеству мелочей этого гениального юношу, на которого все смотрели как на человека, которому предстоит блестящее будущее. Даже супрефект и господин Вально не могли не восхищаться им; от этого они казались ей менее глупыми. Что касается госпожи Дервиль, она была очень далека от выказывания подобных чувств; то, чего она опасалась, видя, что ее благоразумные советы невыносимы женщине, буквально потерявшей голову, приводило ее в отчаяние, и она уехала из Вержи без всяких объяснений, которых, впрочем, у нее предусмотрительно не потребовали. Госпожа де Реналь пролила по этому поводу несколько слез, но вскоре ей показалось, что ее блаженство увеличилось. Благодаря этому отъезду, она проводила почти весь день наедине со своим возлюбленным.

Жюльен охотно разделял приятное общество своей подруги, ибо, как только он долго оставался наедине, роковое предложение Фуке снова начинало его смущать. В первые дни этой новой жизни случались минуты, когда он, до сих пор никем не любимый и никогда не любивший, находил такое наслаждение в искренности, что готов был сознаться госпоже де Реналь в честолюбии, бывшем до сих пор основой его существования. Ему бы хотелось посоветоваться с нею о странном искушении, которое возбудило в нем предложение Фуке; но одно маленькое событие помешало всяким откровениям.

Глава 17. Первый помощник мэра

*O, how this pring of love ressembleth
The uncertain glory of an April day;
Which now shows all the beauty of the sun;
And by and by a cloud takes ail away!*

Two gentlemen of Verona

*Весна любви напоминает нам
Апрельский день, изменчивый, неверный.
То весь он блещет солнечным теплом,
То вдруг нахмурится сердитой тучей.*

Шекспир. Два веронца, д. I, явл. 3.

Однажды вечером, на закате солнца, он сидел возле своей возлюбленной посреди фруктового сада в глубокой задумчивости. «Столь сладкие мгновения, – думал он, – будут ли они длиться вечно?» Душа его была погружена в трудность выбора жизненного пути; он скорбел об этом несчастье, которым заканчивается детство и омрачаются первые годы необеспеченной молодости.

– Ах! – воскликнул он, – Наполеона сам Бог послал молодым французам! Кто заменит его? Что станет без него с несчастными, даже более богатыми, чем я, у которых ровно столько средств, чтобы получить образование, но недостаточно, чтобы в двадцать лет подкупить нужного человека и пробить себе дорогу! Что бы ни было, – прибавил он, глубоко вздохнув, – это роковое воспоминание навсегда помешает нам быть счастливыми!

Вдруг он заметил, что госпожа де Реналь нахмурила брови и приняла холодный и презрительный вид; подобный образ мыслей казался ей приличествующим лакею. Ей, воспитанной в сознании своего крупного богатства, казалось, будто Жюльен тоже богат. Она любила его в тысячу раз больше жизни, не придавая никакого значения деньгам.

Жюльен не подозревал ее мыслей. Нахмуренные брови вернули его на землю. У него хватило находчивости перетолковать свою фразу и дать понять знатной даме, сидящей так близко от него на дерновой скамье, что сказанные слова он услышал во время своего путешествия к приятелю лесоторговцу. Это, конечно, рассуждения нечестивцев.

– Ну! и не водитесь больше с этими людьми, – сказала госпожа де Реналь, все еще сохраняя свой холодный вид, внезапно сменивший выражение самой пылкой нежности.

Эти нахмуренные брови или, вернее, раскаяние в своей неосторожности нанесли первый удар иллюзиям Жюльена. Он сказал себе: «Она добра и кротка, ее привязанность ко мне велика, но она воспитана в неприятельском лагере. Они особенно боятся того класса людей, которые, получив хорошее воспитание, не обладают достаточными средствами для начала карьеры. Что случилось бы с этими дворянами, если бы нам привелось сражаться равным оружием! Например, я, будь я мэром Верьера, с добрыми намерениями, честным, каков в сущности господин де Реналь, как бы я разоблачил викария, господина Вально и все их плутни! Как восторжествовала бы справедливость в Верьере! Все их таланты не помешали бы мне в этом... Они словно наощупь ходят».

В этот день счастье Жюльена было на пути к упрочению... Нашему герою не хватало смелости быть искренним. Надо было иметь мужество начать сражение, но *немедленно*; госпожа де Реналь была удивлена словами Жюльена, ибо люди ее общества постоянно твердили, что возвращение Робеспьера было возможно именно благодаря молодым людям низшего сословия, получившим хорошее воспитание. Холодность госпожи де Реналь длилась довольно долго и показала Жюльену знаменательной. Дело же объяснялось тем, что за отвращением к дурным

словам, сказанным им, последовала боязнь – не сказала ли она косвенно ему чего-либо неприятного. Это огорчение живо отразилось в чертах ее столь наивного и чистого лица, сохранявшего это выражение, когда она радовалась, удаляясь от докучных лиц...

Жюльен не осмеливался больше мечтать вслух. Успокоенный и уже менее влюбленный, он нашел, что с его стороны неосторожно навещать госпожу де Реналь в ее комнате. Лучше было бы, если бы она приходила к нему; если кто-нибудь из слуг увидит ее расхаживающей по дому, двадцать различных причин послужат объяснением этого обхода.

Но это положение дел имело также свои неудобства. Жюльен получал от Фуке книги, которых он, воспитанный на теологии, никогда бы не смог получить из библиотеки. Он решался читать их только ночью. Часто ему очень хотелось, чтобы это не прерывалось посещениями, ожидание которых, еще накануне сцены в фруктовом саду, не позволяло ему прочесть ни строки.

Госпоже де Реналь он был обязан тем, что начал понимать книги совершенно по-новому. Он осмеливался задавать ей вопросы о множестве различных вещей, незнание которых препятствует развитию молодого человека, родившегося вне общества, какой бы великий ум в нем не предполагали.

Для него было счастьем это любовное воспитание, исходившее от абсолютно невежественной женщины. Жюльен увидал общество непосредственно таким, каково оно в настоящее время. Ум его не был засорен рассказами о том, каким оно было прежде, две тысячи лет тому назад или всего шестьдесят лет тому назад, во времена Вольтера и Людовика XV. К его неопишуемой радости, с глаз его упала пелена; он понял наконец ход вещей в Верьере.

На первый план выдвинулись чрезвычайно сложные интриги, завязавшиеся два года тому назад вокруг безансонского префекта. Они опирались на письма из Парижа, написанные весьма знаменитыми людьми. Дело шло о том, чтобы сделать господина де Муаро, самого набожного человека в округе, первым, а не вторым помощником верьерского мэра.

Конкурентом его являлся очень богатый фабрикант, которого необходимо было оттеснить на место второго помощника.

Жюльен понял наконец намеки, которые долетали до него, когда высшее местное общество собиралось на обед к господину де Реналю. Это привилегированное общество было чрезвычайно занято выбором первого помощника, о возможности появления которого даже не подозревали остальные горожане, и в особенности либералы. Значительность вопроса состояла в том, что, как всем было известно, восточная часть главной верьерской улицы должна будет расширяться более чем на девять футов, ибо эта улица делается королевским путем.

Если же господин де Муаро, владевший тремя домами, принадлежащими сноску в черте расширения, делается первым помощником, а затем и мэром, в случае, если господин де Реналь будет выбран в депутаты, он будет, когда надо закрывать глаза и, возможно, будет незаметно подправлять дома, выходящие на общественную дорогу, и таким образом они еще простоят лет сто. Несмотря на высокую набожность и признанную честность господина де Муаро, все были уверены в его *сговорчивости*, ибо он был обременен детьми. Среди домов, подлежащих сноске, девять принадлежали важным лицам в Верьере.

На взгляд Жюльена, эта интрига была гораздо важнее истории битвы при Фонтенуа, название которой он впервые встретил в одной из книг, посланных ему Фуке. Многие вещи изумляли Жюльена в течение пяти лет, когда он ходил по вечерам к священнику. Но так как скромность и смиренность ума считались первыми свойствами ученика богословия, невозможно было задавать вопросы.

Однажды госпожа де Реналь давала приказание лакею своего мужа, врагу Жюльена.

– Но, сударыня, ведь сегодня последняя пятница месяца, – отвечал тот многозначительно.

– Ступайте, – сказала госпожа де Реналь.

– Итак, – сказал Жюльен, – он отправился в это странное учреждение, когда-то бывшее церковью и недавно возвращенное духовенству; но для чего? Вот одна из тайн, которую я не могу разгадать.

– Это очень полезное, но очень странное учреждение, – сказала госпожа де Реналь. – Женщин туда не пускают, все, что я об этом знаю, это то, что все там говорят друг другу «ты». Например, лакей встретится там с господином Вально, и этот человек, столь надменный и глупый, нисколько не рассердится, когда Жан будет говорить ему «ты», и сам будет ему отвечать так же. Если вам интересно узнать, что там делается, я спрошу подробно господина де Можирона и господина Вально.

Время летело. Воспоминание о прелестях возлюбленной отвлекало Жюльена от его мрачного честолюбия. Необходимость воздерживаться от глубокомысленных разговоров, раз они принадлежали к противным партиям, усиливала его блаженство и ее власть над ним.

В минуты, когда присутствие слишком развитых детей заставляло их говорить лишь на языке холодного разума, Жюльен чрезвычайно внимательно слушал ее житейские рассказы, глядя на нее глазами, горящими любовью. Часто, рассказывая о каком-нибудь искусном мошенничестве по случаю прокладки дороги или поставки, госпожа де Реналь удалялась от своего сюжета, предаваясь мечтам; Жюльену приходилось сдерживать ее, она позволяла себе в обращении с ним ту же непринужденность, что и с детьми, ибо случались дни, когда ей казалось, что она любит его, как своего сына. Да разве ей не приходилось беспрестанно отвечать на его наивные вопросы о тысяче простейших вещей, известных каждому ребенку из порядочной семьи в пятнадцать лет? Минуту спустя она уже восхищалась им как своим повелителем. Его ум иногда даже пугал ее; с каждым днем ей казалось, что она все яснее видит будущего великого человека в этом юном аббате. Она воображала его Папой, первым министром, подобно Ришелье. «Доживу ли я до того, чтобы увидеть тебя во всей твоей славе? – говорила она Жюльену. – Все дороги открыты великому человеку; монархия, религия нуждаются в нем».

Глава 18. Король в Верьере

*N'êtes-vous bons qu'à jeter la comme un cadavre
de peuple, sans âme, et dont les veines n'ont plus de sang.
Disc. de l'Evêque, à la chapelle de Saint-Clément*

*Или вы годны на то лишь,
чтобы выкинуть вас словно падаль, – народ,
души лишенный, у кого кровь в жилах остановилась.
Проповедь епископа в часовне св. Климента*

3 сентября, в десять часов вечера, жандарм, промчавшийся галопом по Большой улице Верьера, разбудил все население; он привез известие, что его величество король *** прибудет в следующее воскресенье, – это же было во вторник. Префект разрешил, говоря иначе, потребовал образования почетной гвардии; следовало устроить все как можно торжественнее. В Вержи была послана эстафета. Господин де Реналь прибыл ночью и нашел весь город в смятении. Каждый имел свои претензии; наименее занятые занимали балконы, чтобы посмотреть въезд короля.

Кто возьмет на себя командование почетной охраной? Господин де Реналь тотчас сообразил, как важно в интересах домов, подлежащих сносу, чтобы это командование получил господин де Муаро. Это давало бы ему право на место первого помощника. Против набожности господина де Муаро нечего было возразить: она превышала всякие сравнения, но он никогда не сидел на лошади. Это был человек лет тридцати шести, чрезвычайно застенчивый, одинаково боявшийся и упасть, и показаться смешным.

Мэр призвал его к себе в пять часов утра.

– Вы видите, сударь, что я прибегаю к вашему совету, словно вы уже занимаете пост, к которому предназначают вас все честные люди. В этом несчастном городе процветает промышленность, либералы становятся миллионерами, стремятся к власти и умеют все обращать в свою пользу. Позаботимся об интересах короля, об интересах монархии и прежде всего об интересах святой нашей религии. Кому, полагаете вы, сударь, возможно поручить командование почетной охраной?

Несмотря на ужасную боязнь лошадей, господин де Муаро наконец с видом жертвы согласился принять эту почесть. «Я сумею прилично держаться», – сказал он мэру. Едва хватило времени привести в порядок мундиры, служившие семь лет тому назад при проезде какого-то принца крови.

В семь часов госпожа де Реналь прибыла из Вержи с Жюльеном и с детьми. Свою гостиную она нашла переполненной дамами-либералками, предлагавшими объединение партий и явившимися умолять ее склонить своего мужа предоставить место их мужьям в почетной охране. Одна из них уверяла, что, если ее мужа не выберут, он от огорчения обанкротится. Госпожа де Реналь быстро выпроводила весь этот народ. Она казалась страшно озабоченной.

Жюльен был удивлен и еще более раздосадован тем, что она делала тайну из причины своего волнения. «Я это предвидел, – говорил он себе с горечью, – ее любовь померкла перед счастьем принимать короля в своем доме. Вся эта суэта ослепляет. Она снова меня полюбит, когда кастовые идеи перестанут ее волновать».

Как это ни странно, его любовь к ней лишь возросла.

Дом стал наполняться обойщиками; долго и тщетно искал Жюльен случая сказать ей два слова. Наконец он встретил ее, когда она выходила из его комнаты и несла его одежду. Они были одни. Он хотел с ней заговорить. Она скрылась, отказавшись его выслушать. «Какой я болван, что люблю подобную женщину, – честолюбие так же сводит ее с ума, как и ее мужа».

Она зашла еще дальше: одно из ее самых сильных желаний, в котором она не осмелилась признаться Жюльену из боязни его шокировать, заключалось в том, чтобы заставить его хотя бы на один день сбросить мрачное черное одеяние. С хитростью, изумительной в столь простодушной женщине, она добилась сначала от господина де Муаро, а затем от господина супрефекта де Можирона, чтобы Жюльена назначили в почетную охрану, хотя на это место претендовали еще пять-шесть молодых людей, все сыновья состоятельных фабрикантов, и по меньшей мере двое из них отличались образцовой набожностью. Господин Вально, рассчитывавший предоставить свою коляску самым красивым дамам города и тем выставить напоказ своих прекрасных нормандок, согласился одолжить одну из своих лошадей Жюльену – самому ненавистному для него существу. Но у всех охранников были свои собственные или взятые на прокат красивые небесно-голубые мундиры с двумя серебряными эполетами, блиставшие семь лет тому назад. Госпожа де Реналь хотела достать новый мундир, а оставалось всего четыре дня, чтобы послать в Безансон и привезти оттуда мундир, шляпу, шпагу – словом, все, что необходимо почетному гвардейцу. Забавнее всего было то, что она считала неосторожным заказать мундир для Жюльена в Верьере. Она хотела поразить его – и его, и весь город.

Когда почетная охрана была сформирована и общественное мнение подготовлено, мэр занялся организацией большой религиозной процессии: король *** непременно желал поклониться в Верьере знаменитым мощам святого Климента, покоившимся в Бре-ле-О, на расстоянии менее одного лье от города. Желательно было собрать многочисленное духовенство, но это казалось всего труднее устроить: господин Малон непременно пожелал устранить присутствие господина Шелана. Тщетно господин де Реналь представлял ему всю неосторожность такого образа действий. Господин маркиз де Ла Моль, предки которого так долго управляли этой провинцией, был назначен в свиту короля ***. Он знал аббата Шелана в течение тридцати лет. Разумеется, он пожелает иметь о нем известия, прибыв в Верьер; и, если найдет его в немилости, он способен отправиться разыскивать его в сопровождении целой свиты в маленький домик, куда тот удалился. Вот это будет всем пощечина.

– Я буду опозорен здесь и в Безансоне, – отвечал аббат Малон, – если он появится среди моего духовенства. Ведь это янсенист, великий Боже!

– Что бы вы там ни говорили, дорогой аббат, – возразил господин де Реналь, – я не могу подвергнуть администрацию Верьера оскорблениям господина де ла Моля. Вы его не знаете – при дворе он себе на уме; но здесь, в провинции, – это злой насмешник, только и думающий, как бы всех поставить в неловкое положение. Он способен исключительно ради забавы выставить нас на осмеяние либералов.

Только в ночь с субботы на воскресенье, после трехдневных переговоров, гордость аббата Малона склонилась перед трусостью мэра, превратившейся в отвагу. Пришлось написать льстивое письмо аббату Шелану, прося его присутствовать на церемонии у мощей в Бре-ле-О, если ему позволят это его преклонный возраст и недуги... Господин Шелан попросил и получил пригласительный билет для Жюльена, который должен был его сопровождать в качестве служки.

С утра воскресенья тысячи крестьян, прибывших с окрестных гор, наводнили улицы Верьера. Был дивный солнечный день. Наконец около трех часов дня в толпе началось движение; на утесе в двух лье от Верьера показался огонь... Это был сигнал, возвещавший, что король вступил на территорию департамента. Тотчас колокольный звон и выстрелы старой испанской пушки, принадлежавшей городу, выразили ликование по поводу этого великого события. Половина населения взобралась на крыши. Все женщины высыпали на балконы. Почетная охрана двинулась. Восхищались блестящими мундирами, каждый узнавал родственника, приятеля. Смеялись над трусостью господина де Муаро, который ежеминутно готов был схватиться из предосторожности за луку седла. Но чье-то замечание заставило позабыть все: первый всадник девятого ряда был красивый стройный юноша, которого сначала никто не

узнал. Но вскоре крики возмущения одних, удивленное молчание других выразили общее настроение. В молодом человеке, гарцующем на одной из нормандок господина Вально, узнали молодого Сореля, сына плотника. Поднялся единодушный протест против мэра, в особенности среди либералов. Как! только потому, что этот работник, нарядившийся аббатом, стал наставником его детей, он осмелился назначить его в почетную стражу, предпочтя таким-то и таким-то богатым фабрикантам?

– Эти господа, – говорила одна банкирша, – должны были бы проучить этого нахала, выросшего в грязи...

– Он – тихоня и взялся за саблю, – ответил сосед, – он способен пырнуть их в физиономию.

Замечания высшего общества были более ядовиты. Дамы спрашивали себя: один ли мэр был повинен в этом высоко неприличном поступке? В общем его оправдали, зная о его презрении к людям низкого происхождения.

Сделавшись предметом стольких обсуждений, Жюльен чувствовал себя счастливейшим из людей. От природы смелый, он сидел на лошади лучше большинства молодых людей этой горной местности. По глазам женщин он видел, что речь шла о нем.

Его новые эполеты сверкали ярче всех. Его лошадь поминутно становилась на дыбы; он был на седьмом небе от радости.

Его счастью не было пределов, когда, во время проезда мимо старых укреплений, выстрел маленькой пушки заставил его лошадь выскочить из ряда. Благодаря случайности он не упал; начиная с этого момента он почувствовал себя героем. Он воображал себя адъютантом Наполеона, атакующим батарею.

Одна особа была еще счастливее его. Сначала она из окон мэрии видела, как он проезжает; затем, быстро вскочив в коляску и сделав большой крюк, она прибыла вовремя, чтобы затрепетать, когда лошадь вынесла его из строя. Наконец, ее коляска выехала крупным галопом через другие городские ворота на дорогу, по которой должен был проехать король, и последовала за почетной охраной в двадцати шагах в облаках благородной пыли. Десять тысяч крестьян кричали: «Да здравствует король!» – когда мэр удостоился чести приветствовать его величество. Час спустя, когда король, прослушав все речи, въезжал в город, маленькая пушка снова начала стрелять почти беспрестанно. Здесь произошло несчастье, но не с канонирами, показавшими себя при Лейпциге и Монмирайе, а с будущим первым помощником мэра, господином де Муаро. Его лошадь бережно опустила его в единственную лужу на большой дороге, и это произвело переполох, ибо пришлось его вытаскивать, чтобы королевская карета могла проехать.

Его величество сошел у прекрасной новой церкви, которая ради этого дня была разукрашена пунцовыми драпировками. Король должен был обедать, а после – тотчас ехать поклониться знаменитым мощам святого Климента. Едва король вошел в церковь, как Жюльен понесся галопом к дому господина де Реналя. Там он со вздохом снял свой прекрасный лазоревый мундир, саблю, эполеты и надел свою поношенную черную одежду. Он снова вскочил на лошадь и через несколько минут очутился в Бре-ле-О, занимающем вершину прекрасного холма. «Энтузиазм увеличил число этих крестьян, – подумал Жюльен. – В Верьере толпы, нельзя пошевелиться, и здесь собралось тысяч десять у старинного аббатства». Наполовину разрушенное вандалами-революционерами, это аббатство было великолепно восстановлено при Реставрации, и уже поговаривали о чудесах... Жюльен присоединился к аббату Шелану, крепко выбравшему его и снабдившему сутаной и стихарем. Он поспешно оделся и последовал за господином Шеланом, направившимся к молодому епископу Агды. Это был племянник господина де Ла Моля, недавно назначенный; на него был возложен показ реликвий королю. Но епископа трудно было разыскать.

Духовенство изнывало от нетерпения. Оно ожидало своего главу в мрачном готическом монастыре старинного аббатства. Собралось двадцать четыре священника, чтобы представить старинный капитул Бре-ле-О, состоявший до 1789 года из двадцати четырех каноников. Посетовав целые три четверти часа на молодость епископа, священники решили, что следовало бы их главе отправиться к монсиньору уведомить его, что король скоро прибудет и что пора отправляться в церковь. Преклонный возраст господина Шелана заставил выбрать его главой; несмотря на то, что он злился на Жюльена, он знаком велел ему следовать за собою. Жюльен отлично носил свой стихарь. При посредстве не знаю каких еkkлезиастических ухищрений туалета, он превратил свою пышную шевелюру в гладкую; но по оплошности, увеличившей гнев господина Шелана, из-под длинных складок его сутаны виднелись шпоры почетного гвардейца.

Когда они явились в комнаты епископа, высокомерные лакеи в золотых галунах едва удостоили ответить старому священнику, что монсиньора нельзя видеть. И стали смеяться над ним, когда он попытался им объяснить, что в качестве старейшины благородного капитула Бре-ле-О он пользовался правом быть принятым во всякое время епископом.

Надменность Жюльена была задета наглостью лакеев. Он принялся бегать по дортуарам старинного аббатства, пытаясь проникнуть во все попадавшиеся двери. Одна маленькая дверь уступила его натиску, и он очутился в келье, окруженный лакеями монсиньора в черных фраках и с цепями на шее. По его озабоченному виду, они приняли его за вызванного епископом и пропустили. Сделав несколько шагов, он очутился в огромной готической зале, крайне мрачной, обшитой черным дубом; за исключением лишь одного, все стрельчатые окна были заложены кирпичами. Ничем не прикрытые, эти окна составляли печальный контраст со старинным великолепием деревянных панелей. Две стены этой залы, известные бургундским антиквариям и построенные Карлом Смелым около 1470 года в искупление какого-то греха, были уставлены деревянными резными скамьями. Они были украшены богатою резьбою из дерева различных цветов, изображавшей тайны Апокалипсиса.

Это грустное великолепие, обезображенное видом голых кирпичей и белой извести, поразило Жюльена. Он молча остановился. На другом конце залы возле единственного окна, сквозь которое проникал свет, он увидел висячее зеркало в раме из красного дерева. Молодой человек в фиолетовой рясе и кружевном стихаре, с непокрытою головою, стоял в трех шагах от зеркала. Последнее казалось таким странным здесь и, без сомнения, было привезено из города. Жюльен нашел, что у молодого человека был сердитый вид; правой рукой он важно посылал благословения по направлению к зеркалу.

«Что это может означать? – подумал он. – Должно быть, этот молодой священник готовится к церемонии? Быть может, это секретарь епископа... Вероятно, он так же дерзок, как и лакеи... Ну все равно! попытаемся».

Он приблизился и медленно прошел вдоль залы, не сводя глаз с единственного окна, следя за молодым человеком, продолжавшим медленно воссылать бесконечные благословения, не останавливаясь ни на минуту.

Приближаясь к нему, Жюльен убедился, что он весьма разгневан. Пышность кружевного стихаря невольно остановила Жюльена в нескольких шагах от великолепного зеркала.

«Я обязан заговорить», – подумал он наконец; но красота залы поразила его, и он заранее был смущен жесткими словами, которые ему скажут.

Молодой человек увидел его в зеркале, обернулся и, вдруг изменив сердитый вид, спросил его кротким голосом:

– Ну, сударь, наконец готово?

Жюльен остановился в изумлении. Молодой человек повернулся к нему, и он увидел на груди его крест: это был епископ Агды. «Такой молодой, – подумал Жюльен, – самое большее на шесть или восемь лет старше меня».

Ему стало стыдно за свои шпоры.

– Монсиньор, – ответил он робко, – меня прислал глава капитула господин Шелан.

– А! мне очень рекомендовали его, – сказал епископ любезным тоном, удвоившим восхищение Жюльена. – Извините меня, сударь, я принял вас за лицо, которое должно мне принести митру. Ее плохо уложили в Париже; парча сильно попортилась сверху. Это произведет дурное впечатление, – прибавил молодой епископ печально, – да еще заставляют меня ждать!

– Монсиньор, я схожу за митрой, если ваше преосвященство разрешит.

Прекрасные глаза Жюльена произвели эффект.

– Сходите, сударь, – ответил епископ с очаровательной учтивостью, – мне она нужна тотчас. Я в отчаянии, что заставлю ожидать господ членов капитула.

Когда Жюльен был уже на середине залы, он обернулся и увидел, что епископ снова раздает благословения. «Что бы это такое могло значить? – спросил себя Жюльен. – Без сомнения, это приготовления для предстоящей церемонии». Войдя в келью, где находились лакеи, он увидел у них в руках митру. Эти господа невольно подчинились его повелительному взгляду и передали ему митру епископа.

Он нес ее с гордостью; проходя через залу, шел медленно, почтительно держал ее в руках. Епископ сидел перед зеркалом; время от времени его правая рука, хотя и утомленная, все еще посылала благословения. Жюльен помог ему надеть митру. Епископ потряс головою.

– Ну! она кажется, будет держаться, – сказал он Жюльену с довольным видом. – Могу я попросить вас немного отойти?

Епископ быстро вышел на середину залы, затем, медленно приближаясь к зеркалу, снова принял сердитый вид и стал важно раздавать благословения.

Жюльен оцепенел от изумления; он пытался понять, но не осмеливался... Епископ остановился и, глядя на него, мгновенно утратил всю свою важность:

– Что вы скажете, сударь, о моей митре, хорошо ли она держится?

– Отлично, монсиньор.

– Она не слишком съезжает назад? Это придало бы мне вид глупый, но также не следует ее надвигать на глаза, точно офицерский кивер.

– Мне кажется, что она сидит отлично.

– Король *** привык видеть духовенство почтенное и, разумеется, весьма серьезное. Мне бы не хотелось, особенно из-за моего возраста, иметь легкомысленный вид.

Епископ снова принялся расхаживать и рассылать благословения.

Через несколько минут епископ заявил:

– Я готов. Ступайте, сударь, предупредите господина главу капитула и его членов.

Вскоре господин Шелан, в сопровождении двух старейших священников, вошел через большую, украшенную великолепной резьбой дверь, которую Жюльен не заметил. Но на этот раз он очутился по своему положению позади всех и мог наблюдать епископа только из-за плеч священников, толпившихся у двери.

Епископ медленно шел по зале; когда он достиг порога, священники образовали процессию. После минутного замешательства процессия двинулась с пением псалма. Епископ шел последним, между господином Шеланом и другим очень старым священником. Жюльен проскользнул совсем близко к епископу в качестве сопровождающего аббата Шелана. Проходили по длинным коридорам аббатства; несмотря на яркое солнце, в коридорах было мрачно и сыро. Наконец дошли до портика монастыря. Жюльен был поражен великолепием этой прекрасной церемонии. Честолюбие, возбужденное в нем молодостью епископа, любезность и восхитительная учтивость этого прелата волновали его душу. Эта учтивость была совсем иного рода, чем учтивость господина де Реналья, даже в его лучшие дни. «Чем ближе приближаешься к высшему слою общества, – думал Жюльен, – тем чаще встречаешь это очаровательное обращение».

В церковь вошли через боковую дверь; внезапно страшный шум сотряс ее древние своды; Жюльен подумал, что они рушатся. Это снова пала маленькая пушка; ее доставили на восьмерке лошадей галопом, и лейпцигские канониры тотчас ее зарядили, и она пала пять раз в минуту, словно сами пруссаки стояли перед ней.

Но этот изумительный шум уже больше не удивлял Жюльена, он уже не думал ни о Наполеоне, ни о военной славе. «Такой молодой, – думал он – и уже епископ Агдский! но где же Агда? а какой у него доход? Двести или триста тысяч франков, пожалуй?»

Лакеи монсиньора внесли великолепный балдахин; господин Шелан взял одну из подпорок, но, в сущности, нес ее Жюльен. Епископ встал под балдахин. Ему удалось в самом деле выглядеть старым; восхищению нашего героя не было пределов. «Чего только не достигнешь ловкостью?» – подумал он.

Появился король. Жюльену повезло увидеть его очень близко. Епископ приветствовал его, не забыв придать своему голосу волнение, лестное его величеству. Не станем повторять описаний всех церемоний в Бре-ле-О; в течение двух недель ими были наполнены столбцы всех местных газет. Из речи епископа Жюльен узнал, что король происходил из рода Карла Смелого.

Впоследствии Жюльену пришлось проверить счета – во что обошлась эта церемония. Господин де Ла Моль, получивший епископство для своего племянника, возымел любезность принять на свой счет все расходы. Одна только церемония в аббатстве обошлась в три тысячи восемьсот франков.

После речи епископа и ответа короля его величество встал под балдахин; затем он очень набожно преклонил колени на подушке пред алтарем. Хор был окружен стульями, а стулья возвышались на две ступеньки над полом. На последней из этих ступенек сидел Жюльен у ног господина Шелана, словно шлейфносец возле своего кардинала в Сикстинской капелле в Риме. Затем служили молебен в облаках ладана, под бесконечные залпы артиллерии и мушкетеров; крестьяне опьянели от радости и почтения. Подобный день сводит на нет труд сотен выпусков якобинских газет.

Жюльен стоял в шести шагах от короля, молившегося поистине с усердием. В первый раз он заметил маленького господина с умным взглядом, одетого во фрак почти без всяких нашивок. Но поверх этого скромного фрака была надета небесно-голубая лента. Он стоял ближе к королю, чем многие другие сановники, одежды которых были до того расшиты золотом, что, по выражению Жюльена, совсем не было видно сукна. Спустя несколько минут он узнал, что это был господин де Ла Моль. Он показался ему высокомерным и заносчивым.

Этот маркиз, должно быть, не так вежлив, как мой прекрасный епископ, подумал он. Ах! духовное звание делает кротким и мудрым. Но король приехал поклониться реликвии, а я ее не вижу.

Маленький причетник, стоявший рядом с ним, сообщил ему, что мощи находятся в верхнем этаже, в пылающей капелле.

«Что это за пылающая капелла?» – подумал Жюльен. Но он не хотел спрашивать объяснения. Он удвоил внимание.

При посещении коронованной особы этикет требует, чтобы каноники не сопровождали епископа. Но, направляясь в часовню, епископ подозвал аббата Шелана. Жюльен решил за ним последовать.

Длинная лестница вела к маленькой двери, готический наличник которой был весь великолепно раззолочен. Казалось, что это сделано только накануне.

Перед дверью стояли на коленях двадцать четыре молодые девушки, принадлежащие к самым знатным семьям Верьера. Прежде чем отворить дверь, епископ опустил на колени среди этих юных прекрасных девиц. В то время как он громко читал молитву, они, казалось, не могли налюбоваться его прекрасными кружевами, его грацией, его лицом, таким молодым и

кротким. Это зрелище заставило нашего героя утратить остаток разума. В эту минуту он пошел бы драться за инквизицию и сделал бы это совершенно искренно. Внезапно дверь растворилась. Маленькая часовня была вся залита светом. На алтаре виднелось более тысячи свечей, они были установлены в восемь рядов, разделенных букетами цветов. Сладкий запах чистейшего ладана несся клубами из дверей святилища. Часовня, вызолоченная заново, была мала, но очень высока. Жюльен заметил на алтаре свечи, возвышавшиеся на пятнадцать футов высоты. Молодые девушки не могли удержаться от восторженного восклицания. В маленький вестибюль часовни пропустили только девушек, двух священников и Жюльена.

Вскоре прибыл король в сопровождении только господина де Ла Моля и главного камергера. Даже охранники оставались снаружи, коленопреклоненные, с оружием в руках.

Его величество скорее бросился, чем опустился на налой. Только тогда Жюльен, притиснутый к золоченой двери, увидел из-за обнаженной руки одной из девушек в костюме молодого римского воина очаровательную статую святого Климента. Статуя была помещена под алтарем, на шее у него была большая рана, откуда, казалось, сочилась кровь. Художник превзошел самого себя. Глаза умирающего, полные кротости, были полузакрыты. Едва пробивающиеся усы обрамляли прелестный рот, полузакрытые губы которого, казалось, шептали молитву. При виде этого девушка, стоявшая рядом с Жюльеном, разразилась слезами; одна из ее слезинок упала на руку Жюльена.

После минутной молитвы в глубоком безмолвии, прерываемом лишь отдаленным звоном колоколов всех окружающих деревень, епископ Агды попросил у короля разрешения говорить. Он закончил свою маленькую, но трогательную речь простыми словами, которые тем не менее произвели наилучшее впечатление.

– Не забывайте никогда, юные христианки, что вы видели одного из величайших земных королей на коленях перед служителями всемогущего и грозного Бога. Эти слуги Господни слабы, гонимы, приемлют смерть здесь, на земле, как вы видите, кровоточащей по сей день ране святого Климента, но торжествуют на небе. Не правда ли, юные христианки, вы никогда не забудете этого дня, вы будете ненавидеть нечестие? Всегда останетесь верными Господу столь великому, столь грозному, но и столь милостивому?

С этими словами епископ величественно поднялся.

– Обещаете вы мне это? – сказал он, подымая руку вдохновенным жестом.

– Обещаем, – отвечали молодые девушки, заливаясь слезами.

– Принимаю ваш обет во имя грозного Бога! – закончил епископ громовым голосом.

Церемония окончилась.

Сам король плакал. Только спустя много времени Жюльен настолько оправился от волнения, чтобы спросить, где находились кости святого, присланные из Рима Филиппу Доброму, герцогу Бургундскому. Ему сказали, что они были спрятаны в восхитительной восковой статуе.

Его Величество соизволил разрешить девушкам, сопровождавшим его в часовню, носить красную ленту с вышитыми словами: «Ненависть к нечестию, вечное обожание».

Господин де Ла Моль велел раздать крестьянам десять тысяч бутылок вина. Вечером в Верьере либералы сумели устроить иллюминацию во сто раз лучше, чем роялисты. До отъезда король сделал визит господину де Муаро.

Глава 19. Думы вызывают страдания

*Le grotesque des événements de tous les jours
vous cache le vrai malheur des passions.*

Barnave

*Необыденное в рутине повседневных событий
заслоняет подлинное несчастье страстей.*

Барнав

Приводя в порядок комнату, которую занимал господин де Ла Моль, Жюльен нашел лист толстой бумаги, сложенной вчетверо. Внизу первой страницы он прочитал:

«Его Превосходительству, маркизу де Ла Молю, пэру Франции, кавалеру королевских орденов и т. д. и т. д.»

Это было прошение, написанное грубым почерком кухарки:

«Господин маркиз!

Всю мою жизнь я был религиозен. Был в Лионе под обстрелом во время осады в проклятом 93 году. Я причащаюсь, каждое воскресенье бываю у обедни в приходской церкви. Никогда не пропускал Пасхальной службы, даже в гнусном 93 году. Кухарка, – до революции у меня были слуги, – кухарка моя блюдет посты по пятницам. Я пользуюсь в Верьере общим уважением, смею думать заслуженным. В процессиях я иду под балдахин, рядом с господином кюре и господином мэром. В исключительных случаях я несу большую свечу, купленную на собственный счет. Все отзывы обо мне находятся в Париже в министерстве финансов. Я прошу у господина маркиза лотерейную контору в Верьере, которая вскоре останется так или иначе без начальника, ибо он очень болен, к тому же подает голос на выборах не как следует и пр.

Де Шолэн».

На полях этого прошения была приписка де Муаро, начинавшаяся следующими словами:

«Я имел честь говорить *вчера* о верноподданном, обращающемся с этой просьбой и так далее».

«Итак, даже болван де Шолэн указывает мне путь, которым надо следовать», – сказал себе Жюльен.

Неделю спустя после посещения королем Верьера распространились бесчисленные сплетни, глупейшие рассказы, комичные споры и т. п., предметом которых являлись по очереди король, епископ Агды, маркиз де Ла Моль, десять тысяч бутылок вина, бедняга Муаро, упавший с лошади и не выходявший из дому после этого целый месяц в ожидании ордена, все еще говорили о чрезвычайном неприличии неожиданного назначения в почетную охрану Жюльена Сореля, сына плотника. На этот счет надо было послушать рассуждения богатых мануфактурщиков, которые с утра до вечера надрывались в кафе, проповедуя равенство. Эта надменная дама, госпожа де Реналь, придумала такую гнусность. Причина? Прекрасные глаза и румяные щеки юного аббата Сореля.

Вскоре после возвращения в Вержи Станислав-Ксавье, младший из детей, заболел; внезапно госпожа де Реналь предалась страшному раскаянию. В первый раз она стала упрекать себя за свою любовь с некоторою последовательностью; она словно чудом прозрела, поняла, в какое громадное заблуждение позволила себя вовлечь; несмотря на свою искреннюю религиозность, до сих пор она не думала о громадности своего преступления перед Богом.

Когда-то в монастыре она страстно любила Бога; теперь она так же страстно боялась его. Сомнения, раздиравшие ее душу, были тем ужаснее, что в страхе ее отсутствовала всякая рассудительность. Жюльен заметил, что малейшее рассуждение раздражало ее, нисколько не успокаивая; она видела в этом внушение сатаны, но так как Жюльен сам очень любил маленького Станислава, то она выслушивала его, раз дело шло о болезни; а она приняла вскоре опасный оборот. Тогда постоянные угрызения совести лишили госпожу де Реналь сна; она впала в какое-то мрачное оцепенение; и если бы заговорила, то только для того, чтобы признаться Богу и людям в своем преступлении.

– Заклинаю вас, – говорил ей Жюльен, лишь только они оставались одни, – не говорите ни с кем; пусть я буду единственным посвященным в ваши страдания. Если вы меня любите, не говорите ничего; ваши слова не вылечат нашего Станислава.

Но его уговоры не оказывали никакого действия; он не знал, что госпожа де Реналь вбила себе в голову, что, для того чтобы умиловать ревнивого Господа, надо возненавидеть Жюльена или принять смерть сына. И она чувствовала себя такой несчастной, сознавая, что не в состоянии возненавидеть своего возлюбленного.

– Бегите от меня, – сказала она однажды Жюльену, – ради Бога, оставьте этот дом: ваше присутствие здесь убивает моего сына. Господь карает меня, – прибавила она тихо. – Он справедлив; я преклоняюсь перед его правосудием; преступление мое ужасно, и я жила не раскаиваясь! Это был первый признак того, что я забыла о Господе – я должна быть наказана вдвойне.

Жюльен был глубоко растроган. Он не мог видеть в этом ни лицемерия, ни преувеличения. «Она считает, что, любя меня, теряет сына, и в то же время несчастная любит меня больше, чем сына. Без сомнения, ее убивает раскаяние; какое величие чувств. Но как мог я внушить такую любовь, – я, такой бедный, так плохо воспитанный, такой невежественный, иногда такой грубый в обращении?»

Однажды ночью ребенку стало очень плохо. Около двух часов ночи господин де Реналь зашел взглянуть на него. Ребенок, красный от жара, не узнал своего отца. Вдруг госпожа де Реналь бросилась к ногам своего мужа; Жюльен видел, что она сейчас во всем признается и погубит себя навеки.

К счастью, этот странный жест рассердил господина де Реналья.

– Прощай, – сказал он, выходя.

– Нет, выслушай меня, – воскликнула жена, стоя перед ним на коленях и стараясь его удержать. – Узнай всю правду. Это я убиваю своего сына. Я дала ему жизнь, и я же ее отнимаю. Небо карает меня в глазах Бога, я виновна в убийстве. Я должна сама себя унижить и погубить; быть может, эта жертва умиловит Господа.

Если бы господин де Реналь был человек с воображением, он понял бы все.

– Романтические бредни, – воскликнул он, отстраняя жену, старавшуюся обнять его колени. – Все это одни романтические бредни! Жюльен, велите позвать доктора рано утром. – И он пошел спать.

Госпожа де Реналь упала на колени почти без чувств, судорожно отталкивая Жюльена, бросившегося ей помочь.

Жюльен был поражен.

«Вот что значит адюльтер! – подумал он. – Возможно ли, что эти столь лукавые священники... правы? Они так много сами грешат, что знают истинную сущность греха? Какая странность!»

Спустя двадцать минут после ухода господина де Реналья Жюльен все еще видел, как любимая им женщина, склонившись головою к постельке ребенка, застыла неподвижно, почти лишившись чувств. «Вот женщина, столь умная, доведена до полного отчаяния только потому, что познала меня, – думал он. – Часы летят быстро... Что могу я сделать для нее? Надо решиться. Теперь дело идет уже не обо мне. Что мне до людей и до их глупых кривляний? Что

могу я сделать для нее? Оставить ее? Но ведь я оставлю ее на растерзание ужасным мукам. От этого истукана-мужа больше вреда, чем пользы. Он способен грубо с ней обойтись; она может помешаться, выброститься из окна.

Если я ее оставлю, если перестану за нею наблюдать, она признается ему во всем. И кто знает, быть может, несмотря на наследство, которое она должна ему принести, он поднимет скандал. Она может все сказать, Господи! этому... аббату Малону, который под предлогом болезни шестилетнего ребенка постоянно торчит в доме, и неспроста. В своем горе и страхе перед Богом она забывает, что он за человек; видит в нем только священника».

– Уходи, – сказала ему вдруг госпожа де Реналь, открывая глаза.

– Я бы тысячу раз пожертвовал жизнью, если бы знал, что это тебе поможет, – ответил Жюльен. – Никогда я еще тебя так не любил, мой дорогой ангел, или, вернее, только с этой минуты я начинаю обожать тебя так, как ты этого заслуживаешь. Что станет со мною вдали от тебя, если я буду думать, что ты несчастна из-за меня! Но не будем говорить о моих страданиях. Я уеду, да, любовь моя. Но если я тебя оставлю, если перестану наблюдать за тобою, беспрестанно находясь между тобой и твоим мужем, ты ему скажешь все и погубишь себя. Подумай, он с позором выгонит тебя из дому; весь Верьер, весь Безансон будут говорить об этом скандале. Тебя сочтут во всем виновною; ты никогда не оправившись от этого позора...

– Этого-то я и хочу, – воскликнула она, вставая. – Я буду страдать, тем лучше.

– Но ведь этим ужасным скандалом ты опозоришь и его!

– Но я унижу сама себя, я брошусь в грязь; и, быть может, этим я спасу сына. Это унижение на глазах у всех, быть может, послужит публичным покаянием. Насколько я могу судить, это самая большая жертва, какую я могу принести Богу... Быть может, он удостоит принять мое унижение и сохранить мне сына! Укажи мне еще более тяжелое покаяние, я устремлюсь к нему.

– Позволь мне наказать себя. Ведь я также виновен. Хочешь, я отправлюсь к траппистам? Суровость их жизни может умиловать твоего Бога. О Господи! Почему я не могу взять на себя болезнь Станислава.

– О, как ты его любишь, – сказала госпожа де Реналь, бросаясь в его объятия.

В то же мгновение она оттолкнула его в ужасе.

– О, мой единственный друг! – воскликнула она, снова упав на колени, – почему ты не отец Станислава! Тогда бы не было страшного греха – любить тебя больше сына.

– Позволь мне остаться здесь и любить тебя отныне, как брат? Это единственное разумное искупление; оно может умиловать гнев Всевышнего.

– А я, – воскликнула она, поднимаясь, схватив голову Жюльена руками и держа ее перед своим лицом. – А я разве могу любить тебя, как брата? В моей ли власти любить тебя, как брата?

Жюльен разразился слезами.

– Я послушаюсь тебя, – сказал он, падая к ее ногам, – я послушаюсь тебя, что бы ты мне ни приказала. Это все, что мне остается делать. Мой разум поразила слепота; я не знаю, что мне делать. Если я тебя оставлю, ты все скажешь мужу; погубишь и себя, и его. Никогда после такого скандала его не выберут в депутаты. Если я останусь, ты будешь считать меня причиною смерти твоего сына и сама умрешь с горя. Хочешь, я попробую уехать? Если хочешь, я накажу себя за наш грех, расставшись с тобою на неделю. Я проведу эту неделю, где ты хочешь. Например, в аббатстве Бре-ле-О; но поклянись мне, что во время моего отсутствия ты ни в чем не признаешься мужу. Помни, что я не смогу вернуться, если ты признаешься.

Она обещала, он уехал. Но через два дня был снова призван.

– Я не могу без тебя сдержать своего обещания. Я признаюсь мужу, если ты не будешь постоянно приказывать мне взглядами молчать. Каждый час этой ужасной жизни кажется мне целым днем.

Наконец Небо сжалилось над несчастной матерью. Понемногу Станислав стал поправляться. Но лед был сломан; она поняла всю значительность своего прегрешения и не могла вернуться к прежнему спокойствию. Оставались муки совести и их воздействие на столь искреннее сердце. Жизнь ее становилась попеременно то раем, то адом: адом, когда она не видела Жюльена, раем, когда была у его ног.

– Я не строила никаких иллюзий, – говорила она ему даже в те моменты, когда осмеливалась всецело отдаваться любви, – я проклята, безвозвратно проклята. Ты молод, ты поддался моим чарам, Небо может тебя простить; но я осуждена. Я в этом убеждена. Мне страшно: кому бы не было страшно при виде ада? Но в глубине души я не раскаиваюсь. Я снова совершила бы этот грех, если бы пришлось его совершать. Только бы Небо не покарало меня в этой жизни и через моих детей, и я получу больше, чем заслуживаю. Но ты, по крайней мере, мой Жюльен, – восклицала она в другие моменты, – счастлив ли ты, чувствуешь ли, как я люблю тебя?

Недоверчивость и болезненная гордость Жюльена, больше всего нуждавшегося в жертвенной любви, сдались при виде этой жертвы, столь великой, столь несомненной, столь длительной. Он стал обожать госпожу де Реналь. «Хотя она знатного рода, а я – сын работника, все же она любит меня... Я для нее – не простой лакей, исполняющий роль любовника». Расставшись с этими опасениями, Жюльен предался всем безумствам любви с ее мучительными сомнениями.

– По крайней мере, – восклицала она, видя, что он сомневается в ее любви, – пусть я дам тебе счастье в те немногие дни, которые нам остается провести вместе! Не будем терять времени; быть может, уже завтра я больше не буду твоею. Если Небо поразит меня в моих детях, напрасно буду я стараться жить только ради тебя, закрывая глаза на то, что мое преступление – причина их гибели. Я не переживу такого удара. Если бы я и хотела, то не смогу, я сойду с ума.

– Ах! если б я могла взять на себя твой грех, как ты великодушно предлагал мне взять на себя болезнь Станислава!

Это огромное испытание изменило характер чувств, которые Жюльен питал к своей возлюбленной. Его любовь уже не была одним только восхищением ее красотой, гордостью обладания...

С этих пор счастье их сделалось гораздо возвышеннее; сжигавшее их пламя усилилось. Порывы их восторгов доходили до безумия. Со стороны казалось, что они теперь гораздо счастливее. Но они утратили восхитительную ясность, безоблачное блаженство, безмятежное счастье первых дней их любви, когда единственное опасение госпожи де Реналь состояло в том, что Жюльен ее недостаточно любит... Теперь в их счастье словно было что-то преступное...

В самые счастливые и, по-видимому, безмятежные минуты госпожа де Реналь вдруг восклицала, судорожно сжимая руку Жюльена:

– Ах! великий Боже! я вижу ад! Что за ужасные терзания! Я их вполне заслужила. – И она обнимала его, прижималась к нему, словно плющ к стене.

Жюльен тщетно старался успокоить эту разволновавшуюся душу. Она брала у него руку, осыпала ее поцелуями. Затем, погружаясь в мрачную задумчивость, говорила:

– Ад, ад был бы для меня милостью; я могла бы провести на земле еще несколько дней с тобою, но муки ада в этой жизни, смерть моих детей... Впрочем, такой ценой, быть может, простится мое преступление... Ах! великий Боже! не посылай мне прощения этой ценой. Мои бедные дети не грешили пред тобою; я, одна я единственно виновна: я люблю человека, который мне не муж.

После этого Жюльен видел, что на госпожу де Реналь нисходило видимое успокоение. Она старалась овладеть собою; старалась не отравлять жизнь любимого. Среди этих чередований любви, раскаяний и наслаждений время летело для них с быстротой молнии. Жюльен потерял привычку размышлять.

Девушка Элиза отправилась в Верьер по своему делу... Она застала господина Вально чрезвычайно настроенным против Жюльена. Она ненавидела наставника и часто о нем говорила с господином Вально.

– Вы можете меня погубить, сударь, но я вам открою истину!.. – сказала она однажды господину Вально. – Господа все заодно в некоторых важных вещах... Бедным слугам никогда не прощают некоторых признаний...

После этих банальных фраз, которые нетерпеливое любопытство господина Вально быстро сократило, он узнал вещи совершенно невыносимые для его самолюбия.

Эта женщина, самая изысканная в округе, которую шесть лет он окружал таким вниманием, – к сожалению, на глазах у всех, – эта женщина, столь гордая, надменность которой столько раз заставляла его краснеть, взяла себе в любовники жалкого работника, пожалованного в наставники. В довершение великой досады господина директора дома призрения, госпожа де Реналь обожала этого любовника.

– И, – прибавляла горничная со вздохом, – господин Жюльен нисколько не добивался этой победы, обращался с барыней со своей обычной холодностью.

Элиза убедилась в этом только на даче, но полагала, что интрига началась значительно раньше. «Без сомнения, – прибавляла она с горечью, – это ему и помешало жениться на мне. А я, дура, ходила советоваться с госпожой де Реналь, просила ее поговорить с ним!»

В этот же вечер господин де Реналь получил из города вместе с газетой пространное анонимное письмо, сообщавшее ему во всех подробностях все, что происходило у него дома. Жюльен видел, как он побледнел, читая письмо, написанное на голубоватой бумаге, и бросил на него злобный взгляд. Весь вечер мэр не мог прийти в себя от волнения; и тщетно Жюльен заискивал перед ним, расспрашивая его о генеалогии знатнейших бургундских семей.

Глава 20. Анонимные письма

*Do not give dalliance
Too much the rein; the strongest oaths are straw
To the fire I the blood.*

Tempest

*Обуздывай себя – иль клятвы эти
В пылающей крови сгорят, как порох.*

Шекспир. Буря

Когда около полуночи расходились из гостиной, Жюльен улучил минутку и шепнул своей возлюбленной:

– Сегодня мы не будем видеться, ваш муж нас подозревает; держу пари, что длинное письмо, которое он читал, вздыхая, – анонимное письмо.

К счастью, Жюльен имел обыкновение запираться на ключ в своей комнате. Госпожа де Реналь решила, что опасения Жюльена были предлогом не видеться с нею. Она окончательно потеряла голову и в обычный час подошла к его двери. Жюльен, услышав шаги в коридоре, моментально потушил лампу. Кто-то старался отворить его дверь; была ли это госпожа де Реналь или ревнивец муж?

На другой день рано кухарка, покровительствовавшая Жюльену, принесла ему книгу, на обложке которой он прочел по-итальянски: «Guardate alla pagina 130» (Посмотрите на страницу 130.).

Жюльен бросило в дрожь от этой неосторожности, он отыскал 130 страницу и нашел там письмо, приколотое булавкой, написанное наскоро, залитое слезами, без всяких признаков орфографии. Обычно госпожа де Реналь тщательно ее соблюдала, это тронуло его, и он даже забыл о ее страшной неосторожности.

«Ты не захотел видеть меня сегодня ночью? Бывают минуты, когда мне кажется, что я никогда не заглядывала в глубину твоей души. Порою твои взгляды пугают меня. Я боюсь тебя. Великий Боже! Неужели ты никогда не любил меня? В таком случае пусть мой муж узнает о нашей любви и запрет меня навеки в деревне, вдали от моих детей. Быть может, Господу это угодно. Я скоро умру; но ты будешь чудовищем.

Неужели ты не любишь меня? Тебя утомили мои безумства, мои угрызения, безбожник? Хочешь погубить меня? Я тебе указываю легкий способ. Ступай – покажи это письмо всему Верьеру или, лучше, одному только господину Вально. Скажи ему, что я тебя люблю, нет, не произноси такого богохульства; скажи ему, что я тебя обожаю, что я увидела жизнь только с того дня, как увидела тебя; что в самые безумные минуты юности я даже не мечтала о том счастье, которое ты мне дал; что я пожертвовала тебе жизнью и жертвую душой. Ты знаешь, что я жертвую тебе и большим.

Но разве этот человек понимает, что значит жертва? Скажи ему, скажи, чтобы привести в ярость, что я презираю всех злюк и что на свете для меня только одно несчастье – видеть перемену в единственном человеке, привязывающем меня к жизни. Какое счастье было бы для меня лишиться жизни, принести ее в жертву, не бояться более за детей!

Не сомневайтесь, дорогой друг, что, если существует анонимное письмо, оно послано этим гнусным существом, которое в продолжение шести лет надоедало мне своим грубым голосом, рассказами о своей верховой езде, своим фатовством и постоянным восхвалением своих достоинств.

Было ли анонимное письмо? Злюка, вот о чем я хотела поговорить с тобою; но нет, ты поступил умно. Сжимая тебя в объятиях, быть может, в последний раз, я бы никогда не могла

рассуждать хладнокровно, как я рассуждаю, оставшись одна. Теперь наше счастье не будет уже таким безоблачным. Вызовет ли это у вас досаду? Да, в те дни, когда вы не получите от господина Фуке какой-нибудь занимательной книги. Жертва принесена; завтра – есть ли анонимное письмо или нет его – я сама скажу мужу, что получила анонимное письмо и что следует немедленно удалить тебя под приличным предлогом, отправить тотчас к твоим родным.

Увы! милый друг, мы расстанемся на две недели, быть может, на целый месяц! Слушай, я буду справедлива, знаю, что ты будешь страдать не менее меня. Но, в конце концов, это единственное средство противодействовать этому анонимному письму; это уже не первое, полученное моим мужем, и все по поводу меня. Увы! сколько раз я смеялась над этим!

У меня одна цель – заставить мужа подумать, что письмо написано господином Вально; а я не сомневаюсь, что он его автор. Если ты уедешь от нас, поселись непременно в Верьере; я устрою так, что мой муж захочет там провести две недели, чтобы доказать глупцам, что мы с ним не поссорились... Устроившись в Верьере, постарайся подружиться со всеми, даже с либералами. Я уверена, что все дамы будут от тебя в восторге.

Не вздумай ни ссориться с господином Вально, ни отрезать ему ушей, как ты однажды выразился; напротив, будь с ним как можно любезнее. Главное, пусть все кричат в Верьере, что ты поступаешь к Вально или к кому-нибудь другому в воспитатели.

Этого мой муж никогда не допустит. Если же он на это решится, ну что ж! по крайней мере, ты будешь жить в Верьере, и я тебя буду изредка видеть; мои дети так тебя любят и будут тебя навещать. Боже мой! я чувствую, что детей люблю сильнее за то, что они любят тебя. Какой грех! Чем все это кончится?... Я теряю голову... Ну, ты понимаешь, как нужно себя вести; будь кроток, учтив, не выказывай презрения этим грубиянам, умоляю тебя на коленях: от них зависит наша судьба. Не сомневайся ни минуты, что мой муж будет поступать в отношении тебя так, как ему предпишет *общественное мнение*.

Ты должен доставить мне анонимное письмо, вооружись терпением и парюю ножниц. Вырежи из книги прилагаемые слова; затем наклей их на голубоватую бумагу, которую я тебе посылаю; она у меня от Вально. Приготовься к обыску у тебя, сожги страницы книги, которые ты испортишь. Если ты не найдешь готовых слов, не ленись составить их по буквам. Чтобы облегчить твой труд я составила очень короткое анонимное письмо. Увы! если ты меня больше не любишь, как я того опасаюсь, каким длинным должно тебе показаться это мое письмо!

Анонимное письмо

„Сударыня!

Все ваши проделки известны, а лица, в интересах которых их обуздать, – предупреждены. Остаток дружеских чувств к вам заставляет меня предложить вам решительно удалить от себя молодого крестьянина. Если у вас хватит на это благоразумия, ваш муж поверит, что полученное им уведомление ложно, и его оставят в этом заблуждении. Подумайте, что я держу в руках вашу тайну; трепещите, несчастная; теперь вы должны ходить передо мною *по струнке*“.

Как только ты закончишь наклеивать слова этого письма (узнал ли ты слог директора?), выйди из дому – я тебя встречу.

Я пройду в деревню и вернусь расстроенная; да я и в самом деле буду взволнована. Великий Боже! что я задумала, и все это только потому, что тебе *почудилось* анонимное письмо. Затем с изменившимся лицом я передам мужу письмо, поданное мне каким-то незнакомцем. А ты иди гулять с детьми по дороге к большому лесу и возвращайся только к обеду.

С вершины утеса ты можешь видеть голубятню. Если наши дела пойдут хорошо, я привяжу там белый платок; в противном случае – там не будет ничего.

Неблагодарный, твое сердце может подсказать тебе какой-нибудь способ шепнуть мне, что ты меня любишь, до ухода на прогулку? Что бы ни случилось, будь уверен в одном: я не проживу и дня после нашего окончательного разрыва. Ах! какая я скверная мать, но это пустые

слова, дорогой Жюльен. Я этого не чувствую; я не могу думать сейчас ни о ком, кроме тебя. Я написала эти слова только для того, чтобы ты меня не бранил. Теперь, когда я чувствую, что могу потерять тебя, – к чему скрывать? Да! пусть я покажусь тебе жестокой, но я не могу лгать перед человеком, которого обожаю! Я и так уже много лгала в своей жизни. Слушай, я тебя прощаю, если ты даже меня больше не любишь. У меня нет времени перечитать это письмо. Мне кажется пустяком заплатить жизнью за счастливые дни, которые я провела в твоих объятиях. Ты знаешь, что они обойдутся мне еще дороже».

Глава 21. Диалог с хозяином

*Alas, our frailty is the cause, not we;
For such as we are made of, such we be.*

Twelfth Night

*О слабость женская! Не наша ль в том вина,
Что женщина такой сотворена?*

Шекспир. Двенадцатая ночь

С детским удовольствием Жюльен в течение целого часа подбирал и наклеивал слова. Выходя из своей комнаты, он встретил своих учеников с матерью; она взяла письмо с простотой и смелостью, которые его удивили.

– Просох ли клей? – спросила она.

«Та ли это женщина, которую раскаяние доводило почти до безумия? – подумал он. – Что она затеяла?» Он был слишком горд, чтобы спросить ее об этом; но, быть может, еще никогда она ему так не нравилась.

– Если это не выгорит, – прибавила она с тем же хладнокровием, – у меня отнимут все. Закопайте это где-нибудь в горах; быть может, наступит день, когда этим ограничатся все мои средства.

Она подала ему стеклянный футляр в красном сафьяновом чехле, наполненный золотом и драгоценностями.

– Теперь уходите, – сказала она ему.

Она поцеловала детей, младшего – два раза. Жюльен стоял не двигаясь. Она ушла быстрыми шагами, даже не взглянув на него.

С той минуты, когда господин де Реналь вскрыл анонимное письмо, жизнь его сделалась ужасной. Он не волновался так со времени дуэли, случившейся в 1816 году, и нужно отдать ему справедливость, что тогда перспектива получить пулю была ему приятнее его теперешнего состояния. Он рассматривал письмо со всех сторон. «Не женский ли это почерк? – спрашивал он себя. – Но какая же женщина могла его написать? – Он перебирал в уме всех знакомых дам в Верьере, но ни на одной не мог остановить своих подозрений. – Или мужчина сочинил это письмо? Но какой мужчина? – Снова он колебался; ему завидовали, и, без сомнения, большинство его знакомых питало к нему ненависть. – Надо посоветоваться с женой,» – сказал он себе по привычке, поднимаясь с кресла.

Он встал, но тут же воскликнул, ударив себя по голове: «Боже мой! да ее-то я и должен особенно остерегаться; она – теперь мой враг». И слезы брызнули у него из глаз от злости.

Как бы по справедливому возмездию за сухость души, олицетворяющей всю провинциальную мудрость, два человека, которых в этот момент господин де Реналь боялся больше всего, были его самыми близкими друзьями.

«Кроме них, у меня, может, наберется еще десяток приятелей, – и он перебрал их в уме, оценивая степень участия, которое мог ожидать от них. – Всем! всем! – воскликнул он в бешенстве, – мое несчастье доставит величайшее удовольствие». К счастью, он воображал, что все ему завидуют, и не без основания. Кроме его великолепного городского дома, который король *** осчастливил навеки, переночевав в нем, он владел еще прекрасным замком в Вержи. Фасад его был выкрашен белой краской, а окна закрывались прекрасными зелеными ставнями. На мгновение его утешила мысль об этом великолепии. Ведь его замок был виден на три или четыре лье, к великой досаде владельцев всех соседних домов, называемых «замками», которые стояли серые, потемневшие от времени.

Господин де Реналь мог рассчитывать на сочувственные слезы лишь одного из своих друзей, приходского церковного старосты; но этот дурак плакал из-за всего. И, однако, этот человек был его единственной надеждой.

«Какое несчастье можно сравнить с моим? – воскликнул он в бешенстве. – Какое одиночество! Возможно ли! – думал этот человек, поистине достойный сожаления, – возможно ли, что в моем несчастье у меня нет друга, чтобы посоветоваться? Ибо я теряю голову, я чувствую это! Ах! Фалькоз! ах, Дюкро!» – воскликнул он с горечью. Это были имена двух друзей детства, которых он оттолкнул своим высокомерием в 1814 году. Они не были знатного рода, и он считал нужным изменить тон равенства, который установился между ними с детства.

Один из них, Фалькоз, умный и душевный человек, занимавшийся торговлей бумагой в Верьере, купил в главном городке департамента типографию и начал издавать газету. Конгрегация решила его разорить. Газету его запретили, лишили его прав типографа. В этих печальных обстоятельствах он попробовал обратиться к господину де Реналю впервые за десять лет. Мэр Верьера считал нужным ответить подобно древнему римлянину: «Если бы королевский министр удостоил меня чести спросить совета, я бы сказал ему: разорьте без сожалений всех провинциальных типографов и введите на типографию такую же монополию, как на табак». Это письмо к близкому другу, которым в свое время восхищался весь Верьер, господин де Реналь вспоминал теперь с отвращением. «Кто бы мне сказал, что в моем положении, с моим состоянием, при моих орденах, я когда-нибудь буду в этом раскаиваться?» Он провел ужасную ночь, то негодуя сам на себя, то на все его окружающее; к счастью, ему не пришлось в голову следить за женою.

– Я привык к Луизе, – говорил он, – она знает все мои дела; если бы завтра я получил возможность вновь жениться, я не знал бы, кем ее заменить. – И он стал утешать себя мыслью, что жена его невинна; эта точка зрения не ставила его в необходимость выказывать характер – вообще устраивала его; ведь мало ли на скольких женщин клеветают!

«Вот еще! – воскликнул он вдруг, судорожно забежав по комнате, – неужели я потерплю, словно я какое-нибудь ничтожество, какой-нибудь голяк, чтобы она издевалась надо мною со своим любовником? Неужели я допущу, чтобы весь Верьер смеялся над моим мягкосердечием? Чего только не говорили о Шармье (это был муж, явно обманываемый)? При его имени не начинают ли все улыбаться? Он хороший адвокат, но кто при этом заикается о его таланте? А! Шармье, говорят: Шармье де Бернар, – называют его именем человека, который его опозорил.

Слава Богу, – говорил господин де Реналь немного спустя, – что у меня нет дочери, и наказание, которому я подвергну мать, не повредит положению моих детей; я могу поймать этого малого с моей женой и убить их обоих; в этом случае трагизм положения заслонит собою всю смешную сторону. – Эта мысль ему понравилась, он стал ее обдумывать во всех подробностях. – Уголовное положение за меня, и, что бы ни случилось, наша конгрегация и мои друзья присяжные меня спасут. – Он осмотрел свой охотничий нож, который показался ему очень острым; но мысль о крови пугала его. – Я могу поколотить этого нахального наставника и выгнать его; но какой шум это наделает в Верьере и даже во всем департаменте! После запрещения газеты Фалькоза, когда его главный редактор вышел из тюрьмы, я содействовал тому, чтобы он потерял свое место в шестьсот франков. Говорят, что этот писака осмелился снова появиться в Безансоне; он может так ловко опозорить меня, что окажется невозможным притянуть его к суду!.. Наглец такого нагородит, чтобы доказать, что сказал правду. Человека из хорошей семьи, поддерживающего свое положение, как я это делаю, ненавидят все плебеи. Я увижу свое имя в этих ужасных парижских газетах; о Господи! какой позор! видеть древнее имя де Реналья втоптанное в грязь... Если я поеду когда-либо путешествовать, придется переменить фамилию; как! отказаться от имени, в котором гордость и моя сила! Какое безмерное несчастье!

Если я не убью свою жену, а только с позором выгоню ее, то в Безансоне у нее есть тетка, которая передаст ей из рук в руки все свое состояние. Моя жена отправится в Париж с Жюльеном; это узнают в Верьере, и я еще раз окажусь в дураках».

Наконец несчастный человек заметил по бледному мерцанию лампы, что светает. Он пошел в сад слегка освежиться. В этот момент он почти решил не поднимать скандала, в особенности ради того, чтобы не доставить такого торжества своим добрым верьерским друзьям.

Прогулка по саду слегка успокоила его. «Нет, – воскликнул он, – я не лишу себя жены, она мне слишком нужна». Он с ужасом представил себе, что станет с его домом без жены; его единственная родственница, маркиза Р... была старая, глупая и злая женщина.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.